ПИОНЕР

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

2

СОДЕРЖАНИЕ

Десятому с'езду ленинского комсомола 3
Как цапли коршунов победили—*стихи Н. Асеева, рис. А. Брея* 4
Отец и сын *Ал. Яковлев, рис. Ф. Полищук* 7
Гибель Чапаева—*стихи З. Александровой* 23
Агитмедведь особого отряда—*рассказ Л. Кассиля, рис. П. Митурича* 24
Комната искусственного климата—*проф. С. Л. Бастамов* 33
Волшебная палочка—*рассказ Мих. Лоскутова, рис. А. Каневского* 37
Охота в уссурийских лесах—*В. Лебедев* 49
Трагический поэт—*Путешествия в века* 52
Приключения в Атахуальпе—*повесть Теодора Пливье (продолжение)* 56
Научный телеграф 87
Рассказ о летающем коне—*арабская сказка, обработка М. Салье, рис. Ю. Кискачи* 91
Секретная операция—*П. А. Борисова* 99
Москва будущего—*гравюра на дереве П. Рябова* 107
Почта 108
Рисунок—*стихи С. Михалкова, рис. А. Каневского* 114
Спорт 115
Биоскоп 118
Рассказы о дорогах 120
Блуждающая школа 123
Самоделки 125
Загадки доктора Каррабелиуса 127

На обложке картина художника Г. Нисского.

Нарисован эскадренный миноносец Красного флота. Разноцветные флаги на его мачте—не украшения, а сигналы. Такими сигналами корабли переговариваются в море. Кто знает флажную азбуку, тот прочтет: „Привет X с'езду ВЛКСМ".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", дом 24, ком. 547, тел. Д 3-10-73

П 29
34.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

№ 2

ФЕВРАЛЬ

1 9 3 6

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Десятому с'езду ленинского комсомола

По инициативе товарища Сталина руководство детской литературой передано ленинскому комсомолу. С этого времени мы, детские писатели и художники, более чем когда-либо чувствуем себя ближайшими помощниками комсомола в огромном деле коммунистического воспитания советской детворы.

Нынешний год знаменателен и для старейшего детского журнала „Пионер", который стал первым советским детским толстым журналом. Мы обещаем с'езду отдать все свои силы, чтобы детская литература стала большой советской литературой, достойной великой страны и ее молодого поколения.

Просим принять первые два номера журнала как наш творческий рапорт X с'езду ВЛКСМ.

Н. Асеев, З. Александрова, проф. С. Бастамов, Аркадий Гайдар, Борис Житков, проф. Н. Зубов, Б. Ивантер, Лев Кассиль, Всеволод Лебедев, Мих. Лоскутов, С. Я. Маршак, Сергей Михалков, А. Некрасов, М. М. Пришвин, Теодор Пливье, М. Салье, Алексей Югов, Александр Яковлев.

Художники: М. Аскинази, Б. Берендгоф, А. Брей, Б. Винокуров, А. Каневский, Ю. Кискачи, П. Митурич, Г. Нисский, Ю. Пименов, Ф. Полищук, В. Цельмер, Е. Чарушин.

Как цапли коршунов победили

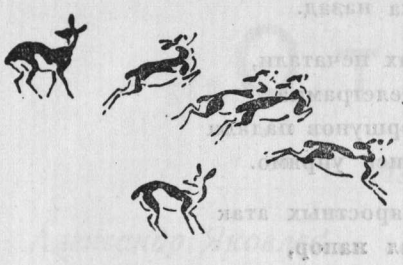
Н. Асеев *Рис. А. Брея*

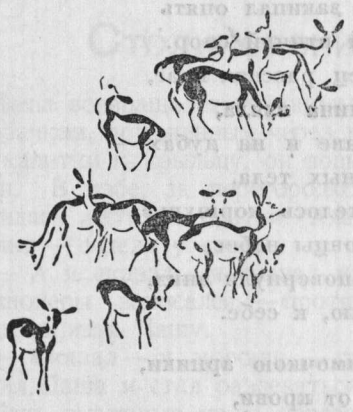
Хоть это похоже на выдумку,
Но выдумки здесь — ни капли:
В Советском союзе, действительно,
Такие имеются цапли.

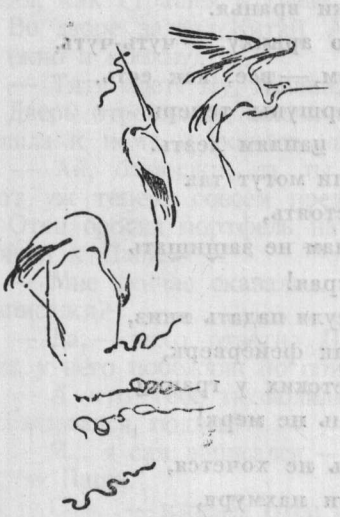
В Приморской области леса
Огромны и густы,
Там крепки кедры и дубы —
Не тощие кусты.
Я сам там был и видел сам,
Какой там зверю вод,
Каких там только нет семейств,
Каких там нет пород!
Там, где навис речной обрыв,
Мелькает выдрин хвост,
Трудолюбивые бобры
Пыхтят, поднявшись в рост.
Там пробковый ветвится дуб,
И дикий виноград
Тяжелый занавес спустил
Над логовом тигрят.

А если вам верить не хочется,
Вы смотрите, брови нахмуря,
Вам все подтвердит это в точности
Тигрица с верховьев Уссури.

И там, чтоб зверю без забот
Жилось и без угроз,
Раскинул пастбища свои
Большой зверосовхоз.







Оленьи выводки паслись
На воле — без числа,
И серых цапель на дубах
Колония жила.
Их многочисленных семей
Был тонок глаз и слух.
Они уничтожали змей
На сотни миль вокруг.
Их часовые — начеку:
Следят во все концы,
Пока, качаясь на суку,
Ждут матерей птенцы.

Там змей превеликое множество,
Немало средь них ядовитых,
Но цапель носы, словно ножницы,
Умели к земле придавить их.

И вот однажды, в ясный день,
Померкнул свод небес,
Как будто серой тучи тень
Заполонила лес.
По глади неба, на краю
Голубизны ее,
В зловещем, сомкнутом строю
Летело коршунье.
Так низко коршуны неслись,
Что ветер книзу бил,
Что на деревьях каждый лист
Дрожал от свиста крыл.
Тревожный оклик часовых —
И, описав дугу,
Пять тысяч цапель поднялись
Наперерез врагу.

В молчаньи летели коршуны,
Их когти отточенней сабель,
Глаза их недобрые скошены
На гнезда колонии цапель.

И завязался страшный бой,
Поляны пух покрыл...
Под ширью неба голубой
И треск и трепет крыл,
Взмывая выше хищных птиц,
Даль криком огласив,
Бросались цапли камнем вниз
На коршуний массив.
Сбежались люди на лугу.
Да сделаешь тут что ж?
Стрелять? — Опасно: в тесноте
По цаплям попадешь.

А цапли бьются грудь о грудь
И тыл врага разят,
И удалось им повернуть
Противника назад.

Об этом в газетах печатали,
Об этом была телеграмма,
Как цапли на коршунов падали
Как те пробивались упрямо.

Три раза яростных атак
Отпрядывал напор,
Три раза закипал опять
Кровавый птичий спор.
И, наконец, рассеян враг,
И — цаплина взяла,
А на траве и на дубах —
Заклеванных тела.
И разлетелось коршунье
Во все концы небес,
А цапли повернули вниз,
В колонию, к себе.

Смыв раны примочкою арники,
Очистив перья от крови,
Опять часовые-ударники
На страже стоят наготове.

Так вот как цаплями отбит
Был натиск коршунья,
О том мы рассказали здесь
Без капельки вранья.
Ну там, про арнику, — чуть-чуть,
Но, в общем, — все, как есть.
И долго коршуны теперь
Не будут к цаплям лезть.
А если цапли могут так
Границу отстоять,
То как же нам не защищать
Советские края!
Учись как пуля падать вниз,
Взлетать как фейерверк,
Чтоб у советских у границ
Веселый день не мерк!

А если вам верить не хочется,
Вы смотрите брови нахмуря,
Вам все раз'яснит это в точности
Тигрица с верховьев Уссури!

Отец и сын

Из жизни Павлика Морозова

Александр Яковлев *Рис. Ф. Полищук*

Столкновение

Паша возвращался из школы. Прыгая по чурбачкам, положенным через грязный двор от калитки к крыльцу, он вошел в темные сени. В избе, за перегородкой, у печки, возилась мать. А братья: Алеша, Федя и Ромка — сидели у стола.

— А я сказал... я сказал маме, что ты в пионеры записался, — протянул Алеша, поддразнивая Пашу.

— Сказал — и хорошо, — спокойно ответил Паша и стал раздеваться.

Мать выглянула из-за перегородки.

— Ты что же это? И впрямь записался?

Она покачала головой:

— Ой, сынок, не говори отцу. Убьет он тебя.

— Авось, не убьет, — бодро сказал Паша, но сердце у него тоскливо сжалось: он знал, как страшен в гневе отец.

Во дворе залаял Китай, Алеша выглянул в окно и крикнул:

— Тятя идет! Ну, Пашка, берегись!

Дверь отворилась, вошел отец. Мать подошла к нему и сказала нараспев:

— Ай, батюшки, да ты с портфелью! Вот уж теперь совсем председатель.

Отец бросил портфель на скамью и подошел к Паше:

— Мне сейчас сказали... Ты в пионеры записался?

— Да, — тихо ответил Паша, чувствуя, как у него побежали по спине мурашки.

— А кто тебе позволил? Ты у меня спрашивался, подлец?

— Я... я сам записался, — еще тише ответил Паша.

— Сам... — взревел отец и, широко размахнувшись, ударил Пашу по лицу.

Паша отлетел к коннику. Федя и Ромка завыли и стрельнули на печь. Мать, растопырив руки, встала между отцом и Пашей и закричала:

— Да что же ты делаешь? Убить что ли хочешь?

— И убью, дьявола, если из пионеров не выпишется. Я покажу ему...

И, злобно взглянув на жену, крикнул:

— Ну, ты, заступница! Давай обедать!

Паша, весь бледный, стоял у коника. Мать стала собирать на стол. Отец вышел к рукомойнику в сени. Алеша, потом Федя и Ромка поспешно сели за стол, голодными глазами посматривая на хлеб. Паша сел с краю. Отец шагнул через порог и, увидев, что Паша сидит у стола, заорал:

— Этто что! За стол сел? Коммунистов не кормлю!

Сжав кулаки, он пошел к Паше. Тот разом вскочил и метнулся к двери.

И в этот миг из-за перегородки высунулась мать с большой сковородкой, на которой в растопленном сале шипела картошка. Паша плечом толкнул сковородку, горячее сало облило ему шею, руку, бок.

— А!.. — в ужасе закричала мать и уронила сковородку на пол.

Корчась от страшной боли, Паша упал. Мать схватила утирку с гвоздя, начала вытирать ему шею, плечо. Паша стонал, плакал.

Мать подняла его, повела к конику, уложила. Она стащила с Паши рубашку, взяла бутылку с конопляным маслом и смазала обожженные места. Паша застонал сильнее. Отец фыркнул, взял шапку, оделся и ушел из избы. Крупные, как горошины, слезы катились из глаз Паши. В избу неслышными шагами вошла бабушка Ксения, отцова мать.

— Что это у вас? Трушка пришел к нам сердитый, как Илья-пророк.

Увидев стонущего Пашу, он поджала губы, покачала головой.

— Ну что ж, сам виноватый, не мчись, как угорелый. Отец и побьет — не беда. Это тебя бог наказал.

Мать встала между отцом и Пашей.

— Будет тебе, маменька, без тебя тошно, — сказала мать.

— Ты известная потатчица. Сынки тебе дороже мужа. Знаю, знаю...

— Лучше скажи, что делать-то? Ведь пропадет мальчишка. В больницу что ли его везти?

— В больницу? По этакой дороге — пятьдесят-то верст? Небось, и тут отлежится.

К ночи все обожженные места вздулись. Паша метался в беспамятстве. Мать тихо плакала над ним. Отец вернулся домой поздно и, ни слова не говоря, лег спать. Мать заметила, что он смущен, — должно быть, сам испугался. Заметив это, она попросила:

— Запряги, Трофим, лошадь, надо мальчишку отвезти в больницу.

Трофим опять обозлился.

— Жалеешь — на себе отнесешь.

Он отвернулся. Татьяна не стала спорить: все равно, не переспоришь.

Паша очнулся только к утру, попросил пить. Он лежал неподвижно, малейшее движение причиняло ему боль. Утром Алеша собрался в школу. Мать сказала ему:

— А ты, смотри, не болтай, что отец Пашку бил. Если спросят, почему Пашка не пришел, скажи — на сковородку нечаянно наткнулся, бок обжег.

Два лица

Апрель, как всегда в Зауралье, стоял светлый. Вереницами летели на север гуси, утки, журавли. На озере Сатокове, как всегда, сделали привал лебеди. Трофим бывало ходил на охоту почти каждый день. Но теперь некогда было: сидел все время в сельсовете. Домой он являлся только пообедать и опять уходил до ночи.

На шестой день Паша сделал попытку перевернуться. Боль была потише, но встать он еще не мог. Вошел отец.

— Татьяна! — крикнул он с порога. — Сейчас Самсонов придет обедать. Что у тебя там есть?

— Что? Хлеб да картошка, сам знаешь.

— Ать, дьявол! Беги скорей к Кулуканову, спроси яиц, сала, масла, стряпай живо!

Он разделся и, подойдя к коннику, на котором лежал Паша, сказал:

— Ты, Пашка, смотри, если Самсонов будет расспрашивать, скажи, с братом, мол, играл да невзначай толкнул сковородку. Слышишь! А не то я с тобой не так разделаюсь!

Отец схватил веник и торопливо начал подметать пол. Прежде он не подметал никогда. Алеша, Федя, Ромка, только что прибежавшие с улицы, смотрели на него удивленно.

— Вы, дьяволята, — крикнул на них отец, — как только придет начальник, сейчас же на печь! Под ногами не вертеться! А к столу кто сунется, — уши оборву!!

Мать принесла полную корзинку всякой всячины. Началась суета. Паша молча наблюдал за всем: в избе вкусно запахло топленым маслом, на сковороде шипело, в печке усердно потрескивали пылающие поленья. Скоро во дворе залаял Китай, отец мотнулся сначала к окну, потом в дверь.

В избу вошел Самсонов, в серой шинели и зеленой фуражке.

— Милости прошу к нашему шалашу. Раздевайтесь, дорогой товарищ, — суетился отец.

Самсонов расстегнул шинель и, снимая ее, посмотрел на печку, с которой глядели на него три детские стриженые головы.

— Сыны твои? Трое у тебя их?

— Четверо, — осклабясь ответил отец.

— А где же четвертый?

— Вот, — отец показал на коник, — он у нас немножко больной.

Самсонов подошел к Паше.

— Что с ним?

— Бок, беднята, обжег и плечо. У него промашка вышла, — заторопился отец: — играл с братами и наскочил нечаянно на мать, а мать горячую сковороду с картошкой несла, а картошка-то в сале.

Он подробнейше стал рассказывать про пашину промашку.

Паша с удивлением услышал, что отец бегал за лекаркой (есть такая в Герасимовке) и будто бы сам теперь перевязывает ему плечо и бок.

— Он у меня молодец! Первый ученик в школе. На охоте недавно двух глухарей убил. Хе-хе-хе...

Он смеялся дребезжащим смехом, юлил. Паша никогда не видал отца таким.

— Ну как, теперь полегче стало? — спросил Самсонов, наклоняясь к Паше.

— Теперь полегче, — тихо ответил Паша.

— Ну то-то, браток. Шали, да не до бесчувствия. Мог бы себя на веки сгубить.

И, отходя к столу, он опять поглядел на печь.

— Что же они в темный угол забились? Вылезайте, ребята, оттуда.

Отец строго посмотрел на печь и приказал:

— Слезайте...

Алеша и Федя быстро спустились по ступенькам на пол. Но Ромка нырнул дальше в тьму. Самсонов засмеялся. И отец рассыпался мелким смехом:

— Хе-хе-хе-хе, он у меня еще бирюченок, всего боится.

— Ну как, в школу ходишь? — спросил Самсонов Алешу.

— А как же, ходит, ходит, — заспешил отец.

— Я слыхал, у вас организовали отряд пионеров. Ты записался?

— Нет. Пашка у нас записался.

И опять вмешался отец.

— Как же, как же... Старшенький-то... он у меня пионер. Ныне без этого нельзя.

Паша высвободил из-под дерюжки руку и приподнялся. Лицо его побледнело, глаза пылали. Отец испуганно поглядел на него и незаметно погрозил пальцем. Паша опять опустился на постель.

— Глухое ваше село, — со вздохом сказал Самсонов и сел возле стола: — ни ячейки у вас, ни комсомольцев, никакой культурной жизни. Колхоз до сих пор не могут организовать.

— Совершенно правильно, — быстро согласился отец. — Глуше наших мест во всем районе нет. Всего боимся.

— Ты бы, Трофим Сергеевич, начал хлопотать. Тяжело ведь живете. Бедноты половина села, бьетесь, как рыба об лед. Колхоз помог бы вам.

— Это верно. Без колхоза нам прямо зарез. Будь колхоз, нешто мы бы так бедовали!

— Так вот, действуй. Ты председатель — первый человек на селе, тебе и карты в руки.

Отец поддакивал с полной готовностью.

— *Вот, он у нас немножко больной.*

Паша отвернулся к стене: ему невыносимо было слушать отцову ложь, видеть фальшивое отцово лицо. «Зачем, зачем он лжет?» — мучительно думал он. Мать, кланяясь, вышла из-за перегородки. Самсонов поздоровался с ней за руку. В одну минуту стол был накрыт столешником, и на нем появились яичница, картошка, жареная в масле, ветчина, молоко, хлеб.

— Милости прошу, — пригласил отец.— Садитесь кушать.

Самсонов подвинулся ближе.

Отец, прежде чем сесть за стол, хотел было по привычке перекреститься на иконы, уже занес было руку ко лбу, но вдруг испуганно посмотрел на Самсонова и плюхнулся на лавку. А ребята точно по команде полезли на печь.

— Без колхоза по нынешним временам нельзя, — заговорил отец, загребая ложкой яичницу со сковородки. — Надо, чтобы человек человеку помогал. Сообща надо работать. У нас как дело с землей? Землю приходится отнимать у леса: надо деревья рубить, пни корчевать. А нешто я смогу один или вот с Татьяной корчевать? Очень неспособно. А соберись мы шестеро или десятеро, дело бы пошло шутя.

Самсонов кивал головой, соглашался с каждым словом Трофима. Паша слушал и удивлялся. Как раз то, что говорила в школе и на собраниях Зоя Александровна, все теперь повторял отец. Будто настоящий коммунист. А еще месяц назад и слушать не хотел про колхоз.

— Кто же противится колхозу? — спросил Самсонов. — Кулаки у вас есть?

— Кулаков нету. А так, боится народ.

— Ну как нет кулаков. Ты, Трофим Сергеевич, как председатель все должен знать. Теперь кулак прячет свое лицо. На словах он со всем согласен, постель мягкую стелет, а на деле ножом в спину готов ударить.

— Это правильно. Каждое ваше слово на месте, — опять поспешно согласился отец.

Пообедав, Самсонов стал прощаться.

— Спасибо, хозяйка, за угощенье. Теперь я у вас в долгу. Ну, ребята, до свидания. А ты, пионер, выздоравливай поскорее. Давай-ка руку. Выздоровеешь — дружить будем. Пионер и коммунист — два звена в одной цепи. Правильно?

Паша улыбаясь кивнул головой.

Самсонов и отец ушли.

Тяжелое лето

Еще с полмесяца провалялся Паша в постели. Как много передумал он в эти тяжелые дни! Алеша уходил с утра в школу, отец — в сельсовет, Федя и Ромка — на улицу, мать была весь день занята по хозяйству.

Паша лежал один и думал.

Он думал о деревенской жизни, как успел узнать ее за свои одиннадцать лет. Мужчины пьют водку или самогон, ругаются, почитают друг друга врагами, бьют жен, калечат детей, женщины замучены нуждой и работой и тоже ругаются. Нет, он не будет жить такой жизнью.

Просторные апрельские дни проходили медленно. С трудом Паша поднимался на постели, глядел в окно. Как пусто и сумрачно в избе, и как светло и хорошо на улице. Скорей бы выздороветь!

Мать приходила со двора озабоченная, говорила ласково:

— Выздоравливай скорее. Жаворонки прилетели. На-ко вот молочка, выпей, поправляйся.

И опять нырнет за перегородку или уйдет на двор.

Вечерами забегала в избу бабушка Ксения — сухонькая, вертлявая с умильной улыбочкой на морщинистом лице.

— Все лежишь, Пашенька. Ох, горе какое случилось! Я так думаю, это тебя господь наказал! Зачем в пионеры записался?! Господь-то все видит и за каждый грех кару налагает.

И дед Мороз порой заходил. И тоже:

— За дело. Не перечь отцу. Что отец говорит, то и надо исполнять. Коммунист какой нашелся! Штаны еще не можешь правильно застегнуть, а туда же лезет.

В канун Первого Мая, вечером, к Трофиму пришли Кулуканов и дед Мороз. Уже спускались сумерки. Лица гостей казались желтыми пятнами. Кулуканов, поздоровавшись, ласковым тенорком заговорил:

— Слыхал я, беда у вас случилась. А ничего. Ребята живучи, как кошки. Ну как, Трофим Сергеевич, собираешься завтра на праздник?

— Да дьявол их возьми. Доведется идти. Председатель. Ничего не поделаешь!

— Правильно твое слово, ничего не поделаешь. Только вот о чем мы хотели с тобой поговорить. Слышь, завтра на празднике про колхоз будут толковать. Этот балаболка Любкин речь скажет, клятьбу,

слышь, даст, чтобы колхоз у нас в Герасимовке был. Так ты бы того, отвел как-нибудь эту речь. А?..

— Верно, верно, Труша. Что-то надо делать, — согласился дед Мороз, — загонят в колхоз.

— Тшш... подожди-ка, Арсений, кто-то идет к нам. Слышь, Китай лает.

Все прислушались. В сенях раздались шаги. Вошел мужчина, едва видный в темноте.

— Ого, как темно у вас, — сказал он.

— А-а-а, товарищ Самсонов, — сразу запел самым любезным голосом Трофим,— сейчас, сейчас зажгем свет.

Кулуканов начал тихо пятиться к печке, будто хотел спрятаться.

Трофим поспешно зажег лампу. Кулуканов стоял в углу, на лице его плавала самая любезная улыбка.

— А это наш активист товарищ Кулуканов, — указал на него Трофим.

— Очень хорошо, — сказал Самсонов, подавая руку Кулуканову. — А я по пути к тебе, Трофим Сергеевич. Пойдем в совет, надо нам о завтрашних выступлениях поговорить. Пора о колхозе поставить вопрос во весь рост.

— Пойдемте, пойдемте. Совершенно правильно, про колхоз надо потолковать.

Дед Мороз кашлянул, словно крякнул.

— Ты что, дед? Или не согласен с нами? — повернулся к нему Самсонов.

— Да, не согласен, — пробубнил Мороз, — в колхозе жить — голодному быть.

— Хе-хе-хе, — задребезжал Трофим, — папаша мой старого установу.

— Ну а ты, пионер, ты за колхоз? — улыбаясь спросил Самсонов Пашу.

— Я всегда за колхоз, — ответил тот.

— Вот и хорошо. Значит, один дед против колхоза.

Дед Мороз опять кашлянул.

— Кха-а... У внучка-то молоко материно на губах не обсохло. Выпороть бы его, он и не стал бы про колхоз толковать. Какой колхозник нашелся!

— Но-но, дед, прошли такие времена, чтобы детей пороть! — шутливо прикрикнул Самсонов. — Трофим Сергеевич, пошли. Товарищ Кулуканов, вы тоже может быть с нами?

Ушли, а дед молча сидел в избе.

— Дедушка, — спросил Паша, — а зачем тятя и Арсений при Самсонове говорят за колхоз, а без него против колхоза?

— Кха-а... Арсений-то хитрит. А отец

Это наш активист товарищ Кулуканов.

твой хочет везде успеть. Как это говорится, и нашим и вашим за пятачок пляшем. Дешовый народишка пошел, прямо скажу, хоть и сын он мне!

Дед надвинул шапчонку, вышел. Мать сейчас же погасила лампочку, чтобы зря не сгорал керосин. Алеша, Федя и Ромка повозились на печке, заснули. Паша с открытыми глазами долго лежал в темноте, думал.

— Мама! — позвал он.

— Что? — откликнулась мать из темноты.

— Ты бы пошла в колхоз?

— А ты молчи, молчи, Паша, — испуганно, шопотом заговорила мать. — Услышит отец, он побьет и тебя и меня. Молчи.

Паша замолчал, задумался. Ночь за окном стояла темная, как сажа.

Весь день Первого Мая Паша просидел у окна, кутаясь в рваную материну шубенку. Издали доносились песни — то пели школьники и молодежь.

Бабка Ксенья, стоя у своего двора, крестилась. Паша не утерпел — по-озорному крикнул ей в окошко:

— Бабушка, что ты крестишься? Или бесов видишь?

Мать дернула его за руку.

— Молчи, не серди бабушку!

А бабушка мелкими шажками подошла к окну, запричитала:

— Страх-то, страх-то господень! Ныне великий пост идет, а они песни орут в полную глотку. Ну это им даром не пройдет. Господь все терпит, но до поры. А придет пора, всем безбожникам лютая приспеет кара.

Она заметила улыбку Паши.

— Ты чего это зубы-то скалишь? Над

бабушкой смеешься? Подожди, своебышник, подожди, тебе тоже достанется.

И сердито засеменила назад к своему двору.

Песни смолкли вдали. Долго стояла тишина. Потом множество голосов прокричало «ура». И опять тишина. И опять «ура». Голоса запели «Интернационал». Паше до слез хотелось туда, ко всем. Но бок и плечо еще не давали повернуться. Он высунулся из окна. Народ уже расходился с площади. Только кучка мальчуганов рядами шагала серединой улицы. Красный флаг развивался над ними. Паша узнал: впереди шагал Яша Коваленков.

«Куда они идут?» — заволновался он. Мальчуганы подходили все ближе, ближе. «А-а, это как раз те тринадцать, что записались в пионерский отряд. С галстуками. И Зоя Александровна тоже с ними». Вдруг они заметили Пашу в окне.

Яша Коваленков повязал галстук вокруг худой пашиной шеи.

— Вот он! Вот! — беспорядочно закричали они и бросились вперегонки к окну. От окна — в избу.

Вошла и Зоя Александровна.

— Долго же ты хвораешь! А мы принесли тебе красный галстук.

Яша Коваленков повязал галстук вокруг худой пашиной шеи. Паша волновался так, что не мог говорить. А все орали, смеялись, тормошили его.

— Я скоро выздоровлю, скоро, — бормотал Паша, когда ребята уходили из избы.

Скорей бы, скорей с ними!

Но только через семь дней Паша пришел в школу. Он был худ и бледен до синевы. Его встретили веселыми восклицаниями.

Паша понял, что его в самом деле любили в школе.

Лиха беда была свалить болезнь. А свалив, он стал быстро поправляться. Но тут подоспел конец школьных занятий. В Герасимовке школьников распускали рано, потому что поле и огород требовали работников и ребята должны были пахать, сеять, полоть.

Бывало, весной Морозовы выходили в поле все: отец, мать, Паша, Алеша, Федя, Ромка и лошадь Серко. Даже Китай увязывался с ними.

Поле в Герасимовке было разбито на узкие полосы. Каждая семья на своей лошади, своей сохой пахала свою полосу.

Поле было похоже на одеяло, сшитое из пестрых лоскутьев. Кругом стеной стоял лес. Лес наступал на поле. Семена березы, ольхи падали далеко на пашню. Каждый год надо было полоть полосу, чтобы она не заросла молодой порослью. Так и воевали герасимовцы каждый на своей полосе. Бывало, отец пахал, сеял, а мать и ребята ему помогали. В этом году отец, занятый делами в сельсовете, не выезжал в поле. Мать с четырьмя сыновьями и пахала и сеяла.

Насыпав лукошко ячменя, мать повесила его на шею.

— Эх, эх, тяжеленько! Вот и хозяин

есть, да толку от него чуть. Пришлось мне браться за мужичье дело.

— А я-то на что? — бодро сказал Паша, повесив себе на шею другое лукошко, поменьше.

— Знамо, ты хозяин. Ну только подрати бы тебе еще надо.

— Ничего, справимся.

Мать и Паша зашагали по полосе, разбрасывая семена. На обоих были лапти. Тяжелые комья сырой земли прилипали к ногам. Паша два раза прошел по полосе из конца в конец и, измученный, с серым лицом, вернулся на стан. Волосы и лицо у него были мокры. И мать подошла с таким же серым, похудевшим лицом.

Тяжелый вышел этот день. Все вернулись домой к вечеру измученные. Паша едва двигался. Все тело у него ломило, точно он снова обварился. Мать заторопилась варить картошку на ужин. Но Паша не дождался, заснул в уголке на веретье. Проснулся он от тихого говора.

У порога стояли два незнакомых мужика, в сапогах, в черных добротных пиджаках. Отец сидел за столом. Он тихо сказал:

— Не знаю, как быть мне с вами. Дело-то больно опасное.

— Какая опасность, Трофим Сергеевич? Никакой опасности нету. Дашь бумажку, мы и уедем. Россия велика, ищи нас — свищи. Кулуканов прямо нам сказал: «Идите к Трофиму Сергеевичу, он все может, все в его власти». Сделай милость, Трофим Сергеевич, не откажи. А уж мы отблагодарим, в долгу не останемся.

«Что за люди?» — подумал Паша, силясь вспомнить, где он видел этих мужиков. Отец, казалось, был в нерешительности. Чернявый мужик шагнул к столу, поставил бутылку возле лампы и положил бумажные деньги.

— Вот это тебе на первый случай.

Отец встал и, пряча деньги в карман, сказал еще тише:

— Ну ладно. Только уговор: как получите бумаги, так чтоб вами тут и не пахло.

— Да зачем нам тут оставаться! И документы берем, чтоб как можно скорей уехать, — громко сказал чернявый.

— Тише, ребятишек разбудишь.

Отец взял лампу, пошел за перегородку. Чернявый за ним. Стало темно, тихо.

На рассвете, когда мать разбудила Пашу, он едва мог разогнуться. Отец громко храпел за перегородкой.

— Мама, кто у нас был ночью? — спросил он.

Мать отвернулась.

— Никого не было.

— Нет. Был кто-то. Тяте самогону принес и деньги.

Мать промолчала, вышла в сени. Паша взглянул за перегородку. Бутылка, наполовину пустая, стояла на столике возле отца.

И этот день мать и ребята работали в поле до темна. А когда пришли домой, в избе было шесть незнакомых мужчин и с ними отец и Кулуканов. На столе стояли бутылки с самогоном, лежали соленые огурцы и ветчина. Кулуканов распоряжался, как хозяин. Отец был пьян. Увидев Пашу, он нахмурился, будто хотел обругаться. Но промолчал. Кулуканов сделал знак глазами. Гости собрались и ушли вместе с Кулукановым. Уходя, они оглядывались, и было что-то воровское в их повадке. После их ухода отец, пошатываясь и икая, пошел за перегородку и открыл сундук. Паша через дверь увидел: отец кладет в сундук пачку денег.

«Что за деньги? Откуда?» — мучительно думал Паша, и смутная догадка, что здесь кроется что-то неладное, кольнула его в сердце. Отец, не говоря ни слова, оделся и ушел.

— Дружков-пьяниц нашел! — с раздражением сказала мать.

— А куда тятя пошел?

— Нешто не знаешь куда? Гулять.

И она тихонько, обиженно заплакала.

— Вот мы работай, мы нужду терпи, а он дорвался до легкой жизни, ему горя мало. Слышь, Арсений ему новую жену подыскивает. Мы стали не гожи. Семья большая, надо бросать. Головушка моя горькая! Куда я денусь с малыми детьми? Знамо, председатель стал, власть в его руках.

Паша слушал ее причитания и вдруг сказал грубо:

— Такой председатель только власть срамит.

Мать посмотрела на него и ничего не сказала. Паша, хмурый и побледневший, отошел к окну. Так вот какой отец-то! Что за деньги дали ему чужие люди? За какую услугу? Даром в деревне никто ничего не даст.

— Мама, за что тяте деньги дали? А?

— А ты молчи, — тихо зашептала мать, — дают — и ладно. А за что — не все тебе равно?

— Нет, ты скажи.

Мать и Паша зашагали по полосе, разбрасывая семена.

— Да за какие-то бумаги с печатями. Мужики едут с этими бумагами, куда им надо.

И мать неторопливо, как о самом простом деле, рассказала: в соседней деревне живут кулаки, присланные из другого края. Кулакам хочется вернуться домой, и вот они покупают у отца фальшивые документы:

— А в документах написано, что они бедняки. Бедняку везде дорога.

«Вот оно что! Отец помогает кулакам»... Паша опустился на скамью и долго сидел молча.

—Мама, как же нам быть? — спросил он наконец.

— А нам-то что? Его дело. Попадется— ему в тюрьме сидеть, а не нам. А ты знай да помалкивай.

— Ну нет. Я молчать не буду. Мне бы только наверное узнать, правда ли он продает документы.

В эту ночь отец не пришел ночевать. Мать беспокойно ворочалась на постели за перегородкой. Паша вздыхал и мучительно думал: «Как быть? Отец... отец стал врагом революции. С врагами надо бороться. Но ведь он отец...»

Решительный шаг

Отец и в самом деле точно обрадовался, что «дорвался до сладкой жизни», — пустился в разгул. Он часто бывал пьяным. Иногда не приходил домой подряд дня по три. Лето выпало трудное. Татьяна с ребятами из сил выбивалась, чтобы управиться на поле и в огороде, а отец пальцем о палец не ударил, чтобы помочь им. Денег семье он не давал совсем, все тратил на гульбу. Иногда он брал Серка, чтобы ехать в город Тавду, за пятьдесят километров. Когда он, полупьяный, являлся за лошадью, Татьяна говорила:

— Как же мы-то будем? Лошадь нам нужна.

Он отвечал злобно:

— А вы — как угодно: пусть тебя твой сынок-коммунист возит. — И уезжал.

Дней через пять он пригонял лошадь, измученную, тощую. Он спал целые сутки и, отоспавшись, опять исчезал из дома в сельсовет, а оттуда — к своим приятелям. Паша присматривался к отцу. Он хотел убедиться, что отец продает кулакам документы, как говорила мать.

Трофим скоро заметил этот упорный, недоверчивый взгляд и с каждым днем все

враждебней относился к Паше. У него и названия другого не было для него, как «пионер проклятый».

Отец дома — Паша из дому. Отец в сельсовет — Паша домой.

Паше стало просто тяжело бывать дома, когда приходил отец.

И хорошо, что стояло лето: Паша уезжал с ребятами и с соседом Костей Волковым ловить рыбу на озеро Сатоково, жил там дня по два, рыбы привозил столько, что, когда приезжали, Костя Волков едва втаскивал в избу пашин мешок.

Однажды рыболовы приехали домой перед вечером. У калитки морозовской избы стоял Самсонов, в зеленом френче, в высоких сапогах.

— Здравствуй, пионер, — поздоровался он с Пашей, — откуда ты?

Паша рассказал, как он на озере рыбу ловил. В это время из калитки выглянула мать.

— Заходите в избу, — позвала она Самсонова, — угостим вас ухой из свежей рыбки.

Самсонов улыбаясь подошел к возу. Там, в мокрой осоке, лежали мокрые мешки с рыбой. Костя Волков вытащил один мешок и, взвалив его на спину, потащил на крыльцо морозовской избы. Ребятишки, Паша, Татьяна и Самсонов пошли за ним.

— Ох, и улов ныне! — сказал Костя, свалив мешок на крыльцо.

— А что за рыба? — спросил Самсонов.

Паша поспешно развязал мешок. Полосатые окуни, золотые караси, темные, пятнистые щуки вывалились из мешка прямо на крыльцо. Алешка, Федя и Ромка оглушительно закричали:

— Рыбы-то сколько!

— Неужели сам наловил? — спросил Самсонов.

— Сам, — просто ответил Паша.

— Ну молодец! Да ты настоящий работник!

— Как же, как же, — сказала мать, — теперь он у меня за хозяина. И пашет, и сеет, и рыбу вот ловит. Скоро на сенокос поедет, потом на жнитно. Без него хоть пропадай.

— А Трофим Сергеевич разве не помогает?

— Где уж ему. Он весь день в совете.

Самсонов пожал плечами:

— Да нет его в совете. Я пришел к вам, думал, он дома.

Татьяна смутилась, Паша нахмурился.

— Он придет, он скоро придет, — заговорила мать. — Вы подождите. Я сварю свежей ушицы.

Паша и Самсонов вошли в избу. Татьяна поспешно начала чистить рыбу. Алеша и Федя побежали за дровами.

— Сетями ловили? — спросил Самсонов.

— И сетями и удочками.

— А что ты отца с собой не зовешь?

— Отцу некогда, — ответил он хмурясь.

— Да что же он делает, отец-то? Свободное время нашлось бы помочь семье.

Паша промолчал.

На крыльце затопали шаги, и в избу вошел Трофим, развязный, шумный.

— Беседуете? А я все по делам бегаю. Замучился, как собака.

— Хороший у тебя помощник растет, — кивнул Самсонов на Пашу.

— Пашка-то? Парень хоть куда, — живо согласился Трофим. — Прямо скажу, золотой парень. Самый лучший пионер в Герасимовке...

Паша сорвался с места и вышел из избы: ему невыносима была отцова ложь.

Уху в тот вечер ели все: и Самсонов, и ребята, и отец. Когда Самсонов прощался, он пожал руку Паше, сказал:

— Я тебе за эту уху книжек привезу.

— А что за рыба? — спросил Самсонов.

Ладно? Будем с тобой друзьями. Может быть, я тоже с'езжу на рыбную ловлю, если время будет.

Но ушел он — и опять все пошло по-прежнему. У отца сразу переменилось лицо, он угрюмо замолчал, собрался уходить.

— Куда? — робко спросила мать.

— Не твое дело! — сердито буркнул он и хлопнул дверью.

Дома он в эту ночь не ночевал.

И опять дни потянулись за днями без отца. Он обедал и часто ночевал у Кулуканова. В Герасимовке уже открыто говорили, что «Трофим совсем сбился с пути...»

К нему, как к председателю, приходило много людей. Молодые, старые, знакомые, незнакомые часто останавливались у окошка убогой морозовской избы, спрашивали:

— Дома председатель?

И ребята говорили:

— Тятя у Кулуканова: вон дом, через двор от нас.

Только иногда отец приходил домой трезвый и сердитый, что-то писал на столике за перегородкой.

Однажды — это было уже в конце августа, в выходной день — на дворе лил дождь. Вся семья была в избе. Ребята ходили на цыпочках, разговаривали шопотом. Трофим за перегородкой шелестел бумажками. Потом он что-то пробурчал про себя и, схватив портфель, ушел. Перед окном мелькнула его длинная фигура. Косой дождь все хлестал. Избушка и заборы напротив сквозь брызги казались кривыми. Паша пошел за перегородку. На столе лежали чистые бланки сельского совета. На бланках стояла печать и подпись.

— Мама, — испуганно позвал Паша.

Мать пришла.

— Такие бланки отец продает кулакам?

— А я-то понимаю, какие? — тихо сказала мать. — Я неграмотная. Народ с уха на ухо говорит, что отец документами торгует. А какие документы — не знаю. Теперь не один он торгует, оба его помощника тоже этим делом занялись. Вроде как артель открыли.

Она наклонилась над сундуком, что стоял у стола, потрогала крышку. Сундук открылся. В нем лежала кожаная сумка. Мать схватила сумку, раскрыла, показала Паше. Сумка туго была набита деньгами:

— Видал? Вон сколько денег. Вчера говорил, что к нему тысячи текут. Нешто тут не тысячи?

Закрыла сумку, положила в сундук и ушла к печке. Паша, как пришибленный, сел на скамью. Значит, это правда: отец продает документы кулакам.

Паша плохо спал эту ночь, а рано утром решительно отправился в школу.

Школа стояла пустая, молчаливая, и перед крыльцом за лето выросла трава. Волнуясь Паша отворил дверь в комнату учительницы. Зоя Александровна в белой кофточке сидела за столом, что-то писала. Она подняла голову. У Паши еще сильней забилось сердце.

— Зоя Александровна... я к вам... — задыхаясь заговорил он.

— Вижу, что ко мне, — улыбаясь сказала она. — Что хорошего скажешь? Садись. Рассказывай, какие у тебя дела.

Она пододвинула табуретку. Паша сел.

— Вы говорили мне, что... мы должны бороться с врагами, — начал Паша прерывающимся голосом.

Зоя Александровна перестала улыбаться.

— А если я вижу врага, то как с ним быть?

— Кто это?

— Ну есть у меня такой.

— С врагом надо бороться.

— Бороться? А если я не могу.

— Ты скажи мне кто враг и что он сделал? Я скажу, как с ним поступить.

Паша нахмурился и с трудом тихо сказал:

— Мой отец...

Учительница удивленно открыла глаза:

— Твой отец? Но что же он сделал?

— Он... он берет взятки.

Зоя Александровна целую минуту молча смотрела на Пашу. Она так горячо говорила за Трофима Сергеевича на выборах...

— А ты говорил ему?

— А что говорить? Он меня не слушает. Он всегда кричит: «Молчи, проклятый коммунист!..»

— Ах так, — нахмурилась она, — тогда ты должен пожаловаться на него уполномоченному. Пойди в сельсовет и расскажи.

— А это хорошо разве? Ведь он мой отец.

— А как же иначе? Раз он тебя не слушает.

— Хорошо, я пойду. Я скажу, я и сам так думал.

Он говорил тихо, голос у него дрожал, и учительнице показалось, что Паша готов заплакать. Она подошла к нему и положила руку на плечо.

Как больной вышел Паша из школы и побрел к сельсовету.

Сторож Каюк подметал в сельсовете крыльцо.

— Ты куда идешь? — спросил он Пашу. — Отца здесь нету.

Паша будто проснулся:

— Нету? А Самсонов где?

— И Самсонова нет. Тебе зачем его?

— Надо. Когда будет?

— Обещался деньков через пять.

Паша в нерешительности постоял на крыльце, потом медленно побрел к дому.

На дворе мать, нагнувшись над лоханью, стирала белье.

— Куда ты ходил? — встретила она Пашу.

Паша подошел к ней и сел на траву. Глухо, срывающимся голосом он рассказал матери, куда ходил и зачем. Мать выпрямилась и замахала мокрыми руками:

— Что ты, что ты! Загубить нас хочешь? И не моги, Пашка! Не моги никому говорить. Нас со свету сживут. Скажут, сын пошел против отца. Не моги!

Она запричитала жалким голосом. Паша поднялся и молча ушел.

Весь вечер Паша протомился в раздумье. Длинными показались ему эти пять дней. Десятки раз он решал и перерешал. И все-таки, когда узнал, что Самсонов приехал, он решительно пошел к нему.

Самсонов сидел в угловой маленькой комнатке сельсовета. Увидев Пашу, он улыбнулся:

— А, приятель, здравствуй! Как поживаешь?

Паша сел к столу и от волнения сначала ничего не мог сказать.

Самсонов пристально посмотрел на него и забеспокоился:

— Что с тобой? Беда что ль случилась?

— Да... случилась беда... — прерывающимся голосом ответил Паша.

— Что такое? Отец заболел?

— Нет, он не заболел. Он... стал брать взятки... с кулаков.

— Что-о?.. — нахмурился Самсонов и острыми глазами глянул прямо в лицо Паше. — Не может быть! Ты что-то путаешь.

— Нет, я не путаю.

И он рассказал все.

Самсонов встал и нервно прошелся по комнате. Лицо у него побурело, глаза стали сердитыми.

— Хорошо, — отрывистым голосом сказал он. — Мы все это расследуем. Ну-ка скажи, когда это было?

Он сел к столу и стал записывать, что говорил ему Паша.

— Ты пока никому не рассказывай, о чем мы говорили. Ладно?

Прощаясь, он пожал Паше руку:

— Ты хорошо поступил. Как настоящий пионер.

На площади Паше встретился отец: он ехал в тарантасе, запряженном карей лошадью, и правил сам. Новый пиджак был распахнут, картуз сдвинут на затылок: отец был слегка пьян. Паша остановился, посмотрел, как лихо отец под'ехал к сельсовету, бросил вожжи сторожу Каюку и вбежал на крыльцо. И Паша представил, как сейчас отец встретится с Самсоновым.

В селе все знают, кто где бывает, что делает. К вечеру в Герасимовке уже знали, что Самсонов уехал, хотя собирался пробыть дня три. Но вечером же была опять гульба в избе Кулуканова. Председатель гулял с приятелями. И ничего будто не изменилось.

Суд

Дня через четыре после этого вечера в избу Морозовых пришел незнакомый человек в городской одежде.

— Дома председатель? — спросил он.

— Нет, в сельсовете.

— А который из вас Паша Морозов?

Паша шагнул к нему:

— Я.

Незнакомый пристально посмотрел на него и почему-то улыбнулся:

— Ты? Очень хорошо. Молодец, молодец!

И ушел. Паша и мать очень удивились. Откуда незнакомый человек знает Пашу, почему он спросил о нем, почему сказал «молодец, молодец!»

Они гадали и не могли отгадать.

Поздно ночью в окно к ним постучались и голос спросил:

— Дома председатель?

— Это он, — сказала мать.

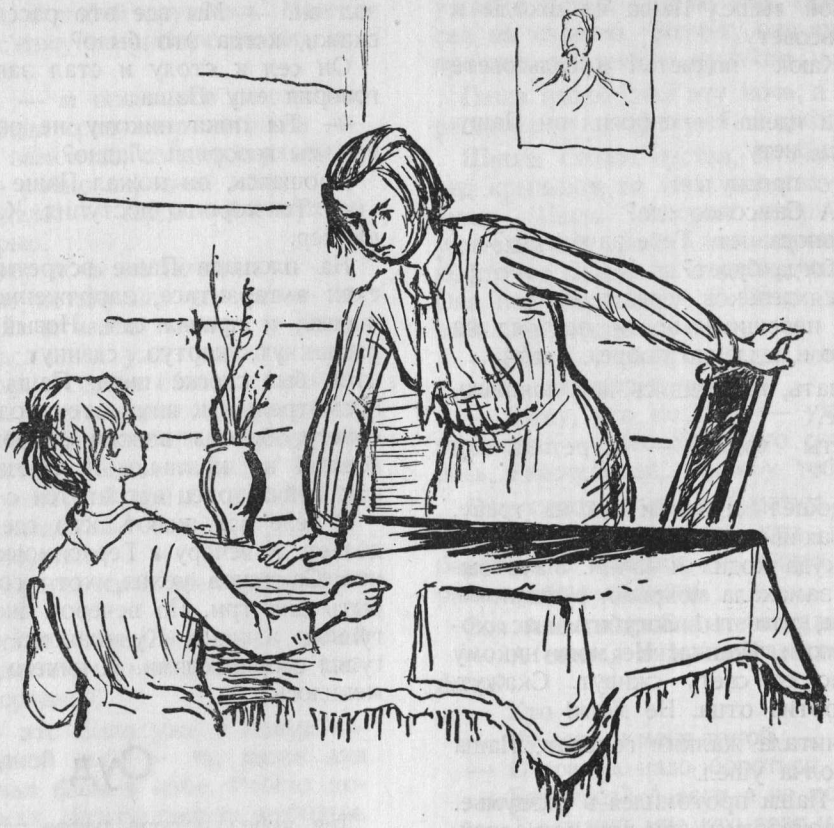
— Кто он? — спросил Паша.

— Да тот, который днем приходил.

Она подошла к окну и сказала, что председателя дома нет, он ночует у Кулуканова. И показала, где дом Кулуканова.

Было слышно, как незнакомец отошел от окна. И с ним еще двое или трое.

— Кто ж это приехал? Неужто опять



— Твой отец? Ну что же он сделал?

за бумажками к Трофиму? — тихонько проговорила мать.

Она не утерпела: накинула азям, вышла на улицу.

Паша лежал неподвижно, слушал. Вот мать постояла у ворот, пошла куда-то, вернулась, потом тихонько вошла в избу.

— Мама, кто это? — шопотом спросил он, чтобы не разбудить ребят.

— Милиция приехала. Обыск делают. Должно, возьмут Трофима, — также шопотом ответила мать.

Паша высунулся из окна. У Кулуканова светился огонь, во всех окнах мелькали тени. Паша накинул полушубок, вышел к воротам. У Кулуканова хлопнула калитка. еще и еще, много народу пошло по улице к площади.

Ночь стояла тихая, темная. Шаги долго слышались в пустой улице. Встревоженные собаки выскакивали из дворов, лаяли отчаянно. Лай катился все дальше и дальше, к площади. Паша вернулся в избу.

— Ну, что? — тихонько спросила мать.

— Увели...

Он скинул полушубок, лег. Мать повздыхала и ушла за перегородку.

Утром по всему селу тревожно заговорили:

— Председателя ночью арестовали. И двух членов сельсовета. Увезли в Тавду.

И уже открыто рассказывали: председатель продавал фальшивые документы. Один милиционер переоделся в частную одежду, пришел к Трофиму и за большие деньги купил у него документы. Арестованного Трофима привели в сельсовет — он все отпирался, говорил, что никаких документов не продавал. Тогда милиционер вынул документы и сунул ему прямо в нос:

— А это что? Не ты мне их продал?

Трофим как стоял, так и шлепнулся на скамью.

И в Герасимовке все спрашивали друг друга:

— Через кого только дознались?

Кулуканов и дед Мороз ходили мрачные и о чем-то совещались. То и дело ходили

друг к другу: то дед к Кулуканову, то Кулуканов к деду. А к Татьяне никто, будто и на свете ее нет.

Прошло с полмесяца, народ освободился от полевых работ, — и в Герасимовке были назначены выборы нового председателя сельского совета. На выборы опять приехал уполномоченный Самсонов и в первый же вечер зашел к Морозовым. Паша был в конюшне, давал лошади сено. Он вошел в избу, когда Самсонов уже разделся, а мать торопливо накрывала на стол, чтобы напоить гостя чаем.

— А-а, вот и он, — улыбнулся Самсонов и протянул Паше руку.

Паша теперь не смутился. Он спокойно, как большой, сел у стола.

— Как же вы живете? — спросил Самсонов.

— Что ж, теперь будто лучше живем,— понизив голос, сказала мать.

— Да, мы лучше живем, — твердо ответил Паша, — теперь у нас никто не ругается.

— Но помощи-то нет.

— А прежде кто нам помогал? Тятя у нас только последнее брал.

И, перебивая друг друга, мать и Паша рассказали Самсонову, как жили они при отце. Самсонов хмурился:

— Вот он какой, Трофим-то Сергеевич. А я-то думал...

Ушел Самсонов уже поздно ночью.

В начале октября по Герасимовке разнесся слух, что Трофим приехал. Паша узнал об этом в школе, на большой перемене. Он едва высидел последний урок, бегом пустился по грязи домой. Ему было страшно подумать, что отец дома. Запыхавшись, он прибежал в избу. Отца не было. Мать, сделав таинственное лицо, шопотом сказала.

— Отец у деда сидит.

— Выпустили его?

— Ну, выпустили! Судить привели под конвоем. Из совета отпросился у родителей побывать...

И тихонько взволнованно рассказала:

— Гляжу я в окно, а он идет с узелком, худой, оборванный. Идет и на наши окна не смотрит. И прямо пошел к Кулуканову. Там и часа не пробыл, к деду вернулся.

Да, Трофим из совета заходил к Кулуканову, худой, оборванный, заросший бородой, как бродяга. В руках у него был маленький узелок. Он надеялся, что у Кулуканова его ждут. Но Арсений встретил его холодно и чуть насмешливо:

— Здравствуй, здравствуй, зятек. Как тебе сиделось на казенных харчах?

Трофим криво усмехнулся.

— Где Софья? — спросил он про женщину, с которой пировал перед арестом.

— А где же ей быть? — развел руками Кулуканов. — Замуж вышла и в другую деревню уехала.

Трофим опустил голову:

— Что ж дело хорошее. Значит, я никому ненужен.

— Тебе виднее, нужен ты или ненужен.

Трофим понял, что он здесь совсем лишний. Попрощавшись, он вышел на улицу и тихо побрел к дому отца.

Дед Мороз и бабка Ксенья встретили его тепло. Бабка даже поплакала.

— Эк, как заморили тебя за два-то месяца! Бедный ты, сыночек мой, бедный!

— Где будешь жить-то? Останавливайся у нас, — сказал дед.

— Что ж, до суда у вас поживу, а там видно будет.

Бабка Ксенья послала Данилу топить баню, сама замесила тесто, чтоб угостить сына. Когда Трофим вернулся из бани, на столе уже стояли тарелки с горячими пышками, две бутылки самогону, кусок жареной свинины. Дед сходил за зятьями Кулукановым и Силиным, — те пришли с женами. Данило надел новую синюю рубаху и жилет.

Трофим с первых же слов стал жаловаться:

— Затискал ты меня, Арсений, в беду. Это твои дружки подвели. Это они обо всем рассказали.

— Не могли они рассказать! — закричал сердито Кулуканов. — Что же, по-твоему, они сами себя будут топить?

— Откуда же гепеу и следователь все знают? Как есть вся подноготная им известна.

— А ты сознался? — спросил Силин.

— Конечно, сознался.

Кулуканов стукнул ладонью по столу:

— Дурак, коли сознался! Пускай бы искали сами. И ничего бы никогда не нашли.

— Нашли бы. Они знают все доподлинно. Когда ко мне приходили люди, сколько денег давали — все известно.

— Откуда?

— Донес кто-то.

— А кто же? Кто? — спросили сразу и дед и Кулуканов.

— Уж не знаю кто. Вам со стороны виднее.

— Понимаю! — крикнул дед. — Это Пашка!

Все переглянулись.

— Ты вот что, Ксенья, сходи-ка за ним, позови, мы его спросим, — повернулся дед к старухе.

Та быстро собралась и пошла к Морозовым.

— Ну-ка, пока суд да дело, выпьем, сынок, — сказал дед и подал Трофиму полный стакан самогону.

Они выпили. Потом еще и еще выпили. Лица у всех стали красными, как кумач. Кулуканов и Силин закрутили цыгарки.

В сенях стукнула дверь, бабка вошла в избу.

— Идет, — проговорила она вполголоса.

Вслед за ней в избу вошел Паша. За те месяцы, что отец покинул семью, Паша стал независимым, держался вольно, посмелел.

— Здравствуйте, — звонким голосом поздоровался он, снимая с головы треух. — Вы меня звали?

— А-а-а, Паша, здравствуй... — ласковым голосом начал Трофим, — ну, как живешь?

— Ничего, живем помаленьку, — ответил Паша.

— Садись к столу, вот пышку с'ешь,— позвала бабушка.

— Есть я не хочу, а сесть сяду.

Паша сел на скамью, возле двери.

— Ну, как, из пионеров не выписался?

— Нет, не выписался.

— Вот ты какой... — начала бабка, — отец велел выписаться, а ты — нет.

— Мало ли что тятя велел. Не всегда он говорит и делает правильно.

— Это что же он сделал неправильно?— строго крикнул Кулуканов.

— Значит, делал.

Паша глядел на всех смело.

— Пашка, скажи: это ты про меня рассказал уполномоченному? — грозно спросил Трофим и поднялся из-за стола.

— Я! — твердо ответил Паша и тоже поднялся.

— Ты?.. Про отца? — заревел Трофим.

— Если ты делаешь такие дела, какая тебе цена! — крикнул Паша прямо в лицо отцу.

— А-а-а!.. — ринулся отец на него.

Паша толкнул дверь и выскочил в сени. Трофим с искаженным от злобы лицом сел на скамью.

— Убить! Убить такого сына! — взволнованно заговорили и дед, и Кулуканов, и бабка, и Данила.

— Родили! Выкормили на свою голову!

...Суд над Трофимом был в выходной день в самом большом классе герасимовской школы. Народу набилось в класс столько, что палец не просунешь. Приезжий из Тавды судья прочитал обвинительный акт: Трофим обвинялся как злостный взяточник, как покровитель контрреволюционеров. Притихший Трофим глядел исподлобья на судью. Он опять начал все отрицать.

— Позовите свидетеля Павла Морозова, — распорядился, наконец, судья.

Пашу позвали из соседнего класса, где находились свидетели. Он вошел и встал перед столом. Над его большим лбом торчком стояли короткие волосы. Глаза смотрели решительно.

— Сколько вам лет, Павел Морозов? — обратился к нему судья.

— Двенадцать.

— Родственник ли вы подсудимому?

— Да, я его сын.

— Что можете рассказать по данному делу?

Паша повернулся лицом к отцу; тот сидел хмурый, злобно смотрел прямо на него. Потом Паша взглянул на сельчан, что стеной стояли возле: сотни глаз впились в него, ждали.

— Дяденьки судьи, — начал Павел волнуясь, — мой отец виновен во всем. Это я рассказал уполномоченному про его дела.

— Неправда! Он врет! — закричал Трофим и поднялся с места, будто приготовился кинуться на сына. — Его научили, научили его!

— Нет, я сам все видел, сам знаю, — сказал Паша.

Так несколько минут они стояли один перед другим: огромный Трофим и маленький Паша.

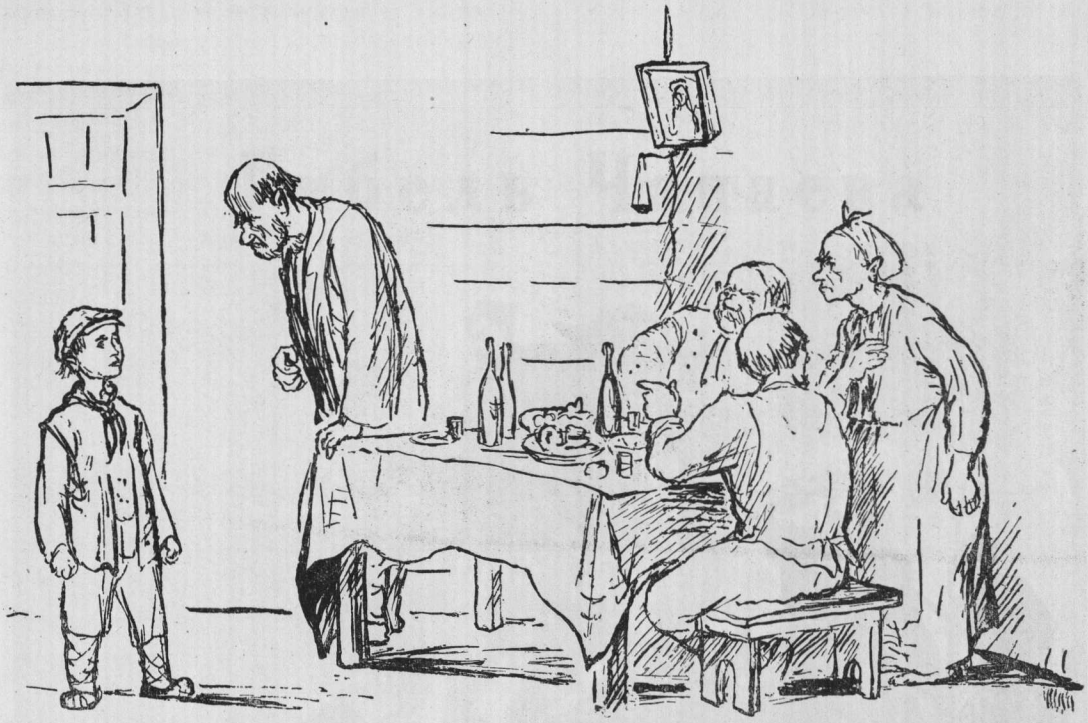
— Дяденьки судьи, — опять повернулся Паша к судьям, — это неправда, что говорит отец. Меня никто не учил.

Глаза у него горели. Под гул голосов он отошел от стола и сел на скамью. Он слышал шопот со всех сторон:

— Ай да Пашка! Молодец! Так и надо.

— Такого молодца повесить мало! — прошипел кто-то.

Суд ушел на совещание. Тут все задвигались, заговорили. Паша увидел, что все глаза устремлены на него. Там — вполголоса ругали и кляли его, здесь — хвалили.



— Пашка, скажи: это ты про меня рассказал уполномоченному?—грозно спросил Трофим...

Пробираясь сквозь толпу, к нему подошел высокий шумный дед Платон. Лысоватый лоб его светился. Он громко заговорил:

— Вот это люблю. Мошенника вывел на чистую воду. Всем видать стало, какой герой наш председатель. А мы-то, мы за него горой стояли...

Платон махнул рукой безнадежно и наклонился над Пашей, как заговорщик:

— Хорошо, внучек, ты сделал. Надо из всех силов быть честным. Пусть мошенники там шепчутся, пусть ножи точат. Мы их прижмем так, что сок потечет.

Платон кивнул в угол, где сидел отец. Возле отца собрались Кулуканов, дед, бабка, Данила. Они шептались, смотрели исподлобья на Пашу. Бородатый незнакомый мужик встал рядом с Платоном, сказал вполголоса:

— Ну, Пашка, теперь берегись!

Пашка повернулся к нему, ответил с вызовом:

— Ладно! Поберегусь.

— А чего они могут сделать? — вдруг громко заговорил Платон. — Или мы в бессудной земле живем? Пусть только тронут — им теплое местечко сейчас же найдется. Ничего не бойся, Пашка! Стой за правду до конца! Ты не один.

И опять понизил голос до шопота:

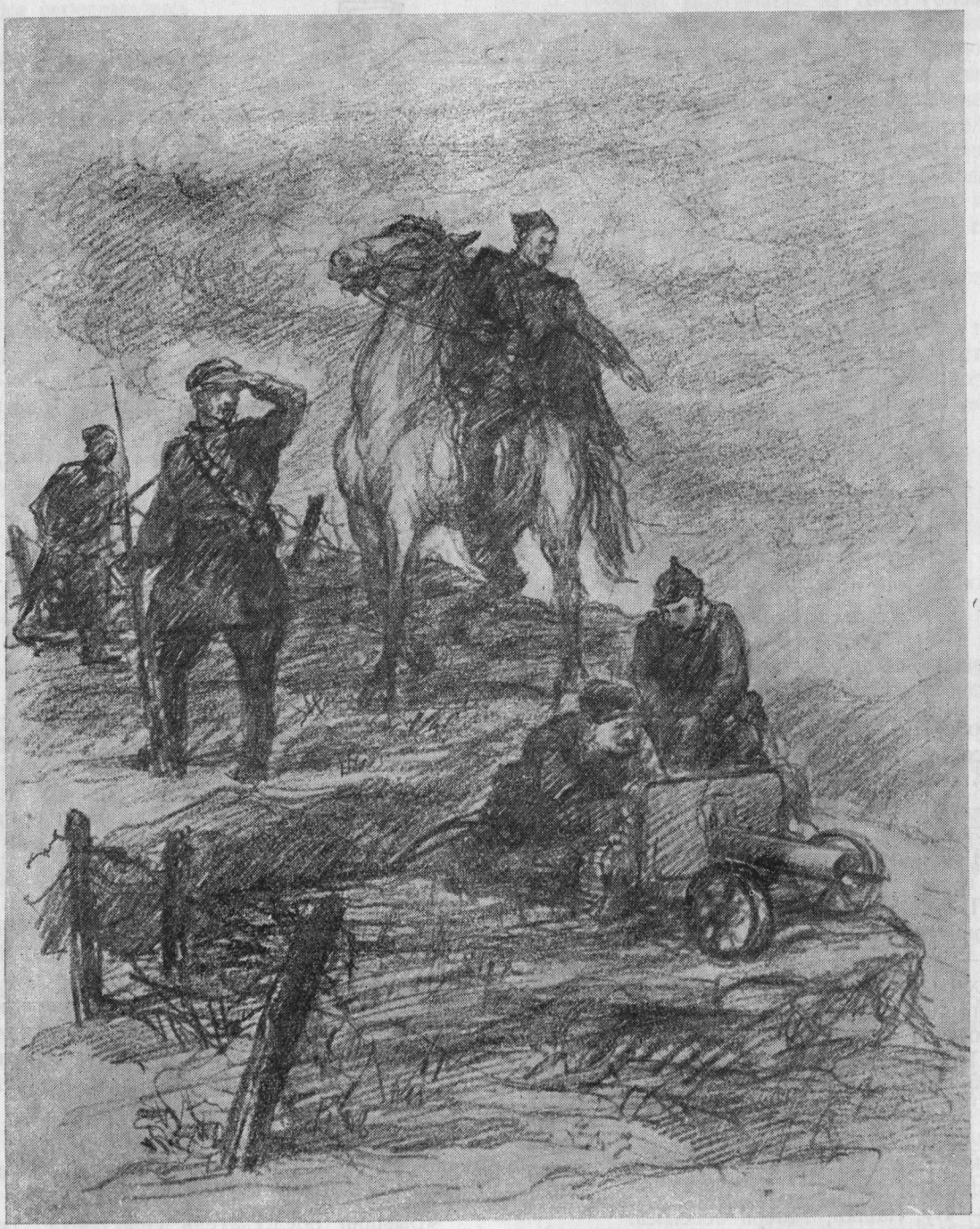
— Конечно, поберегаться надо. Но бояться — нет. Ежели пальцем тронут — от них слуху здесь не останется.

Суд совещался долго. Мало-помалу народ вышел на улицу. Здесь все разделились на партии: одни за Пашу, другие против. Спорили так, что было слышно на все село. Но вот кто-то крикнул:

— Суд идет!

И толпа опять повалила в класс. Судья прочел приговор:

«Бывший председатель сельсовета Трофим Сергеевич Морозов приговаривается за свои преступления на десять лет со строгой изоляцией».



Чапаев.

Рисунок художника Б. Винокурова.

Гибель Чапаева

З. Александрова

В уральских степях непогода и мрак.
Лисицей во тьме пробирается враг.
Чапаев не слышит, чапаевцы спят,
Дозор за рекой неприятелем снят.
Урал, Урал, Урал-река,
Ни звука, ни огонька.
Чапаев винтовку сорвал со стены:
«Ребята, не время досматривать сны:
Кровавый рассвет над станицей встает,
Казацкие кони храпят у ворот».
Урал, Урал, Урал-река,
Вода холодней штыка.
«Последнюю пулю пошли по врагу,
Живые, скрывайся на том берегу».
Вдогонку палят: недолет, перелет.
И раненый в руку Чапаев плывет.
Урал, Урал, Урал-река,
Слабеет его рука.
Проклятая пуля догнала в воде.
«Товарищ Чапаев?» Не видно нигде!
«Товарищ Чапаев — друг боевой!»
Круги разошлись над его головой.
Урал, Урал, Урал-река,
Могила его глубока.
До красных отрядов, река, добеги,
Скажи, что товарищ Чапаев погиб,
Пусть конница мчится, пусть пули свистят,
Пусть красные белым за все отомстят.
Урал, Урал, Урал-река,
Бурлива и широка.

Агитмедведь особого отряда

Лев Кассиль *Рис. П. Митурича*

В прошлом году, во время своих летних странствий, я остановился в одном из приволжских городов. Был выходной день. Мне надоело слоняться у пристаней, и от нечего делать я пошел в местный зоологический сад. Сад был маленький, захудалый. Несколько облезлых волков бегало за проржавевшими решотками. Рядом на меня уставились пять старых лисьих морд. Были тут еще понурый бизон, несколько журавлей, дикобраз. Но больше всего народа стояло в крайней аллее, где за частоколом и небольшим рвом сидел под открытым небом большой бурый медведь. Он был дряхл, заметно полысел, и свалявшаяся на брюхе шерсть лезла с него как пакля из дивана. Глаза у Мишки были тусклые, безразличные. Он снисходительно оглядывал собравшихся перед ним людей. Мамаши осторожно держались позади, а любопытная детвора лезла вперед. Мишка поглядывал на нее и время от времени вставал и начинал часто и заученно кланяться. Но делал он это, повидимому, без всякого для себя удовольствия, а просто так, из приличия, по обязанности. Стоят, дескать, смотрят. Ладно, мол, распотешу их немножко. Все-таки, ведь деньги платили за вход. И Мишка кланялся. Поклонившись, он некоторое время внимательно разглядывал свою огромную когтистую лапу, гладил себя по уху, а потом, со склоненной головой, принимался, казалось, слушать об'яснения унылого экскурсовода.

— Бурый медведь, — говорил экскурсовод,— по-латыни — урзус арктос — распространен почти во всех частях света. В России границы их распространения лежат в пределах почти...

Медведь внимательно слушал ученую беседу, моргал, иногда словно подмигивал.

— Перед вами, — продолжал экскурсовод,—типичный крупный экземпляр среднерусского бурого медведя. Длина его от морды до хвоста — один метр, шестьдесят шесть сантиметров. Питается медведь...

Медведь слушал, недоверчиво, иронически поглядывая то на экскурсовода, то на публику. Экскурсовод говорил все одним и тем же голосом, заученно и скучно. Публика уже не слушала его. Пробравшись вперед, школьники кричали медведю:

— Мишка, поклонись! Мишка, поклонись!

— А он вовсе и не Мишка, а Потап Потапыч,—сказал вдруг общительный человек с ведром и метлой в одной руке и с железным совком в другой.

Он слушал об'яснения экскурсовода так же снисходительно, как медведь. Иногда он вздыхал, подмигивал Мишке и качал головой. Это, очевидно, был сторож зоосада.

— Это Потап, — сказал сторож почтительно. — Потап Потапыч Капельдудкин, знаменитейший медведь гражданского фронта, как его по латыни ни обзывай. К нему надо с уважением относиться, а не то что Мишка, Мишка. Покажите, товарищ Капельдудкин, Потап Потапыч, как вы военно-духовым оркестром музыки управляли.

Медведь встал на задние лапы и, задрав передние в воздух, стал плавно качать их, словно дирижировал невидимым оркестром. Разошедшаяся было публика снова столпилась у рва.

— Отдохни теперь маленько, Потап Потапыч, — продолжал сторож.

— Об'являем вам мертвый час.

Медведь послушно вытянулся на земле.

— Дрессированный, видать,—сказал кто-то в публике.

— Не дрессированный, а ученый,—сердито сказал сторож.—Он службу знает. Даром что зверь животный, а выслуга лет-то у него любому человеку на зависть. Мы-то с ним из одного отряда.

Долго упрашивать словоохотливого сторожа не пришлось. Он немного поломался, чтобы набить цену своему рассказу, потом оглядел всех нас, сознавая свое полное превосходство над публикой, поставил на землю ведро и поведал нам необыкновенную историю вверенного ему медведя. Рассказывал он складно и живо, но за достоверность его рассказа я ручаться не могу.

Вот что рассказал нам сторож зоосада:

— Мы стояли тогда в селе Петровском. Отряд наш бился на Уральском фронте. Пришел приказ на утро выступать. Мы собирались залечь с вечера, чтобы выспаться перед походом, как вдруг на улице раздался шум, улюлюканье, свист. Мы вышли из избы и увидели молодого цыгана. Борода у цыгана была черная, курчавая и лезла прямо чуть ли не из глаз. И весь он был какой-то вороной, словно. Черный до синевы, косматый, рослый. А глаза тоже были черные и блестели, как антрацит. Впереди на цыгане висел большой турецкий барабан, за спиной, на загорбке, давила плечи шарманка, большой медведь не на цепи, а на простой — и не очень толстой — веревке следовал за цыганом. Кони наши перепугались, стали рваться и сбились у коновязи. Бойцы обступили цыгана с медведем. Все ждали: вот сейчас начнется представление... Но цыган потребовал, чтобы его провели к командиру. Командиром у нас был товарищ Морковников. Он был человек серьезный, собой не очень видный, но выправка у него была отличная, и бойцы уважали товарища Морковникова за прямоту и боевитость. Товарищ Морковников сам вышел на улицу.

— Чего тебе надо, товарищ цыган? — спросил наш командир.

— Примите, товарищ командир, меня в свой отряд,—ответил цыган,—от табора я давно отбился. Имею желание до Красной армии, чтобы участвовать в ней добровольцем. Прошу меня зачислить совместно с медведем,—сказал цыган и снял шапку.

— Зачислить-то мы тебя зачислили бы,— сказал товарищ командир Морковников,— но куда мы твоего Мишку подеваем?

— Извиняюсь,— сказал цыган,— извиняюсь, товарищ командир, но это не Мишка, а Потап Потапыч, и он у меня ученый, может всякую комедию ломать и продергивать в обидном состоянии, если какие есть трусы, шкурники, несознательные и прочий элемент.

И цыган стал показывать медвежью науку. Шарманка переехала на живот, цыган подставил под нее ножку, а барабан перевалился к нему за спину. Правой рукой цыган вертел ручку шарманки, и сквозь разрисованное сито на передней стенке стали цедиться тягучие, хлюпающие звуки польки-кокетки. Левой рукой цыган стучал по барабану, каблук правой ноги он вдел в веревочную петлю и ногой приводил в движение медные тарелки на барабане.

Так цыган превратился в целый оркестр. И под сиплые вздохи шарманки, под уханье барабана и лязг тарелок Потап Потапыч встал на задние лапы и прошел сперва военным маршем, потом показал, как баба за водой ходит, потом изобразил, как белый генерал у красных аману—пощады — просит.

— А ну-ка, Потап Потапыч, — сказал цыган, — покажи, как несознательный боец—трус такой—в атаку ходит.

Мишка припал к земле, пополз, да боком, да за избу, притулился за срубом и

— Примите, товарищ командир, меня в свой отряд.

прикрыл голову лапами. Тут поднялся такой хохот, что даже товарищ Морковников сказал:

— Фу ты, до чего курьезная зверюга,— прямо цирк!

И бойцы стали просить командира, чтобы цыгана зачислили в отряд вместе с медведем. Но положение наше было весьма серьезное. На утро нам нужно было выступать. С провиантом у нас дело было туго, куда тут с медведем! Ведь его кормить сколько надо, а тут самим жрать нечего. И бойцы замолчали, не зная, как быть. Цыган всем очень понравился.

— Видно, хороший парень, вполне нам сродни,—рассуждали про себя бойцы.—Бойкий, боевой, видать по всему, парень.

Тем временем цыган придумал уже новую штуку. Он заиграл вальс «Дунайские волны», а медведь его встал на задние лапы и стал управлять музыкой, как в театре.

— Ах, ты, чорт тебя возьми, прямо настоящий дирижер, капельмейстер Капельдудкин!—смеялись бойцы.

Я тогда был каптенармусом в цейхгаузе. По-русски значит: каптер. Иногда и за повара действовал. Я стал прикидывать: как-нибудь, думаю, прокормим. И тут, спасибо, один боец придумал... Это был такой длинный тощий парень. Плясун он был первый в отряде. Ноги были как будто раскладные: и взад, и вперед, и вбок, и в круг,— как угодно он ими действовал. Фамилия у него тоже была смешная — Чебурашкин, а звали мы его все для смеха Трах-Тарарашкин.

И вот Трах-Тарарашкин вышел вперед и сказал товарищу Морковникову:

— Мы можем, считаю, зачислить его на всякое довольствие при музыкальной команде, как агитмедведя...

Как раз за день до этого у нас на станции остановился агитвагон и давали представление. Там тоже были всякие танцы с музыкой и ловкие актеры протаскивали белых...

— А что, — сказал товарищ Морковников,—это действительно мысль, молодец Чебурашкин! Егоров, зачисли и пиши: «Зачислен на довольствие один агитмедведь, в скобках—один». А ты, — сказал командир цыгану, — как тебя по фамилии?

— Шевардин.

— Так вот, друг товарищ Шевардин, шерсти и на Капельдудкине твоем хватит. Что ты такой жучкой ходишь?

— Не дам бороду!—сказал цыган, и глаза с антрацитом так и занялись у него.

— Что тебе борода? — сказал я цыгану.—Что ты, поп, что ли? Божье подобье соблюдаешь?

Цыган подумал, постоял, посмотрел на медведя, снял шарманку и барабан, потом опять навьючил их на себя, снова снял, сложил все на землю, сорвал вдруг шапку с головы, ударил ее о землю, заплакал и сказал:

— Зови, чортова башка, цырульника, режь цыганскую мою красоту. Только пусть даст ее мне на память. Эх, прощай, борода...

Так и стали жить при нашем отряде цыган с медведем. Я раздобыл краски, мы заново отделали шарманку, замазали на ней принцессу и цветочки, намалевали красные флаги, вывели: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Только с музыкой мы ничего поделать не могли. Так и продолжала играть цыганова шарманка польку-бабочку, вальс «Дунайские волны», «Маруся отравилась» и другую музыку старого режима.

Не было боевого духа в этой шарманке, но иногда хорошо послушать и грустную песню вечерком.

Отличные песни знал цыган. А плясать он умел так задиристо, круто и ходко, что даже Чебурашкина нашего перетанцовал. Шевардин и Чебурашкин крепко подружились. Только в танце они были соперниками, и ни один не хотел уступать. Когда они срывались в пляс, казалось, дым сейчас пойдет от их рубах, загорятся плясуны. Жарко плясали Шевардин и Чебурашкин. Один часто хлещет, а другой, супорот-напупорот, еще пару поддает. Земля кругом дрожала, все ходуном ходило. У всех бойцов плечи дергало да пятки чесались. И Капельдудка не отставал от них. Он вставал на дыбки и начинал топтаться. И вот идет медведь по кругу вперевалку, а цыган так и чешет, так и чешет да приговаривает:

«Топот, топот у Потапа,
То-то было топоту.
Вот пришел потоп Потапу,
Потонул Потап в поту...»

С питанием мы кое-как дело наладили. Я выдавал Капельдудке паек, как ему определил командир. Цыган тоже промышлял, доставал где-то конину, подкармливал своего Потапыча. Мы в то время были оттянуты на резерв, и особенно больших дел у нас не было. Но вскоре нас перебросили к Волге, на самые передовые позиции. И тут Капельдудка наш первый раз показал себя в деле.

Нам нужно было тогда перейти через замерзшую Волгу по льду. А на том берегу, у Услона, укрепились белые. День выдался морозный. Над рекой плыла студеная мгла. Мы ползли по льду, и с нами полз рядом с Шевардиным косматый Капельдудка. Его взяли, чтобы веселее было.

Волга в тот год стала неровно. Льдина громоздилась на льдину. Хоронясь за льдинами, пробирались мы к тому берегу. И тут нас заметили. По нас застрочили из пулеметов. Со звоном падали срезанные верхушки торчавших льдинок, а потом с горки в нас шарахнули из батареи. Вокруг нас крошился лед, вода дыбом вставала из полыньи. Бойцы попадали в воду, течение хватало их за ноги и утаскивало под лед. Но мы все ползли, и с нами полз Капельдудка — агитмедведь особого отряда.

Капельдудка не привык к артиллерии. Как только над нами или по близости разрывался снаряд, он разом прижимался ко льду и некоторое время лежал, распластавшись, лапы врозь, как дохлый. Потом он осторожно приподымал морду, с опаской осматривался, привставал и, пригнувшись, топал бегом вперед. А на месте, на котором он только что лежал, желтела лужа. Потом опять бах-бах... Он опять прилег, встал—лужа. Так он шел с нами до самого берега. Как разрыв, так Капельдудка наш бряк, встанет — лужа. Опять бряк, встанет—опять лужа... И хотя кругом нас, беря нас на мушку, ходила смерть, смех все-таки разбирал нас: очень уж смешно шел с нами в наступление Капельдудка. Медведи, известно,—храбрый лесной народ, но на живот они слабы. И от боевых переживаний желудок их расстраивается. А Капельдудка не был трусом. Нет! Когда передовая цепь доползла до намеченной линии под самую кручу, где артиллерия нас не могла достать, и товарищ Морковников вскочил и закричал «Ура, бей белых!», сейчас же и Капельдудка разом вскочил на все четыре лапы, взбодрился и пошел с нами в атаку на Услон. Это было большое, серьезное дело, тяжелый бой. Цыгану тогда легонько прострочило руку, а после боя мы увидели,

что левое ухо Капельдудки кровоточит. Рассмотрели мы внимательно и нашли в ухе дырку. Видно, пулей стегануло. Но с той поры Капельдудка наш привык к боевым действиям и ничего за собой уже не оставлял.

Но раз мы попали с ним в такую переделку, что только чудом каким-то вылезли целыми. Наш отряд занял у деревни Понурки большое имение графа Волобуева. Отряд наш выбил оттуда противника и пошел его преследовать до леса, а я как каптенармус отстал немножко по хозяйственной части. Решил посмотреть, не осталось ли в имении какой-нибудь провизии. Все сгодится в военное время. И со мной остались Чебурашкин да цыган Шевардин со своим медведем. Цыган все для него пропитание искал. Таратайку свою мы оставили во дворе, за углом.

Дом у графа Волобуева был просторный, форменный дворец, хотя он пострадал от солдатских постоев и паркетины уже до нас были всюду выбиты.

Мы подымались по широкой лестнице, и вдруг наш Капельдудка сердито заурчал, вся шерсть приподнялась на нем. Он прижал уши. Мы взглянули наверх. Там, на верхней площадке парадной лестницы, стоял набитый трухой медведь-чучело. Чучело держало в передних лапах поднос. Сюда, на поднос, бывшие графские гости клали свои визитные карточки. Положение было такое, обычай: гости, так сказать, регистрировались, чтобы узнать, кто такой пожаловал. И вот для этой надобности стоял на лестнице медвежий болван, чучело набитое.

— Эх,— сказал я Капельдудкину,— как же ты такой агитмедведь, а набитого дурака за своего видишь. Не видишь, что вдруг, что так, кто друг, кто враг.

И Капельдудка наш засмущался. Он отвернулся и прошел мимо чучела, как будто не замечая его. Мы поднялись наверх, попали в большую приемную комнату, и здесь тоже паркет был выщерблен: очевидно, паркетинами топили печурку, которая была пристроена у окна.

Едва мы огляделись, как под окном раздался топот, и мы увидели, что во двор в'ехала пятерка конных, а за ними еще трое. У всех были погоны на плечах. Значит, попались... Верно, белый раз'езд наскочил на нас. Что тут делать, куда бежать? Как говорится: слева берег, справа ерик, посередке буерак.

— Тикай, тикай, — сказал я Шевардину,—тикай скорее, цыган, бросай своего зверя, спасай свою человеческую душу.

Но он стал весь синий, ударил себя обоими кулаками в грудь и сказал:

— Ни за что в жизни одного его не брошу!

Он подбежал к медведю, потащил его в угол, поднял на дыбки.

— Потап Потапыч, — сказал цыган, — замри!

И медведь встал на задние лапы в угол, а в передние цыган сунул ему поднос. И медведь стал, как чучело.

Только мы с Чебурашкиным рванулись в сторону, к окну, как сразу из двух дверей в нас уперлись штыки и дула: «Руки вверх, кидай оружие!»

А какое у нас оружие? Хозяйственная часть, музыкантская команда. Все наше оружие в таратайке осталось. Только у Чебурашкина была шашка. Да и где тут троим было против восьмерых! Я «с'ел» тут два раза по зубам. Цыгана ткнули под сердце наганом так, что он весь скрутился, а Чебурашкина стукнули по затылку рукояткой нагана. И он ударился лицом о подоконник. Мы стояли и молчали. У меня и Чебурашкина лица были в крови. Тут вошел их ротмистр. Он вошел, посмотрел на нас и сказал с удовольствием:

— А, задержали, отлично. Сейчас я их немножко исповедую.

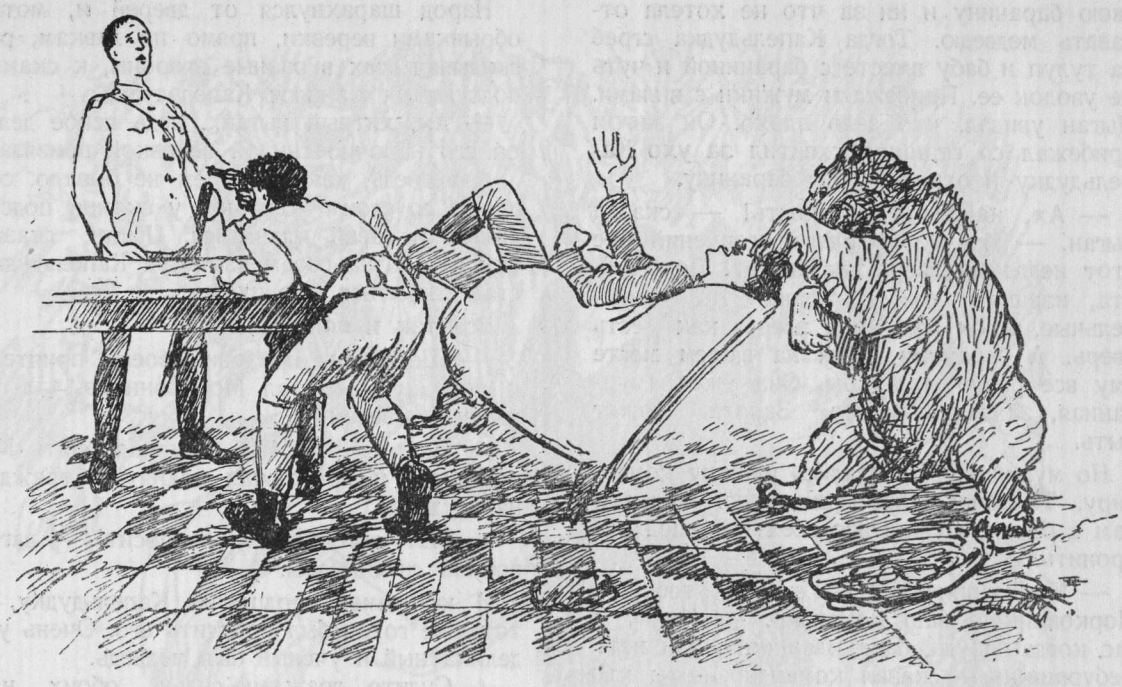
Он сел за стол, снял фуражку, пригладил пробор, положил на стол наган, скинул портупею, посмотрел, куда ее деть, и бросил в угол. Он бросил портупею в угол и угодил прямо в нашего Капельдудку. Мы все трое зажмурились. А Капельдудка стоял, не шелохнувшись. Капельдудка знал свою службу. Он даже глаза закрыл. И портупея повисла на его лапе. Как чучело стоял медведь. Ротмистр закурил, расстегнул китель, потянулся на кресле и сказал своим:

— Двое пусть останутся здесь, остальные марш по дому. Может быть, еще кого-нибудь сцапаем.

Потом он посмотрел на нас.

— Ну-с, — сказал он, — что хорошего скажете, то-ва-ри-щи?

И, рывком нагнувшись вперед, он бросил за себя, через плечо, папиросу. И горящая папироса с огоньком, раздувшимся в полете, попала прямо в чувствительный нос нашего Капельдудки. И тут наш Капельдудка забыл всякую службу. Он рявкнул как



Он рявкнул как гром и так наподдал огромной своей лапой сзади ротмистру...

гром и так наподдал огромной своей лапой сзади ротмистру, что свез ему полголовы, прямо с прибором. Ротмистр рухнул с кресла. Молоденький ад'ютант, должно быть, стоявший у стенки, так и замер. Он ничего не мог понять. Как это может медвежье чучело на людей бросаться! А пока он соображал это, цыган схватил наган, что лежал около ротмистра, и в упор уложил второго. Третий кинулся было бежать с лестницы, но на площадке наткнулся на медвежье чучело. Он завизжал, со слепу ткнул в чучело штыком и завязил его. Штык застрял словно пчела, засадившая свое жало в густую медвежью шерсть. Он силился вытащить обратно винтовку, и Чебурашкин подстрелил его сверху.

Теперь у нас уже было оружие. Мы стали отстреливаться. По всему дому поднялась пальба. Наши из лесу услышали шум и решили понаведаться, что за ералаш такой. Так нас и освободили.

Настал голодный год. Мы подтянули животы потуже, но есть все же хотелось, а есть было нечего. Капельдудка наш тоже загрустил: апетит звериный пошибче чем человеческий. А у меня в цейхгаузе была одна только чечевица да сушеная вобла. Это разве питание для медведя?! И вот стал цыган с Капельдудкой промышлять.

На зиму мы стояли в бараках у станции Томашинской. Сюда из городов приезжали для товарообмена. Село, и без того состоятельное, пухло прямо на глазах. Провизии там было вдоволь. Крестьяне запасались всякой всячиной. У станции спекулянты устраивали что-то вроде базара. Мы, что могли по закону, реквизировали и ходили кругом полуголодные да облизывались. Приказ у нас был строгий, по всей дисциплине, чтобы ни-ни...

И тогда цыган придумал вот что... Он, как будто невзначай, спускал Капельдудку с веревки: оторвался, мол, — а сам бегал кругом и искал как будто и спрашивал всех: «Не видали ли вы моего медведя, граждане?» А Капельдудка прямым ходом отправлялся на базар и хвать первое, что ему под лапы попадалось. Каравай, так каравай, нога телячья, так и ногу с превеликим удовольствием. Даже и мерси не говорил. Цоп!.. И бегом к нам. Бабы визг поднимали, кто куда, а наш Капельдудка трюх, трюх и дует в штабквартиру со всех четырех ног.

А цыган ходил кругом и делал вид, что сам он тут не при чем, сам он — ни боже мой...

Но однажды какая-то баба уцепилась за

свою баранину и ни за что не хотела отдавать медведю. Тогда Капельдудка сгреб за тулуп и бабу вместе с бараниной и чуть не уволок ее. Прибежали мужики с вилами. Цыган увидал, что дело плохо. Он мигом прибежал со станции, схватил за ухо Капельдудку и отнял у него баранину.

— Ах, какая неприятность! — сказал цыган. — И сколько одних огорчений мне этот негодный зверь доставляет! Пожалуйста, извините его, граждане. Вы сознательные, а он что же, зверь, как есть зверь. А баранину я уж на вашем месте ему все равно отдал бы. Она уже замурзанная, захватанная вся. Зараза может быть.

Но мужики пожаловались нашему командиру. Товарищ Морковников примчался к нам в барак, собрал нас всех и пошел патронить.

— Мародерничать? — сказал товарищ Морковников, наш командир. — Кончу я вас когда-нибудь, барахольщиков, или нет? Чебурашкин, — сказал командир, — ты что же, бандит, глаза прячешь? Говори все, как есть. Да что же это такое?.. Грабежами занимаетесь?.. Срам, стыдно, позор, товарищи, и больше ничего! Притянуть их всех к революционному суду, медвежатников этих!

Суд был устроен в школе на селе. Это был форменный суд, как полагается. Наш трибунал особого отряда судил цыгана, а мы с Чебурашкиным были свидетелями. Народу пришло — ни вздохнуть, ни чихнуть.

За столом, крытым красным сукном, сидели командир товарищ Морковников и двое выборных — один от отряда, а другой от мирного населения. А сбоку стояла скамейка для подсудимых. И там сидел наш цыган — Миша Шевардин. Он сидел, голубчик, под стражей: двое с винтовками из нашего отряда стояли по бокам. Стали разбирать дело. Товарищ Морковников сказал крепкую речь насчет безобразия и позора. Потом вызвали меня и Чебурашкина как свидетелей. Мы увидели, что дело серьезное, народ кругом серчает, и сказали все, как есть, начистоту. Тут уж врать было поздно.

— Ну, — сказал тов. Морковников, — а что нам скажет подсудимый?

Цыган встал и потупил голову.

— Подсудимый, ваше слово, — повторил командир.

— Без-э-р-р-р! — раздалось вдруг в сенях.

Народ шарахнулся от дверей и, мотая обрывками веревки, прямо по лавкам, раскидывая всех в разные стороны, к скамье подсудимых кинулся Капельдудка.

— Ах, хитрый цыган... ведь ясное дело, он его нарочно гнилой веревкой привязал!

А медведь, как ни в чем не бывало, сел прямо со своим хозяином у скамьи подсудимых и давай кланяться. Цыган сказал ему что-то на своем языке, и Капельдудка стал кланяться еще пуще.

Все так и покатились.

— Шевардин, призови своего приятеля к порядку, — сказал Морковников, — а то мы его выведем.

— Бе-э-э-э-р-р-р! — заурчал опять Капельдудка и продолжал кланяться гражданам-судьям.

— Матушки, прощенья просит! — заговорили сзади бабы.

И кто имел сердце на Капельдудку, и тот уже готов был простить его. Очень уж деликатный и ученый был медведь.

— Судите, граждане-судьи, обоих нас вместе, — сказал цыган и припал головой к мохнатой морде Капельдудки. — Оба мы ответчики, я и Потап Потапыч, агитмедведь нашего славного особого отряда.

Но товарища Морковникова этим нельзя было пронять. На него никакой балаган не действовал. Это был серьезный командир.

— Все это очень, конечно, весело теперь, — сказал товарищ Морковников. — Смех—смехом, а революционный порядок впереди всего. Я вот что предлагаю, товарищи: кормить нам зверя нечем. Скоро выступать. Надо зверя выпустить на волю. Зверинцев теперь нет. Завести куда-нибудь его подальше и оставить.

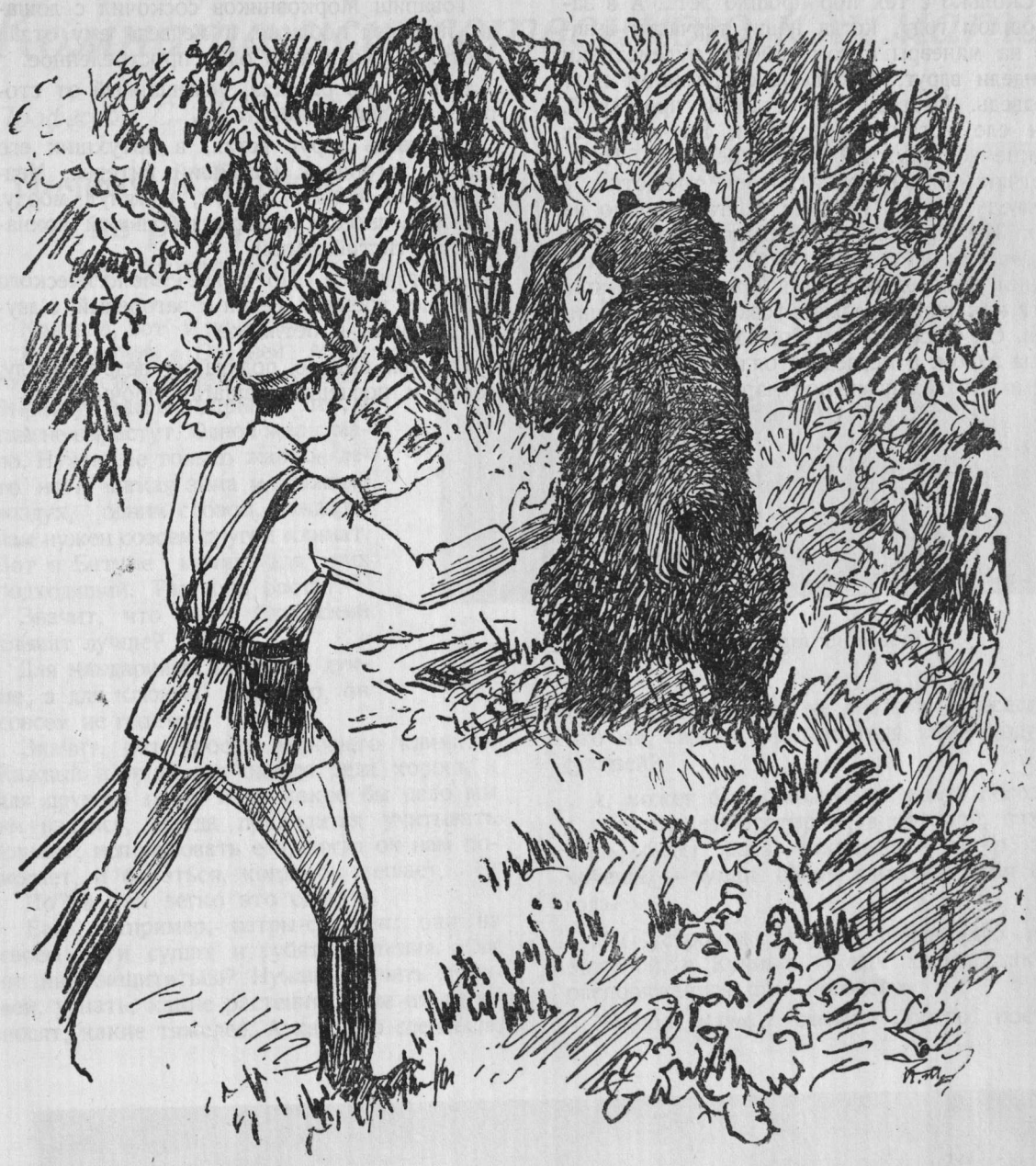
— Правильно! — закричали бабы. — Бог с ним.

— По справедливости, — сказали мужики.

Только бойцы молчали. Жаль было Капельдудку. Все в отряде привыкли к нему. Тихо стало в помещении. Слышно было только, как цыган сопит. Потом цыган встал, обнял опять Капельдудку и сказал:

— Ну что ж, Потап Потапыч, видно, опять нам по большим дорогам вместе ходить придется, но бросать я тебя в жизни не брошу.

И утром ушел цыган. Он ушел вместе с Капельдудкой. А через неделю шли мы с отрядом через лес и наткнулись у опушки на цыгана. Он лежал при последнем дыха-



Товарищ Морковников подошел поближе, а медведь ему отдал честь.

нии. Капельдудки при нем не было. И тут Миша Шевардин признался, что он не стерпел одинокой подорожной жизни и подался к нам обратно. Он отвел Капельдудку в самую лесовую гущину и там распрощался с ним.

Когда Шевардин уже пробирался к нам, он нарвался на белый патруль. Цыган бросился бежать, но от пули не убежишь.

— Эх, шайтан... — сказал нам Миша Шевардин. — Плохой я был цыган. Гордости во мне цыганской ни копейки.

— Нет, ты цыган ничего, — сказал командир. — Ты наш цыган. А здорово это тогда на суде у тебя Капельдудка отвязался! Вовремя...

Умер наш плясун, цыган особого отряда Миша Шевардин, а отряд пошел дальше.

Сколько с тех пор прошло лет... А в запрошлом году, когда наши терчасти вышли на маневры в том районе, пулеметчики увидели вдруг, что на них прямиком идет медведь. Медведь был старый, престарый. Он еле ногами переступал. На маневрах какое же оружие? Одни трещотки. Пулеметчики стали крутить свои трещотки, а медведь и в ус не дует. Шагает прямо на них. Но вдруг он услышал полковую музыку, встал на задние лапы посредине полянки и передними стал править музыкой. Тут как раз проезжал товарищ Морковников. Он ехал верхом. Лошадь храпела, крутила задом, а медведь стоял посреди полянки и качал лапами под марш.

Товарищ Морковников соскочил с лошади, подошел поближе, а медведь ему отдал честь. И ухо у него одно простреленное.

Вот и весь рассказ, услышанный от сторожа зоологического сада.

...Медведь вдруг встал, в потухших его глазах загорелся живейший интерес. Медведь стал нюхать воздух, вытянул морду, встал на дыбы и козырнул большой мохнатой когтистой лапой.

Я оглянулся. По аллее зоологического сада шел военный, седой и загорелый, с двумя ромбами в петличке.

Сторож быстро подхватил ведро, метлу, совок и поспешно зашагал прочь.

□ □ □

Комната искусственного климата

Профессор С. Л. Бастамов

Почему в Москве не растут мандарины?

Холодно, вот и не растут.

А где-нибудь в Средней Азии, там летом жарче чем в тропиках. Вырастут там мандарины? Нет, и там не вырастут. Одной жары мало. Нужно не только жаркое лето, но и мягкая зима и влажный воздух, одним словом, мандаринам нужен совсем другой климат. Вот в Батуме климат для них подходящий. Там они растут.

Значит, что же: батумский климат лучше?

Для мандаринов, конечно, лучше, а для клюквы, например, он совсем не годится.

Значит, нет просто хорошего климата. Каждый климат для одного дела хорош, а для другого плох, и за какое бы дело мы ни взялись, всегда приходится учитывать климат, использовать его, когда он нам помогает, и бороться, когда он мешает.

Но не так легко это сделать.

Есть, например, ветры-суховеи: они на своем пути сушат и губят растения. Как от них защититься? Нужно изучить суховеи, узнать, какие растения легче их переносят, какие тяжелее. А как это сделаешь, когда суховеи дуют не везде и не всегда? Что же, сидеть и дожидаться, пока подует суховей?

Вот что делает суховей.

А, может быть, можно не ждать погоды, а устроить лабораторию, в которой, захочешь, будет жара, захочешь, — ветер, захочешь, — туман, одним словом, любая погода?

Мы устроили такую лабораторию под Москвой, в Кучине. И как хотим, так и распоряжаемся там погодой.

Жаркий климат сделать просто: поста-

По тому, как кружится дым, мы следим за ветром.

вить печки, включить побольше ламп — вот и жара.

Холод — тоже нетрудно. Есть холодильные машины. В любую жару они делают искусственный лед. Этим льдом можно охладить воздух в нашей лаборатории, — значит, и мороз есть.

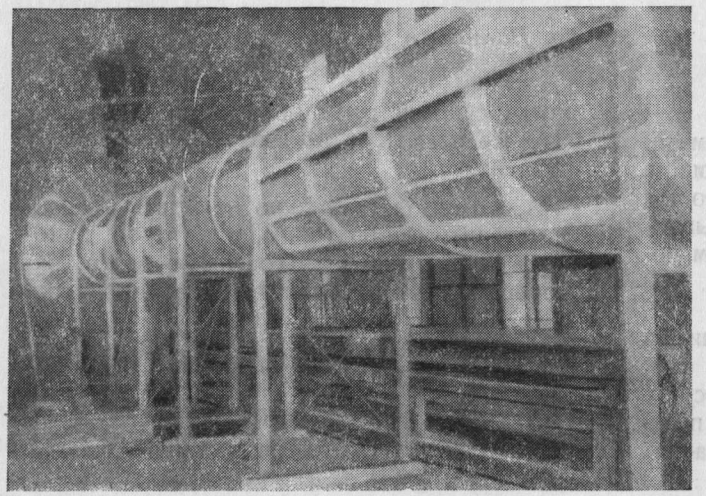
И ветер можно устроить: поставить вентиляторы, посильнее их запустить — вот и ветер.

Но, чтобы сделать суховей, нужно высушить воздух, отнять из воздуха всю влагу, а как это сделать, когда влагу без специальных приборов и не заметишь?

И это можно сделать.

Погода в трубе

Мы в своей лаборатории устроили аэродинамическую трубу. Воздух в этой трубе ходит кругом, и мы можем заставить его идти быстрее или медленнее, можно как



В своей лаборатории мы устроили аэродинамическую трубу.

угодно его нагревать и охлаждать. В этой трубе мы делаем суховеи. Мы прогоняем воздух через холодные батареи и вымораживаем из него всю влагу. Она замерзает и садится инеем на эти батареи, а сухой воздух идет дальше, тогда мы его нагреваем и получается суховей.

Конечно, на самом деле это не так уж просто: ведь нужно, чтобы воздух в нашей трубе был не суше и не влажнее, не теплее и не холоднее чем настоящий суховей, иначе все наши опыты ничего не будут стоить. Поэтому у нас в трубе стоят разные измерительные приборы и автоматические аппараты, которые сами регулируют и влажность и температуру. Станет воздух чуть-чуть холоднее, чем нужно, — они сами включают подогреватели, станет потеплее — выключают. Мало влаги — они добавят, слишком много — убавят. А нам остается только установить эти аппараты и распоряжаться как угодно климатом в нашей трубе. Мы можем получить там 36° тепла, а когда понадобится, у нас будет 54° мороза. Разница в 90°. Чтобы получить такую разницу в природе, нам пришлось бы переехать из тропических стран в полярные.

Вот построили мы лабораторию. Сделали трубу. Под руками у нас и сибирский мороз, и степной суховей, и тропическая жара. Все они у нас в плену, и мы можем как хотим изучать их, ставить какие угодно опыты.

Из нашей климатической камеры мы помогаем стране бороться с ветрами пустынь и морозами севера. Недавно к нам за помощью против морозов обратился Народный комиссариат путей сообщения. Как только поезда попадают в сибирские морозы, замерзает масло в буксах, оси начинают греться, приходится отцеплять вагоны, — на это уходит энергия, время, поезда опаздывают, план погрузки под угрозой.

С морозом мы ничего не можем сделать, но зато можно кое-что сделать с маслом.

Мы поставили в нашу камеру вагонную ось с буксой, устроили мороз в 54° и нашли такое масло, которое не замерзает на таком морозе.

Можно было бы это сделать и без лаборатории, но тогда пришлось бы ехать в Сибирь, пришлось бы ждать, когда там будут самые большие морозы, и на месте испытывать смазку. А так мы никуда не ездили, сидели на месте, узнали все, что нам нужно, и теперь вагоны идут по Сибири, масло в буксах не замерзает и оси не греются.

Ветер-подметальщик

Другой случай был у нас с ветром.

Ветер — тоже очень важное явление. И чтобы он не мешал нам работать, нужно хорошенько изучить его характер.

Получить ветер нетрудно, а вот как его изучить? Ведь его и не увидишь даже.

Когда мы занялись изучением ветра, мы прежде всего сделали его видимым: напустили в него дыма и по тому, как кружился и летал дым, следили за ветром. Мы даже научились фотографировать его и сняли, как он проходит над домами, над деревьями, над оврагами.

А когда мы изучили ветер, мы сейчас же посмотрели, какую пользу можно извлечь из того, что мы узнали.

Кто ездил по железной дороге зимой, тот знает, что такое заносы. Подует буран, занесет линию снегом — и стоп! Останавливай поезда.

От заносов защищаются тем, что ставят щиты по краям дороги, но их в конце всетаки заносит снегом — иногда во время самой метели их приходится вынимать и перестанавливать выше, а это очень тяжелая работа.

Мы у себя в трубе устроили маленький железнодорожный путь: поставили щиты, насыпали снега, сделали буран, понаблюдали за нашим бураном и сделали открытие. Мы увидели, что ветер может не только заметать пути, но и подметать их, мы увидели, что ветер — замечательный подметальщик, а раз так, то нельзя ли заставить его подметать пути вместо того чтобы заваливать их снегом?

Оказалось, что можно. Для этого пришлось поставить щиты близко от полотна и оставить щель под ними.

Что же получилось? Ветер налетает на щит, пройти ему некуда, одна дорога—щель. Он торопится пройти в эту щель, она узкая, и ветер с такой силой пролетает над полотном, что подхватывает снег и выносит его на другую сторону. Из ветра-врага мы сделали ветра-друга.

Этот способ борьбы со снегом мы впервые нашли у себя в лаборатории, а теперь в Сибири уже очень много путей защищено по нашему способу.

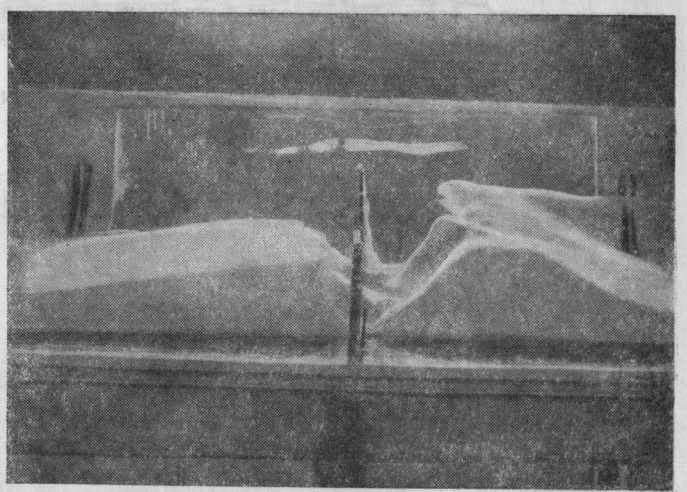
Снежные заносы в аэродинамической трубе.

Перекраска соболей

Еще интереснее получилось у нас с соболями. Когда стали разводить соболей на фермах, заметили, что если соболя живут в теплом климате, то их темные шкурки рыжеют. А рыжий соболь ничего не стоит по сравнению с темным.

Стали искать, в чем тут дело, и решили, что все дело в температуре. В холодном климате соболю нужна темная шкурка, потому что темный цвет сохраняет тепло, а в теплом климате ему и в рыжей шкурке жарко.

Мы решили проверить это. Взяли испорченного, порыжевшего соболя, который



Щиты помогают плохо: ветер все равно метет снег на рельсы (опыт в трубе).

долго прожил в Москве, и устроили ему такой климат, как на родине, на Байкале.

Соболь пережил у нас в камере три линьки, и его шкурка опять стала темной.

Теперь мы можем сказать, в каком климате можно строить питомники для соболей, а в каком нельзя. А для тех соболей, у которых шкурки испорчены, мы можем сделать искусственный климат, и они опять станут темными.

Пока что одежду шьют постаринке и обходятся в этом без науки, но кое-какие опыты мы и тут сделали. Мы испытывали у себя в трубе различные виды одежды. Для этого мы одевали человека, сажали его в трубу, а под одежду закладывали градусники. Потом устраивали в трубе мороз и ветер и смотрели, где холод скорее всего заберется под шубу.

Вечная мерзлота и вечное лето

Есть такие явления в природе, которые встречаются довольно редко. Вот, например, гололед. Во время гололеда автомобили буксуют, лошади сбивают копыта, телеграфные провода обмерзают и рвутся, а самолеты обледеневают и падают. С гололедом очень трудно бороться. Это—еще мало изученное явление, а изучать его неудобно: появляется гололед неожиданно и не надолго.

В лаборатории мы научились получать гололед когда угодно и теперь изучаем обледенение телеграфных проводов и самолетов. Когда мы изучим хорошо это явление, тогда найдем и способ борьбы с ним.

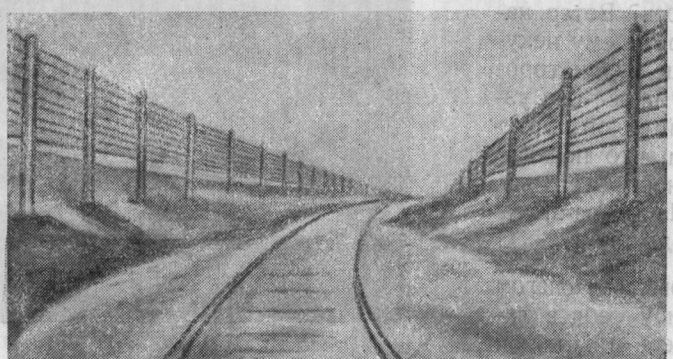
То же самое и с вечной мерзлотой.

У нас в Москве земля промерзает неглубоко, и даже зимой можно докопаться до незамерзшей земли, а в Сибири есть места, где нижние слои почвы промерзли так, что никогда не оттаивают.

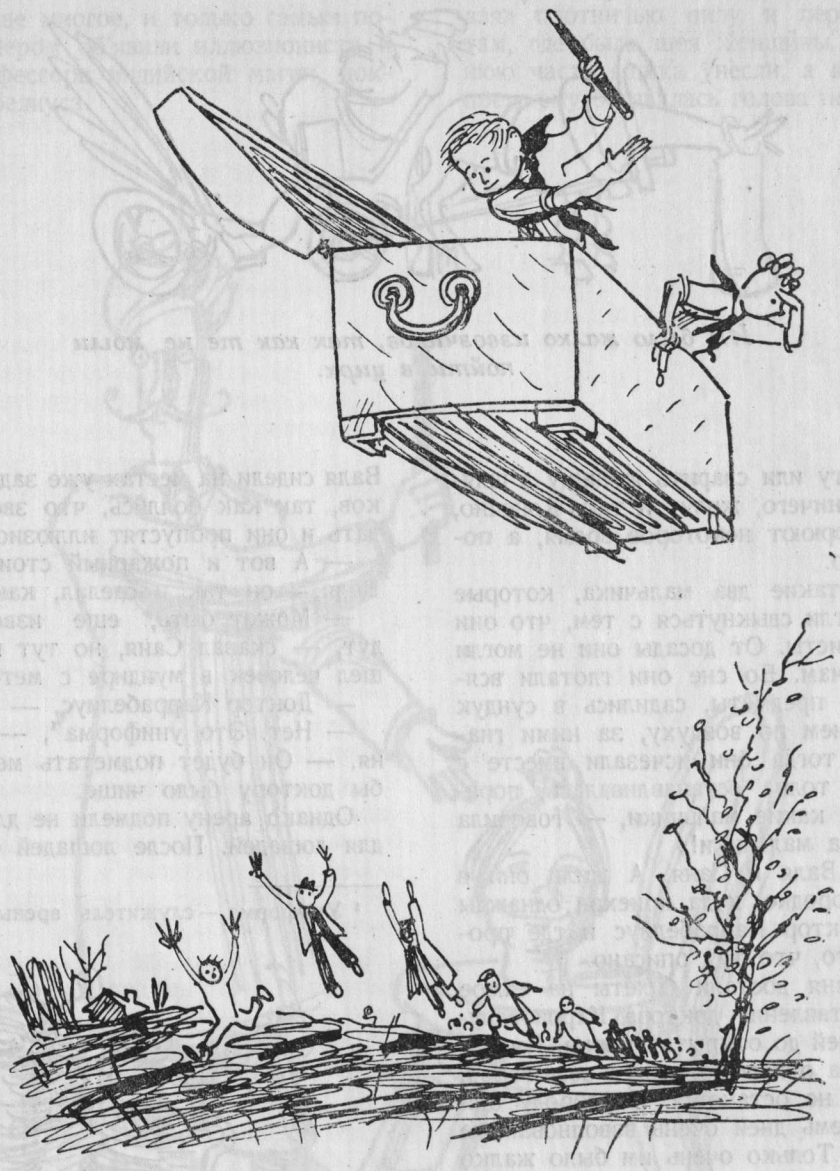
Вечная мерзлота — тоже мало изученное явление, и, чтобы изучить его, раньше приходилось ездить в Сибирь.

А мы у себя сделали такой ящик с землей, в котором внизу земля всегда замороженная, а сверху, когда нам нужно, оттаивается сантиметров на двадцать пять. В этом ящике мы делаем разные опыты и изучаем, можно ли на вечной мерзлоте строить дома, железные дороги и мосты. А когда мы изучим это дело, тогда будем строить не в ящике, а по-настоящему и не будем бояться, что в один прекрасный день земля оттает и вся наша постройка осядет и развалится.

За какое бы дело мы ни взялись, мы всегда находим что-нибудь интересное. Наша лаборатория — первая в мире, и что бы мы ни делали, все это — новое, неоткрытое. В любой области перед нами непочатый край работы. Мы учимся сами у себя и с каждым разом становимся все смелее и смелее, и если раньше, пять лет назад, мы еще не были уверены, удастся ли нам получить суховей, то теперь мы вместе с Институтом курортологии строим палату искусственного климата для лечебных целей. Там мы будем работать не с животными и не с машинами, а с живыми людьми. В этой палате мы устроим климат сочинского пляжа, бассейн морской воды, поставим горное солнце, и, когда эта палата будет готова, тогда климат Сочи будет у нас в Москве. Правда, пока в одной только комнате.



Проект установки щитов.



Волшебная палочка

Рассказ Мих. Лоскутова *Рисунки А. Каневского*

Доктор Каррабелиус был, разумеется, не только дрессировщиком собак и попугаев, но и фокусником-иллюзионистом, чревовещателем, глотателем змей и много еще кем. Короче говоря, он умел делать все те таинственные и заманчивые вещи, которые, как известно, многие хотели бы делать, да, к сожалению, не умеют.

Он, например, мог протыкать булавкой язык и исчезать из сундука на глазах у публики. А кто не мечтал об этом?

В самом деле! Если еще с булавками туда-сюда, но уметь исчезать из сундука хотел бы, конечно, уж всякий.

Некоторые люди спокойно относятся к этому: не могут проткнуть свой язык, про-

Им было жалко извозчиков, так как те не могли пойти в цирк.

глотить шпагу или сварить яичницу в шляпе — ну и ничего, живут и так. Конечно, сначала погорюют некоторое время, а потом и ничего.

Но были такие два мальчика, которые никак не могли свыкнуться с тем, что они не иллюзионисты. От досады они не могли спать по ночам. Во сне они глотали всякие тяжелые предметы, садились в сундук и летали в нем по воздуху, за ними гналась толпа, тогда они исчезали вместе с сундуком, и толпа останавливалась, пораженная. «Ах, какие мальчики, — говорила она, — ай да мальчики!»

Звали их Валя и Саня. А жили они в том самом городке, куда приехал однажды с цирком доктор Каррабелиус и где произошло все то, что тут описано.

Валя и Саня достали билеты на самое первое представление доктора Каррабелиуса за семь дней до открытия цирка. Им казалось, что на открытие пойдет весь город, а билетов и не останется. По городу они ходили все семь дней очень взволнованные и радостные. Только очень им было жалко извозчиков, так как те не могли пойти в цирк. И пожарного на каланче было жалко.

— Ну еще пожарный может отпроситься в цирк на дежурство, — сказал Саня, — а уж извозчикам плохо: не уйдешь с козел.

— Ну могли бы на минутку привязать лошадь к столбику и пойти взглянуть, — сказал Валя.

— Не знаю. Я бы, пожалуй, конечно, привязал...

Они хотели так и посоветовать извозчику, но тот сидел очень уж хмурый и печальный, и они не решились к нему подойти.

Пришел, наконец, день представления. Цирк действительно был полон. Саня и Валя сидели на местах уже задолго до звонков, так как боялись, что звонки забудут дать и они пропустят иллюзиониста.

— А вот и пожарный стоит, — сказал Валя, — он так и сделал, как мы думали.

— Может быть, еще извозчики придут, — сказал Саня, но тут на арену вышел человек в мундире с метелкой.

— Доктор Каррабелиус, — сказал Валя.

— Нет. Это униформа[1], — ответил Саня. — Он будет подметать метелкой, чтобы доктору было чище.

Однако арену подмели не для доктора, а для лошадей. После лошадей были велоси-

[1] Униформа — служитель арены.

— А вот и пожарный стоит.

педисты и еще многое, и только самым последним номером об'явили иллюзиониста и факира профессора индийской магии, доктора Каррабелиуса.

— Дорогие граждане! Так как я отрезайль своей помощница голова, то я прошу теперь помогайт мне кого-либо из публики.

Доктор вышел с помощницей, он огляделся, кашлянул и сказал:

— Для началь я буду сделайль один пустячок: отрежу голова этой женщина.

Ребятам стало жалко женщину. Но она спокойно легла в длинный ящик. Ящик поставили стоймя, и в отверстие, проделанное вверху, все видели лицо женщины. Доктор взял плотничью пилу и перепилил ящик там, где была шея женщины. Потом нижнюю часть ящика унесли, а в верхней попрежнему оставалась голова помощницы доктора. Ящик с головой доктор положил на стул и сказал публике:

— Дорогие граждане! Так как я отрезайль своей помощница голова, то я прошу теперь помогайт мне кого-либо из публики.

Саня и Валя вскочили оба.

— Я пойду, сиди, — сказал Саня, — он

Вместо бутылки появилась живая курица

тебе тоже отрежет голову.

— А тебе? — спросил Валя.

— Я не дамся, я большой.

Однако на арену они пошли вместе. Кроме того выбежали еще четырнадцать мальчиков и одна старушка. Но Саня с Валей были первые, и все остальные ушли обратно.

— Вы хотейль обязательно два помощник? — сказал доктор. — Как вас зваль, мальчик?

— Саня и Валя.

— Ну хорошо, Саня и Валя, ви будет держайль вдвоем эта одна волшебная палочка.

Он протянул им маленькую черную палочку, и Саня с Валей взяли ее в руки.

— Вот у меня в руках один большой пила, — сказал доктор. — Взмахните палочка и скажите: «Айн, цвай, драй».

— Айн, цвай, драй! — сказали мальчики, и пила исчезла.

Публика стала аплодировать.

— Вот теперь в моей рука этот бутылка. Я накрывайль ее черным платком. Скажите: «Айн, цвай, драй».

Мальчики сказали, и вместо бутылки появилась живая курица. Доктор накрыл ее платком, «айн, цвай, драй» — и вместо нее появились часы. «Айн, цвай, драй» — и вместо часов появилась шляпа, потом, вместо шляпы—графин с водой. Доктор взял графин и поставил на стул рядом с ящиком, в котором лежала голова помощницы.

Саня незаметно постарался продвинуться к стулу, чтобы посмотреть графин, а заодно уж и ящик. Он уже притронулся к графину, но тут увидел в ящике голову помощницы.

— Мальчик, не трогай, ты разобьешь графин, — строго сказала голова помощницы доктора.

Саня, смущенный, отскочил всторону.

— Ну, дорогой помощник, теперь даваль уходиль на место, — сказал доктор. — Только палочка отдавайль мне. Она мне очень нужен. В эта палочка — самый главный волшебств всех фокус.

Саня и Валя отдали палочку и убежали на места.

На арену опять притащили вторую часть ящика, приставили к той, что на стуле. В том месте, где отпилено, доктор густо помазал гуммиарабиком и взмахнул палочкой. Из ящика вышла помощница и начала убирать приборы на арене.

Доктор сделал еще несколько мелочей: проглотил четырех змей и один подсвечник, сделал курицу чернильницей, взял у публики четыре кольца, а затем вытащил их из кармана у пожарника.

— Больше пожарник никогда не пойдет на представление, — сказал Валя. — Он ведь не хотел взять кольца.

— Ну мало ли — не хотел, — сказал Валя. — А мог так и уйти, незаметно, с кольцами.

На этом представление окончилось. Все выходили из цирка толпой, и Саня с Валей смотрели на все лица, чтобы увидеть на них необыкновенное удивление. Но никакого удивления на них не было. Все, наверное, притворялись и пытались придать лицу самое обыкновенное выражение. Некоторые даже говорили:

— Ну что ж, курица, курица... Подумаешь тоже.

— У нас вон одна курица четыре яйца сразу снесла, — сказал какой-то мужчина зевнув.

— А голову вы бы смогли отрезать? — строго спросил его Валя.

— Голову? Да, а чего ж! Конечно, смог бы.

— Отрезать-то смог бы. А вот обратно поставить... — сказал Саня.

— Обратно, действительно, не пробовал. Но если попробовать...

Обиженные Саня с Валей ушли. Дома тоже все делали равнодушный вид, когда они рассказали о представлении. Наверное, все злились, что не были в цирке.

— Он змей глотал! — сказал Саня.

— Китайцы и лягушек едят, — строго сказал папа. — Все — дело привычки. А может быть, и голодный желудок — чего не с'ешь.

— Ну а подсвечник?

— И подсвечник тоже. Практика нужна, опыт. Ложись спать.

Запершись один в комнате, Саня стал думать о том, как бы ему стать иллюзионистом. Все говорят о практике, значит, и он может долгой практикой научиться глотать подсвечники?

Начать сразу с подсвечника он не решился, но для начала попробовал с'есть коробку спичек. Они не елись, и ничего не вышло. Саня лег спать.

Ночью он долго обижался за доктора и все представлял, что он сам Каррабелиус. Сначала он пустил в зал всех извозчиков. Потом отрезал всей публике головы и не хотел их приклеивать обратно. Его долго все просили и извинялись перед ним, тогда он, наконец, приклеил головы обратно и, поднявшись в воздух и покружившись еще над изумленными зрителями, улетел.

Под утро он увидал, что отец еще не спит, у него горит свет, и Саня сразу все понял. Он подошел к двери и сказал:

— Это нехорошо, я знаю: ты мне говоришь «Спи», а сам хочешь научиться есть подсвечники.

— Пошел спать! — закричал на него отец, очень рассердившись, что его разоблачил Саня.

А утром Саня и Валя уже ходили по улицам и строили всякие планы, как стать

Доктор снял шляпу и, посадив ее на палочку, принялся вертеть ее в воздухе.

вроде Каррабелиуса. И даже лучше. Вот, если бы им волшебную палочку!..

— Чего бы мы только на месте доктора ни сделали! — сказал Саня.

— Ну а чего, например? — спросил Валя.

— Ну вот зашли бы в кондитерскую, сказали бы: «Айн, цвай, драй» — и все пирожные очутились бы в этом чемодане.

— А продавец бы за нами.

— А мы бы ему отрезали голову.

— Из-за пирожного не стоит... И потом, нужно сначала класть продавца в ящик.

— А мы бы превратили его в курицу.

— Нет, наверное, доктор Каррабелиус не все может, — сказал Валя. — Пирожное вряд ли может.

— Нет может, и лимонад может!

Так споря, они сели в автобус, чтобы отправиться к реке купаться. И здесь, в автобусе, они вдруг увидели доктора Каррабелиуса.

Доктор о чем-то думал и был очень рассеян. Ребята умолкли и со страхом смотрели на иллюзиониста. Что же касается публики, то она делала вид, что не обращает на волшебника ровно никакого внимания.

— Вы мне наступили на ногу. Надо осторожнее! — сказал какой-то толстый мужчина доктору Каррабелиусу.

Ребята замерли.

— Сейчас он отрежет ему голову, — шепнул Валя.

Однако доктор просто извинился и, пробравшись к выходу, сошел на остановке. Ребята спрыгнули за ним. Доктор шел, по-прежнему задумавшись и ежась, как будто ему было холодно. Он зашел в продовольственный магазин и вышел оттуда с каким-то свертком. Ребята продолжали шагать за ним.

Так они вышли в поле. Здесь доктор снял шляпу и, посадив ее на палочку, принялся вертеть ее в воздухе.

— Волшебная палочка! — узнал Саня.

Тут доктор принялся петь песню, размахивать руками и вдруг остановился и закричал петухом.

Это ребят озадачило. Они перестали идти за доктором. Но доктор обернулся и увидел ребят. Он удивленно посмотрел на них, потом закрыл один глаз, открыл другой еще шире и заблеял:

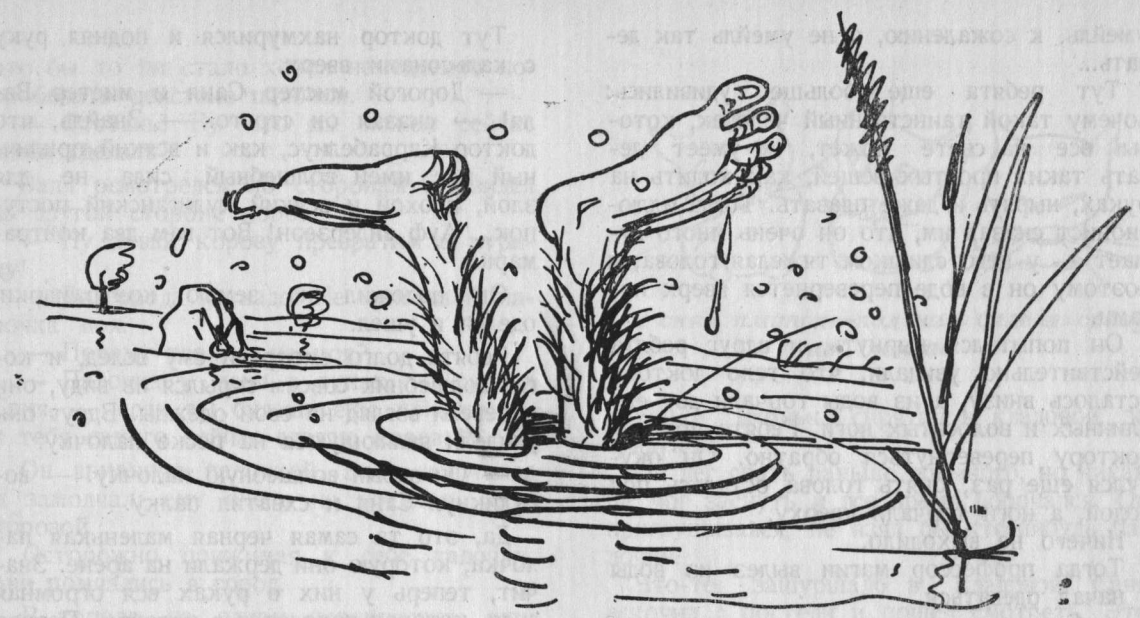
— Ме-е-е!

Это было так неожиданно, что ребята засмеялись. Доктор тоже улыбнулся и поманил их к себе пальцем. Саня храбро приблизился к нему и сказал:

— Мы знаем, кто вы. Вы доктор Каррабелиус, профессор индийской магии.

— Прафильно, — сказал доктор. — Я тоже знай, кто вы. Вы члены Лондонского королевского географического общества, мистер Клэб и леди Бубби.

Ребята стали помогать иллюзионисту, держа его за ноги.



Тело доктора осталось внизу, а из воды торчали его ноги.

— Нет, — сказал Саня.

— Нет? Простите, значит, я ошибайся. Я часто ошибайся. Я очшень близорукий и рассеянный человек... В таком случай вы, наверное, испанские торреадоры...

— Нет, мы Саня и Валя, те мальчики, которые держали палочку...

— Ах, те Саня и Валя! Я очень большой приятно. Вы извиняйль меня: у меня во весь мир такой много знакомий, что я путай и не узнавай... Так ви те Саня и Валя, идете купаться? Я тоже, очшень рад. Очшень!

Они зашагали вместе. Ребята исподтишка оглядывали доктора.

— Скажите, пожалуйста, — решился, наконец, спросить Саня. — Вы все можете?

— Да-а, конечно, — сказал доктор, нахмурив брови. — Все.

— И пирожные?.. — осмелился спросить Валя.

— Да, конечно. Пирожные тоже. Вот, например, смотрийль. Айн, цвай, драй.

Доктор взмахнул палочкой и вынул из-за уха у Вали пирожное. Он преподнес его ребятам. Потом, из-за пазухи у Сани он достал кусок ветчины и конфеты. Все стали есть, зашагав дальше.

— Ну, а ви что можете? — спросил доктор.

Ребята задумались.

— Мы можем перевертываться через голову, — сказал Саня.

— Через голова? Ой, это очшень интересно. Вы обязательно должны показайль!

Саня разбежался и перевернулся на траве через голову. Валя же принялся ходить на руках. Доктор был так доволен, что чуть было не лопнул от смеха.

— Ой, это очшень, очшень замечательно!! Я попробуй теперь это сделайль тоже.

Он снял пиджак и опустился на четвереньки. Попробовав стать на голову, он перевернулся на бок, и у него лопнули подтяжки. Доктор попробовал еще раз, но у него ничего не выходило. Тогда ребята стали помогать иллюзионисту, держа его за ноги.

Так, кувыркаясь и смеясь, они пришли к реке.

Доктор разделся и остался голым. Тут ребята удивились, до чего у голого доктора Каррабелиуса длинная, худая и смешная фигура. Он был тощ, как жердь, сутуловат и весь в рыжих пятнах, точно жирафа.

Подойдя к реке, профессор индийской магии осторожно попробовал ногой воду.

— Ой, я боялсь, вода очшень холодный, — сказал он. — Я совсем не умей плавайль. Я плавайль, как мой сапог.

— Нужно прыгать сразу! — закричали ему ребята и начали друг за другом прыгать с берега и нырять.

Доктор был очень доволен и гоготал, как гусь.

— Ой, хорошо ныряйль! — кричал он, хлопая себя по коленкам. — Но я не

умейль, к сожалению, я не умейль так делать...

Тут ребята еще больше удивились: почему такой таинственный человек, который все на свете может, не умеет делать таких простых вещей, как ходить на руках, нырять и даже плавать. Тогда иллюзионист сказал им, что он очень много думает — у него слишком тяжелая голова, и поэтому он в воде перевернется вверх ногами.

Он попытался нырнуть, и вдруг ребята действительно увидали, что тело доктора осталось внизу, а из воды торчали две его длинных и волосатых ноги. Ребята помогли доктору перевернуться обратно. Он окунулся еще раз; опять голова осталась под водой, а ноги торчали кверху.

Ничего не выходило.

Тогда профессор магии вылез из воды и начал одеваться.

— Скажите, доктор, — спросил, наконец, Саня. — Вы все, все можете?.. Почему же вы не заберете себе все, что хотите? Эх, вы, доктор... Вот я бы на вашем месте, например, с такой публикой, знаете, что сделал? Отрезал бы всем им голову, вот что!

Тут доктор нахмурился и поднял руку с кальсонами вверх.

— Дорогой мистер Саня и мистер Валя! — сказал он строго. — Знайль, что доктор Каррабелиус, как и всякий приличный маг, имей волшебный сила не для злой, плохой и всякий хулиганский поступок... Ауф видерзеэн! Вот вам два контрамарка.

Он положил на землю контрамарки, оделся и ушел.

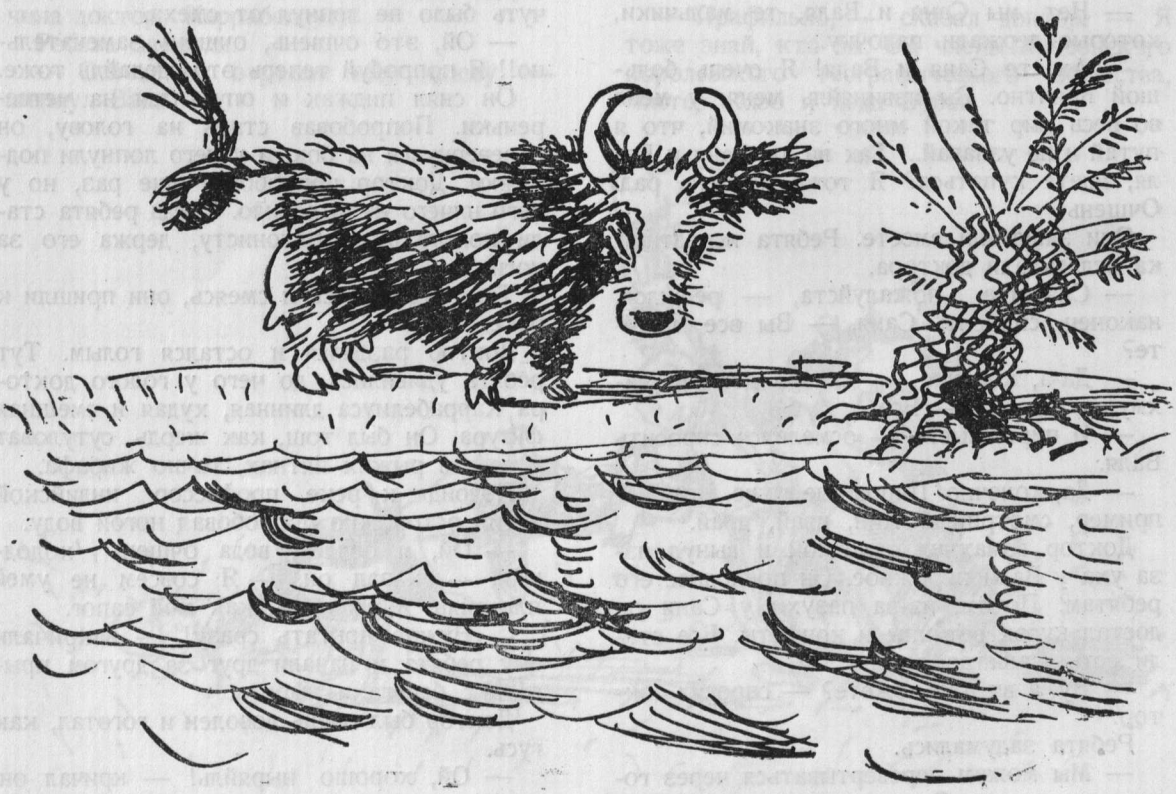
Ребята долго смотрели ему вслед, и когда волшебник совсем скрылся из виду, они перевели взгляд на свои одежды. Вдруг они увидели валяющуюся на песке палочку.

— Он забыл волшебную палочку! — воскликнул Саня и схватил палку.

Да, это та самая черная маленькая палочка, которую они держали на арене. Значит, теперь у них в руках вся огромная сила, которая находится в палочке! Первое время у ребят сперло дух от волнения.

— Ура! — закричал Саня и перевернулся через голову. — Теперь мы все можем! Я выправлю себе прежде всего отметки по математике!

Они быстро начали одеваться. Валя во



— Давай корову превратим в курицу!

что бы то ни стало хотел немедленно попробовать действие палочки.

— Отстань! Ну что мы можем сейчас здесь сделать?

Валя осмотрелся по сторонам и увидел на другой стороне коров.

— Ну давай корову превратим в курицу!

— До города не надо. Не приставай, палочка моя.

— Почему твоя, а не моя?

— Палочка у меня в руках, — сказал Саня, — если ты будешь еще приставать, я тебя самого сейчас сделаю коровой.

Он взмахнул палочкой. Валя испугался и замолчал: ему очень не хотелось быть коровой.

Осторожно прижимая к себе палочку, они помчались в город.

В городе, на одном перекрестке, они, наконец, остановились.

— Ну, на чем бы нам попробовать? — зашептал Саня. — Вон видишь того дворника. Пусть он станцует что-нибудь...

— Нет, лучше давай возьмем пирожных. Хотя бы парочку, — сказал Валя.

Саня уже взмахнул палочкой, но остановился.

— А как ты думаешь, хорошо пионерам брать пирожные волшебным способом? — спросил он.

— Нет, пожалуй, — согласился Валя, — это — воровство.

— Слушай, а тогда мы вот что скажем: «айн, цвай, драй», — и вместо пирожных там появятся деньги. Все будет честно.

— А почему ты знаешь, сколько нужно положить денег?

— Сбегай, узнай, почем пирожные.

Валя побежал через дорогу в кондитерскую, узнал цену и вернулся.

— По восемьдесят! — сказал он запыхавшись.

— Ну, есть. Держи кепку. Итак, я говорю... Два пирожных «Наполеон»...

— Трубочку, — шепнул Валя.

— ...Одно — «Наполеон», другое — трубочку, за рубль шестьдесят копеек, айн, цвай...

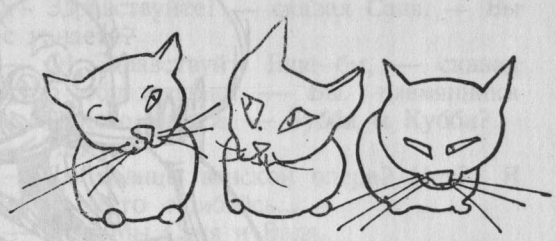
Ребята зажмурили глаза и присели.

— А вдруг не будет? — спросил Саня.

— Да, может быть, палочка тут вовсе не при чем, а все фокусы?

— Вот что. Давай лучше подождем. Завтра посмотрим, как он будет делать сеанс без палочки. Контрамарки у тебя?

Так они и решили. Палочку Саня принес домой и тихонько спрятал в кладовой, за сундуком.



Он снял платок—под ним сидели сразу три кошки.

Он лег спать раньше обычного, но никак не мог заснуть и все время ворочался. Он прислушивался, не взял бы кто-нибудь палочку.

Что-то зашуршало в кладовой. Саня вскочил с постели и пошел смотреть. Это была кошка.

«А что если кошка возьмет палочку? И захочет чего-нибудь себе такого? Хотя, правда, она не может сказать: «Айн, цвай, драй».

Но самому Сане не терпелось. Он несколько раз подходил к кладовой и, наконец, достал палочку.

«Попробую на кошке», — решил он и, достав платок, накрыл им кошку и взмахнул палочкой, — «айн, цвай, драй!».

Он снял платок — под ним сидели сразу три кошки. Саня удивился.

— Да ведь я ничего не сказал! Пусть сейчас будет будильник,—«айн, цвай, драй».

Он откинул платок — вместо кошек там лежали дамские ручные часики.

— Это потому, что я говорю шопотом.

Он сказал «айн, цвай, драй» погромче (хотя бы на карманные часы) и откинул платок — там сидела крыса и ела пирог с маком. Саня испугался, бросился в комнату и... проснулся. Было утро.

Саня пробрался в кладовую. Палочка была на месте.

Вечером Саня с Валей пришли в цирк...

...Доктор Каррабелиус вошел бледный и очень рассеянный. В руках у него была другая палочка, — белая и меньше первой. Она была, конечно, хуже, и поэтому сразу началась какая-то путаница.

Сначала у публики взяли десять предметов, а стали отдавать — оказалось четырнадцать.

Ящик с женщиной распилили. Когда же стали составлять, — голова не приклеилась, и женщина вышла из ящика без головы. Доктор этого не заметил, и женщина

Женщина вышла. — Не та голова!—закричала публика.

тоже не заметила, что она без головы, и начала убирать приборы. Тогда публика стала кричать, и доктор поспешил вернуть женщину в ящик и опять приставил к ней верхнюю часть.

— Айн, цвай, драй! — сказал он и махнул палочкой.

Женщина вышла.

— Не та голова! — закричала публика.

Доктор взглянул: голова у женщины была с усами и седой бородой клинушком.

— Что за историй! — развел руками доктор. — Я не знай, откуда взялся эта голова. Чей это голова?

— Это моя голова! — закричал какой-то мужчина в публике.

Он встал. Действительно на нем была голова помощницы доктора.

— Тут произошейль какой-то путаница! — сказал доктор. — Ничего, мы сейчас разберемся. Не нужно волновайсь, граждане. Пожалуйть, гражданин, на минутка в контора. Вы будет получайль свой голова обратно.

Публика много смеялась, а доктор увел помощницу и мужчину за кулисы.

— Видишь, эта палочка гораздо хуже,— сказал Сане Валя...

...На другой день доктор не выступал, на второй и третий — тоже. А на четвертый в городе появилось об'явление, что доктор Каррабелиус заболел и выступать не может. Саня и Валя три дня сидели дома, а потом встретились на улице.

— Он не заболел. Все дело тут в палочке, — сказал Саня.

— Ах, как не хорошо, что мы взяли эту палочку, — сказал Валя. — Что же он теперь будет без нее делать?

— Я думал о том же, — сознался Саня. — Я не хотел и трогать палочку все эти дни...

И им стало очень жалко доктора Каррабелиуса: ведь он теперь сидел дома и ничего не мог сделать. Он был очень неловкий и даже не умел нырять в воду.

Начали они думать, как бы вернуть доктору палочку. А тут весь пионерский отряд, в котором они состояли, тоже заговорил о болезни иллюзиониста, который всем ребятам так нравился. Всем было жалко доктора Каррабелиуса.

Тогда Саня и Валя решились пойти к доктору и рассказать все прямо.

Они пришли в цирк и отправились за кулисы. За кулисами они увидали деревянную лестницу. Они поднялись по ней и очутились в каком-то грязном и темном коридоре. Они толкнули первую дверь, и оттуда высунулась голова в синем колпаке; одна половина лица у нее была синей, а другая — желтой.

— Где тут живет доктор Каррабелиус?— робко спросили ребята.

— Гав-гав-гав! Вторая дверь налево— каррам-бам-бам! — закричала голова и показала язык.

Ребята удивились. Потом они постучались во вторую дверь налево и вошли.

Темная комната вся сплошь была заставлена такими странными предметами, что ребята сначала даже испугались. Тут стояли ящики на колесах, восковые фигуры, цилиндры, детская коляска, ведро и множество других предметов. Часы были похожи на барабан, стол висел на веревочке и к нему был приделан чемодан. На столе стояла стеклянная банка, и в ней лежал сапог.

Доктор Каррабелиус сидел посреди всего этого в кресле. Он был не во фраке, а в трех пальто и одном пледе. Кроме того на нем были повязаны два клетчатых шарфа. Волосы доктора были всклокочены. Он пил пиво из огромной кружки и смотрел куда-то сквозь ребят.

— Здравствуйте! — сказал Саня. — Вы нас узнаете?

— О! Здравствуйт. Еще бы, — сказал доктор обрадованно. — Вы племянники абиссинского негуса — Бубби и Кубби?

— Нет.

— Вы певицы венской опера? Нет?.. Я очшень часто ошибайсь...

— Нет. Мы Саня и Валя.

— Ах, Саня и Валя, которые умейль ныряйль! Как я очшень большой рад!.. Садитесь, пожалуйста, на диван.

Ребята хотели сесть на диван, но он вдруг разрезался пополам и раз'ехался на две части.

— Цыц! Назад! — сказал доктор дивану, и тот опять с'ехался. — Он больше не будет, садитесь.

Ребята сели, но тут из угла вдруг выкатилось кресло на середину комнаты и сказало человеческим голосом:

— Эне, бене, ки-ка-пу...

— Штеен, нихт шпрехен! — крикнул на него доктор, и оно ушло назад.

— Ну что ви скажейт мне хорошего, мой милый друзья?

— Доктор, — сказал Саня. — Мы очень хотели быть иллюзионистами...

— Иллюзионист?! — удивился доктор, потом засмеялся и откинулся на спинку кресла. — Иллюзионист?.. — повторил он еще раз.

Он покачал головой.

— Ах, милый, милый дети! Вы не знайт, что такое иллюзионист... Есть маленький сказка о человек, который выдумал себе волшебный царство и жил в нем, как крыс в золоченый клетка. «Все красиво, необыкновенний, пышный, даже сердце замирайт», — думал он... А потом вдруг посмотрейль и видит: все это ненастоящий, глупый: стен — ненастоящий, диван — фальшивый, солнце — картонный, смех — чужой... Да, да, дети, даже слез ненастоящий... Мне уже много год, и я не плакайль, и у меня нет на свете ни один друг. Вот, один друг... И он... Он тоже плакал ненастоящий...

Тут доктор взял восковую фигуру, надавил в ней кнопку, и фигура заплакала.

— Вот, милый дети... В конец жизнь этот человек посмотрейль и видит, что есть иллюзион, а настоящий жизнь не умеет. Смотрите: у него на окне стакан замерз с вода, на тарелка — большой пыль. И он не умеет ныряйль... Нет, дети, не надо быть иллюзионист. Лучше давайте я вам угостил яичница.

Доктор встал, зажег спиртовку и, взяв с полки цилиндр, начал бросать в него яйца одно за другим.

— У меня нет сковородка. Ну ничшего, ми будем жарить яичница в эта шляпа.

Он разбил яйца и помешал их в шляпе, потом посмотрел в нее — оказывается, шляпа была пустая.

— Ну вот, — развел доктор руками. — Даже мой предмет меня больше не слушайсь. Я не могу вас угостить яичница...

— Доктор, — начал Саня, — нам очень бы все-таки хотелось делать все, как вы...

— Дорогой дети, — прервал его доктор. — Я был весь свет. Я ездил Испания, Африка, Швеция, Англия, Португалия и такой маленький стран, который вы еще не знайт. Я видел столько человек, сколько у вас нет волос на голова... Я знал сотни наездник, фокусник, эквилибрист, гипнотизер, велосипедист, прыжок в сетка, прыжок без сетка, бой быков, укротитель львов, дрессировщик ящериц — и все они ходийль с понуренный голова. Я был на родина, и мне не биль кушаль, а на меня смотрели хмуро и зло... Я приехал ваша замечательная страна, и меня люди смотрейль, что делает глупость. Он делает иллюзиографин, когда нужен настоящий графин. Ваша страна нужен много хороший настоящий вещь, настоящий фабрик, настоящий парк... Вы должны мечтать был не иллюзионист, а летчик, ученый и капитан...

— Неправда! — закричали тут ребята в один голос со слезами на глазах. — Мы знаем, почему вы не выступаете. Вы потеряли палочку!

— Палочка? — удивился доктор. — Какой такой палочка?

Сеня тут вытащил из-за пазухи завернутую в бумату волшебную палочку. Ребята наперебой начали рассказывать доктору все, все: и как они взяли палочку, и как его жалели, и как все их товарищи жалеют доктора.

Тогда доктор схватил вдруг ребят и крепко прижал к себе.

— Дети! — сказал он. — Дорогой дети! Я был неправ. Я теперь знайль, для кого работу иллюзионист нужен. Смотрите на мой глаз: вот первый настоящий слез за сорок лет жизнь иллюзиониста... Ну, а теперь возьмите палочку, отвернулся и сказал «айн, цвай, драй».

Ребята отвернулись, взмахнули палочкой и, сказав «айн, цвай, драй», повернулись обратно. Доктор стоял во фраке. Он весело хлопнул в ладоши. Появилась его помощница.

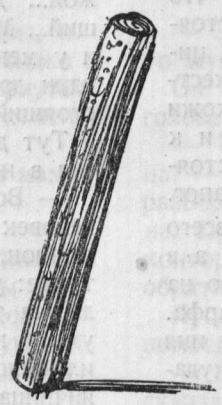
— Я совсем вовсе теперь здоровий, — сказал доктор.—Пошель делаль об'являйль, что я работайль, потому что палочка нашелся.

И на другой день по городу были расклеены большие афиши:

«ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА НАШЛАСЬ!

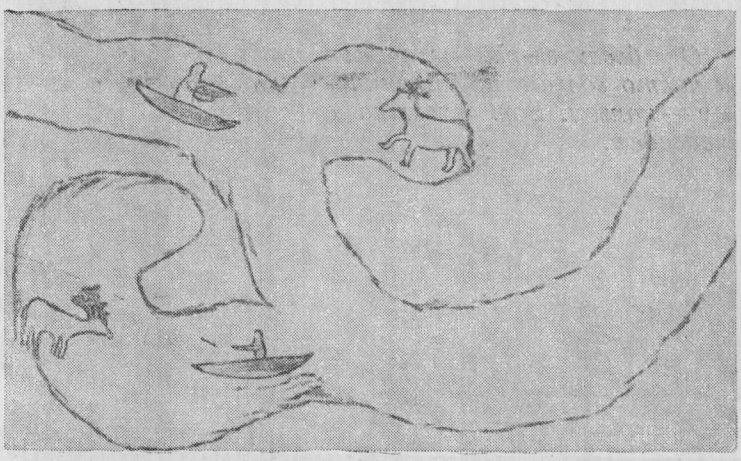
Доктор Каррабелиус возобновил работу и устраивает большое представление для пионеров и всех ребят города.

Волшебная палочка нашлась!».



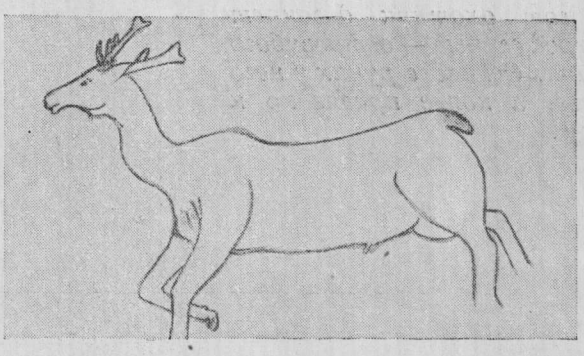
Охота в уссурийских лесах

Всеволод Лебедев

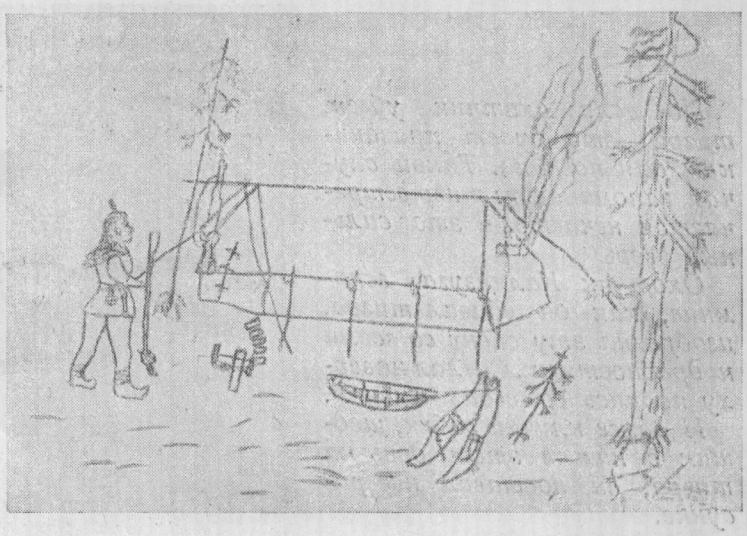


Эти рисунки сделали мне охотники в деревне Саюшхеза, в уссурийских лесах.

Они нарисовали свою реку Иман и озерки, куда в поисках соленой травы заходит олень-изюбрь. Охотники подплывают к зверю, бьют его с воды.

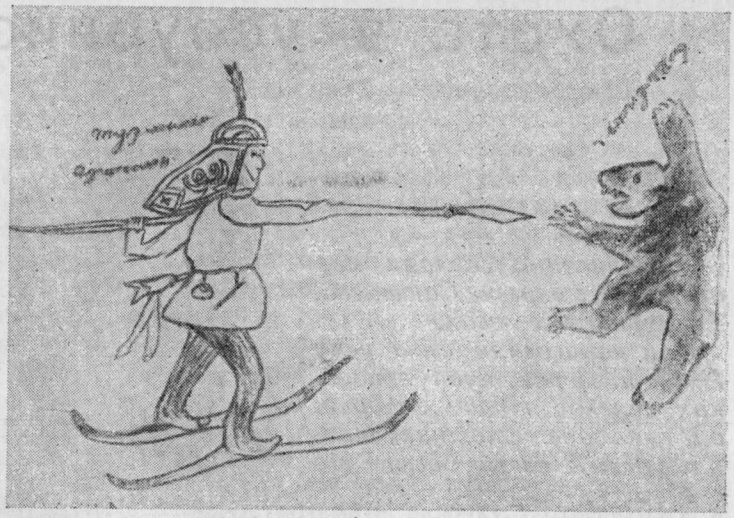


Вот легконогий изюбрь, из пантов (рогов) которого добываются целебные средства.

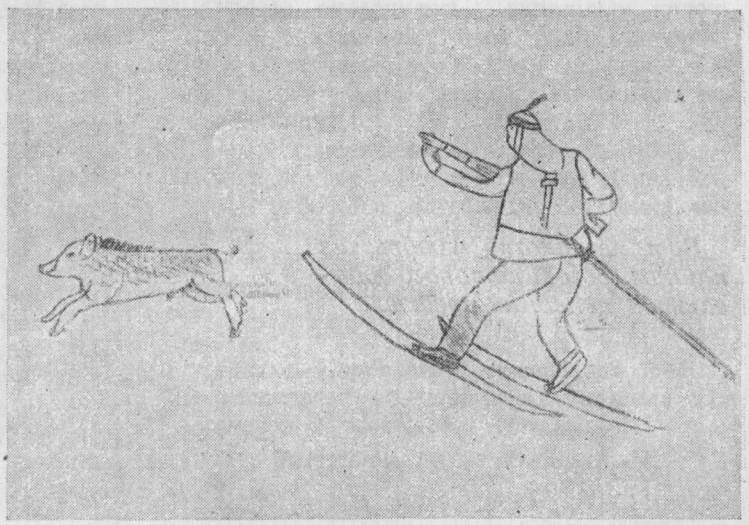


Зимой охотник меняет лодку на лыжи, на санки, которые тащат по тайге собаки. Он поставил в лесу палатку и побежит на лыжах.

Он бьет зверей из ружья и часто совсем по-старинному — копьем. Вот схватка с медведем.



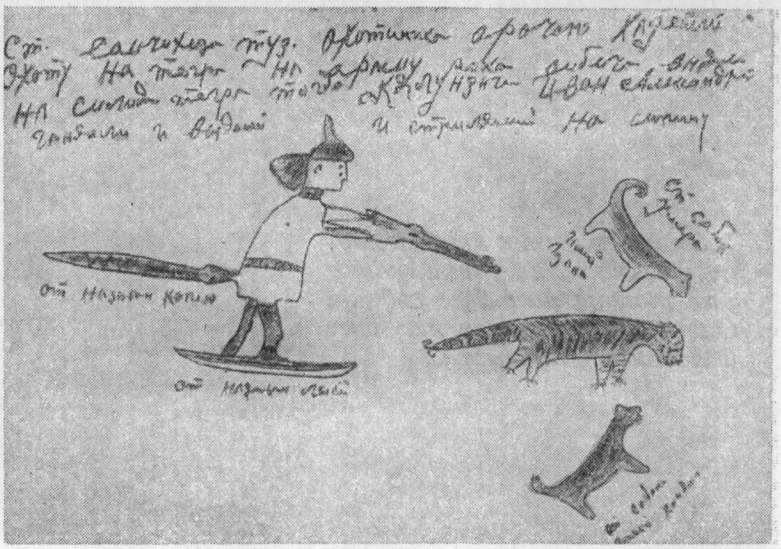
А вот охотник догоняет лесную свинью — острозубого кабана. Сейчас в руках у него ружье, а копье привязано к поясу.



Но если охотник убьет тигра,—это будет праздником для поселка. Такой случай запоминают: тигр встречается нечасто, и это сильный зверь.

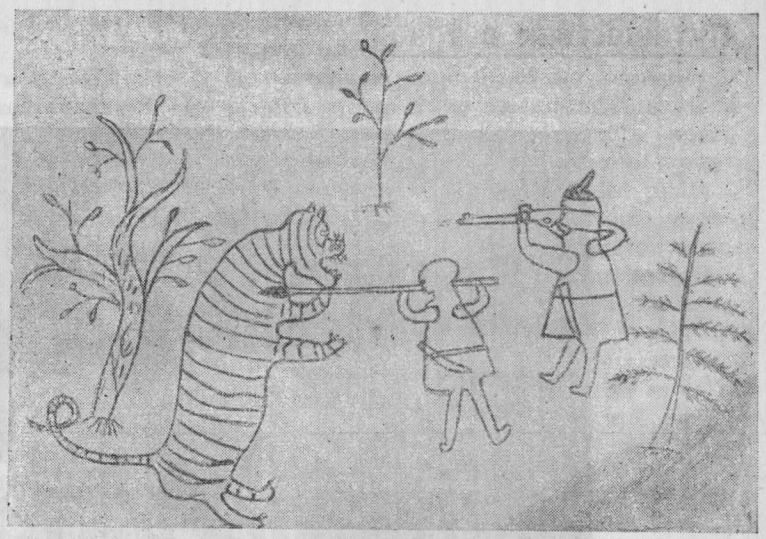
Охотник Калянзуга, вспомнив, как он убивал тигра, изобразил эту сцену со всеми подробностями. Сделал наверху подпись со своим именем.

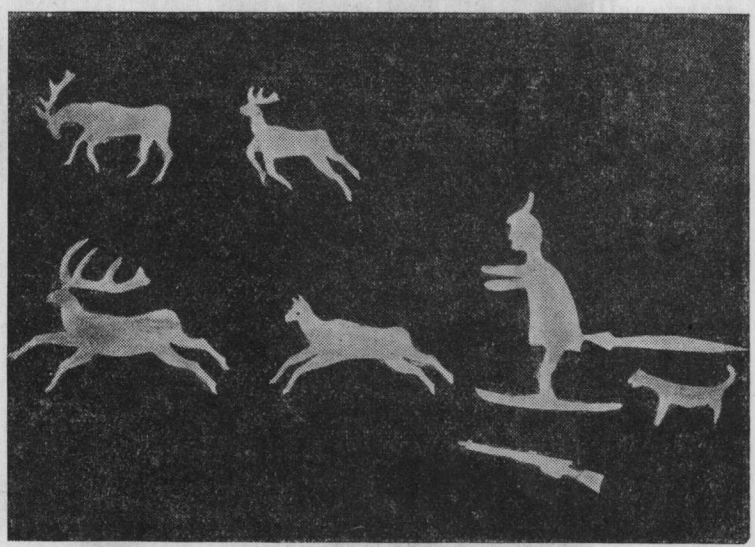
И даже клички собак, шедших с ним в этот день на тигра, он поставил на рисунке.



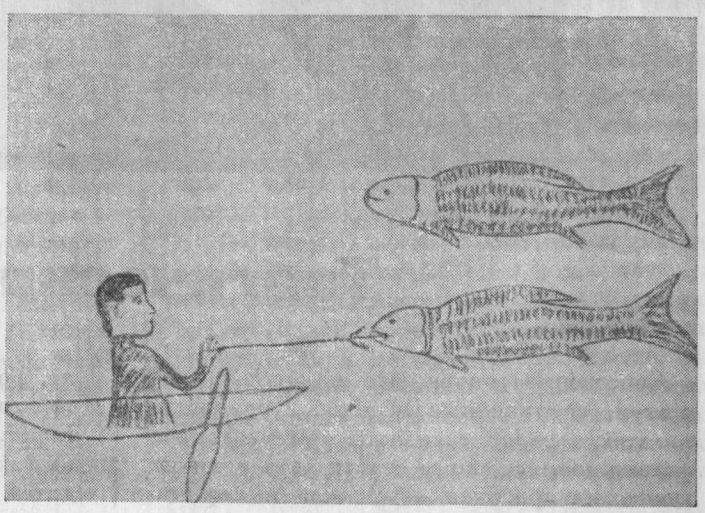
В прежние времена в Уссурийском крае люди боялись тигра, представляли его страшнее, чем он есть на самом деле, называли его „богом тайги".

Опытный охотник, несколько раз убивавший тигров, сделал этот рисунок. Видно, что он боится зверя. На рисунке тигр — зубастый великан, люди перед ним — маленькие куклы.





Так живут охотники на реке Имане, ходят по следам зверей ради пантов, дорогих мехов. О чем они постоянно думают, за чем охотятся, то и нарисовали.



Вот любитель рыбной ловли нарисовал себя и свою добычу.

Трагический поэт

Собственно говоря, это не одна, а две статуи, соединенные в одну. Произошло это так. Археологи нашли при раскопках сильно поврежденные статуи двух великих греческих трагиков — Эсхила и Еврипида. Тогда к телу Эсхила взамен его разбитой головы приставили уцелевшую голову Еврипида — и получилась одна статуя. Ее назвали «трагическим поэтом». Она находится в Ватиканском музее, в Риме, а ко-

пию ее можно увидеть в Москве, в Музее изобразительных искусств.

Оба великих поэта жили почти в одно время, две с половиной тысячи лет назад. Эсхил был старше Еврипида. В тот год, когда на острове Саламине родился Еврипид, Эсхил, взрослый воин, участвовал в великой битве греков с персами у этого острова.

В руках у статуи — свиток и маска. Свиток — это понятно: статуя изображает поэта. А маска? И это понятно: в греческом театре актеры играли в масках, и маска стала эмблемой театрального искусства. А Эсхил был не только поэтом-автором трагедий, но актером и постановщиком своих пьес, как это полагалось в его время.

Если бы современный зритель попал в греческий театр, все показалось бы ему невероятным и грандиозным.

Афинский театр Диониса вмещал около тридцати тысяч зрителей. Тридцать тысяч! Почти в пятнадцать раз больше чем Большой театр в Москве! Какое же это было колоссальное здание! Но никакого здания не было: театр устраивался прямо под открытым небом.

По склону холма афиняне вырезали ступени гигантской полукруглой лестницы. Эта лестница имела около ста ступеней — сто рядов деревянных (а впоследствии каменных) скамей, где размещались зрители.

У подножия этой лестницы лежала круглая, как нынешняя цирковая арена, площадка. Она называлась орхестрой и была предназначена для хора. Сценой греки называли закрытое помещение, где одевались актеры. Вначале это обычно была палатка. А играли они на возвышении перед сценой, на просцении.

Да можно ли увидеть и услышать актера с вершины холма, из шестидесятого или сотого ряда?

Гигантский театр требовал и актера-исполина.

На сцене актер, действительно, казался исполином: на ногах у актера были котурны, род обуви с высокой деревянной подставкой, туловище было обложено подушками; одежды шились из тяжелых роскошных тканей; голову скрывала большая маска, ярко раскрашенная, с резкими чертами лица и высокой прической. Чем важнее роль, которую исполнял актер, тем выше были его котурны, роскошней одежда и величественней маска. Такого актера-исполина видели все зрители, как бы далеко они ни сидели.

Но актера нужно было не только видеть: его нужно было слышать. Для этого были особые средства: актеры долго упражнялись, чтобы усилить свой голос; кроме того рот маски был сделан ввиде рупора. Но этого было мало. Греки так умело строили свои театры, что каждый звук долетал до скамей зрителей с полной силой. Но и этого было мало. Римский писатель Витрувий рассказывает, что в греческих театрах ставились ниши, где вешались металлические сосуды. От этого каждый звук, шедший из орхестры или просцения, становился нечеловечески звонким и мощным.

В греческом театре все было грандиозно.

В этом театре не было постоянной труппы и ежедневных спектаклей. Представления давались три раза в год. Каждую пьесу играли только один раз. Только в позднюю эпоху стали разрешать повторение лучших произведений старых поэтов.

Во время «Великих Дионисий» — весенних праздников в честь бога Диониса — представления продолжались три дня и длились от зари до зари. Зрители приходили в театр на целый день. Они приносили с собой коврики, подушки, чтобы получше устроиться на жестких скамьях, еду и вино.

В театр собирались все: от правителей, жрецов и военачальников до рабов, которые толпились в задних рядах, так как имели право смотреть трагедию только стоя. Особо прославленные граждане и правители занимали мраморные кресла в первом ряду, на которых были высечены их имена. По раскопкам мы и теперь знаем, где сидел, например, победитель персов, прославленный полководец Мильтиад.

Каждый день зрители выслушивали по четыре пьесы одного автора, а за три дня — двенадцать пьес трех лучших поэтов.

Кто из них лучше? Чьи пьесы больше волновали зрителей?

Это решали выбранные всеми гражданами судьи. Выборы происходили за несколько дней до праздников. Десять урн с табличками, на которых граждане писали имена кандидатов, оставались запечатанными до начала представлений. Самовольно распечатать эти урны и подтасовать

выборы считалось государственным преступлением.

Но, выбрав судей, зрители не отказывались от своего суждения: сколько криков и буйных требований неслось к креслам судей, когда мнения разделялись!

Глашатай об'являл решение, и победитель получал почетную награду — лавровый венок.

А потом мраморная доска, дидаскалия, увековечивала праздник, сообщая векам имена соперников-поэтов и названия их пьес.

Эта дошедшая до нас каменная летопись рассказывает нам о победах великих трагиков. Мы знаем, что Эсхил выступал со своими трагедиями двадцать раз и одержал тринадцать побед. Еврипид не был так счастлив. На его долю выпало пять побед, хотя и он написал немало трагедий.

Слава Эсхила не была превзойдена. Его по праву считают отцом греческой трагедии. Семь его трагедий дошли до нас. В течение двух с половиной тысяч лет поколение за поколением с восхищением читает его замечательную трагедию о Прометее. Эсхил рассказал в ней, как титан Прометей из жалости к людям похитил для них с неба священный огонь. Верховный бог Зевс покарал его за это, приговоздив к скале и приказав орлу терзать скованного титана. Но несмотря на все мучения Прометей не смирился.

Прометей был любимейшим героем Маркса, называвшего Эсхила одним из трех величайших поэтов мира.

И современники считали Эсхила своим великим поэтом. После его смерти они поставили в театре его статую, а его трагедии наградили посмертной славой. Особый закон разрешил выступать в дни «Великих Дионисий» с трагедиями Эсхила.

И после своей смерти Эсхил мог участвовать в соревновании поэтов и получать венок победителя.

□ □ □

Двойная маска

Представьте себе лицо, одна половина которого выражает одно настроение, другая — другое. Такой вид бывал у греческих актеров. Часто две стороны одной и той же маски имели разное выражение. Чтобы показать перемену настроения, актеру надо было лишь повернуться к зрителю другим боком.

Маски сначала делались из коры, затем из белого полотна. Эсхил первым начал их раскрашивать. Цвет маски стал условно передавать характер и настроение героя: здоровье и сила передавались смуглым цветом, гнев — багровым, хитрость — рыжим.

Очень смешными были комические маски с низким лбом, приплюснутым носом и ртом до ушей.

Трагический актер

Когда варвары впервые увидели греческого трагического актера, они в смятении повалились на землю и преклонились перед ним как перед некиим новым божеством.

На котурнах, в пышных длинных одеждах, в ярко раскрашенной маске и в парике, облик актера был действительно необычен! В таком наряде актер мог двигаться по сцене очень медленно. Если он падал — а это иногда случалось с неопытными актерами, не привыкшими к котурнам,— то подняться самостоятельно уже не мог.

Во время войны обычно посылали актеров в качестве парламентеров, потому что их личность была неприкосновенна: они считались священными людьми и пользовались большим уважением.

Наказанное море

Вот какой случай описывает древнегреческий историк Геродот в своей истории персидских войн.

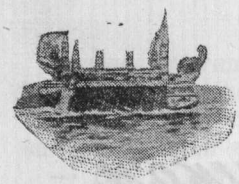
Когда войска персидского царя Ксеркса готовились к переправе из Азии в Европу, мосты, уже наведенные через Геллеспонт, сломала внезапно налетевшая буря. Ксеркс пришел в ярость и приказал палачам дать морю триста ударов кнутом, положить на него клеймо преступника и спустить в воду оковы, повторяя при этом:

«Тебя, горькая вода, казнит так владыка за то, что ты причинила ему обиду, не будучи обижена им. Царь Ксеркс переступит через тебя, желаешь ты этого или нет...»

Тем же палачам повелел он отрубить головы строителям моста.

Оба приказа были выполнены одновременно.

Морские гиганты



Крупнейший корабль древности двигался при помощи весел, но что это были за весла! Их было сорок и за каждым сидело несколько десятков человек. Всего на этом корабле было четыре тысячи гребцов. Кроме того на нем было три тысячи человек экипажа.

Этот корабль был выстроен по приказу египетского царя Птоломея Филадельфа.

Другой гигант был выстроен в Сиракузах. Всю механическую часть его оборудовал знаменитый механик Архимед, тот самый, который открыл закон о весе тел, погруженных в жидкость.

Так как плавание было небезопасно от пиратов, Архимед установил на корабле огромную катапульту — машину, выбрасывающую камни и копья.

Деревянные тетрадки

Греческие школьники всегда носили с собой в школу целую пачку дощечек. Это были их тетрадки. Тогда все писали на таких дощечках, потому что бумаги не было. Их покрывали слоем воска, а писали, — вернее, царапали — заостренной палочкой.

Греческий писатель Лукиан рассказывает, что в детстве он постоянно соскабливал воск со своих дощечек и лепил из него разные фигурки. За это ему частенько влетало от учителя.

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АТАХУАЛЬПЕ

повесть

(Продолжение)

Рис. В. Цельмера

Перевод с немецкого

В Атлантическом океане

Ачассо рассчитал правильно.

Через два часа «Кап Финистерре» так близко подошел к острову, что даже Клаус его увидел. Это был высокий серый, сливающийся с небом утес. Однако у Клауса не было времени его рассматривать. Второй штурман дал ему наполненный песком совок и положил сверху камень.

— Значит, ты лежал в канатном ящике, поросенок? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Скажите, какой принц! Лежит себе в канатном ящике и поглаживает брюхо! Ну, теперь эта великолепная жизнь кончилась. Теперь — драить!

И он захлопнул ящик с песком.

— Ну чего же ты стоишь и пялишь глаза? Отнеси песок на ют, засучи рукава, поплюй немного на руки и принимайся за дело.

У Клауса не было рукавов, которые можно было бы засучить, а плевать долго на руки он не собирался. Он хотел доказать, что может работать. Взяв совок с песком, он отправился в путь. Он, конечно, не нашел бы юта, но там стоял Мартин и кивал ему. Ютом называлась часть судна, на которой жили капитан и штурманы. Рядом с Мартином стояли еще два матроса. Один из них был голландец Яп, другой — Ганнес, мальчик из Гамбурга. Кроме них в этой вахте состоял еще один матрос, по имени Иоргенс. Сейчас он стоял у рулевого колеса. Яп, Ганнес и Клаус опустились на колени. Каждый взял в руки по камню и стал водить им взад и вперед по обшивке палу-

бы. Мартин посыпал ее песком. Чтобы драить, нужна еще вода. Но Клаус вскоре убедился, что о воде заботиться было нечего.

Так вот что такое драить! Если бы камень не был так велик — с кулак взрослого мужчины, — это было бы еще ничего. Сначала работа показалась Клаусу не очень тяжелой, но потом... Простоять четыре часа на коленях, согнувшись, и при этом еще тереть обшивку тяжелым камнем — это не так-то просто! Кроме того очень скоро выяснилось, что имел в виду капитан, говоря, что погода благоприятствует этой работе. С каждым порывом ветра на палубу обрушивалась волна и обдавала стоящих на коленях матросов. Все, кроме Клауса, были в морских сапогах и непромокаемой одежде, и Клаус непрерывно поглядывал на совок, не опустел ли он, не пошлют ли его за новым песком. Когда его руки совсем онемели, Мартин освободил его от этой работы и поручил ему посыпать палубу песком.

★

Ачассо спустился в кубрик и сел за стол. Напротив него сидели Линднес и оба финна. Четвертый из его вахты, швед, сидел на краю койки и снимал морские сапоги.

— Ну, с канатным ящиком покончено! — попробовал завязать разговор Ачассо.

Все молчали.

Ачассо посмотрел на всех по очереди.

Линднес — тертый калач! Это он сразу заметил, но двое других — еще молодые парни; их красные, обветренные лица добродушны, но маловыразительны. «Неплохо! — подумал Ачассо. — Надо только сойтись с ними поближе». Четвертый, швед, не мешал, по крайней мере, себя рассматривать.

Ачассо повернулся к нему и представился:

— Меня зовут Ачассо.

Но швед взглянул на финнов, молча взял в руки морской сапог и начал его разминать. Он так углубился в это занятие, что, казалось, забыл обо всем на свете.

«Парень-то не моложе Линднеса, а то и постарше, но он боится других!»,—решил Ачассо.

— На то, как тебя зовут, здесь всем наплевать! — ответил вместо шведа Линднес. — По-моему, канатный ящик не грязнее сточного жолоба.

— А что, с другим зайцем здесь, на борту, ты тоже так разговаривал? — спросил Ачассо.

— Это — совсем другое дело!

— Ну, конечно, другое. Ведь он «господин», а не моряк как я да ты.

Линднес промолчал, и Ачассо решил, что на этот раз довольно разговаривать. Он нашел свободную койку и, положив на нее куртку, пошел к канатному ящику за рогожами.

— Бродяга!—услышал он голос Линднеса.

Ачассо стиснул зубы. Когда он вернулся, его куртка лежала уже не на койке, а за дверью. Он положил рогожи на койку, вышел за курткой, а вернувшись, увидал рогожи на полу.

Ачассо молча положил их на место.

Линднес сказал, ни к кому не обращаясь:

— Тот, кто хочет получить койку, должен доложить об этом старосте.

Не обращая на него внимания, Ачассо разделся и лег. Но ни он, ни Линднес долго не могли заснуть.

Смена вахт произошла в полном молчании.

За ужином, перед вечерней вахтой, Линднес сказал:

— Порции уменьшились. И вполне понятно, почему!

Они поднялись на палубу и приняли вахту. Вахта Клауса спустилась в кубрик.

Клаус промок с ног до головы, а тяжелая работа и свежий воздух вызвали у него такой апетит, что он раньше всего набросился на еду. Мартин дал ему сухую рубашку и куртку для ночной вахты, а штурман сказал, что непромокаемую одежду и морские сапоги он получит из запасов капитана.

Поев и вытеревшись досуха, Клаус лег на койку Ачассо и мгновенно заснул крепким сном.

Когда к нему прикоснулась чья-то рука, ему показалось, что он только что заснул. Это был Ачассо:

— Вставай сынок, пора! Скоро пробьет восемь склянок.

Клаус вскочил. Он надел все, что имел, и сверху натянул еще новую, шуршащую непромокаемую куртку. Он едва успел влезть в морские сапоги, как пробило восемь склянок.

На палубе было совершенно темно. Клаус продвигался вперед вместе со своими товарищами по вахте, больше похожими во влажном тумане на привидения чем на людей. Они шли к фоку. Заглянув на мачту

и на путаницу свисающих с нее снастей, Клаус сомневался, что сможет в этом когда-нибудь разобраться. Но матросы даже в темноте сразу нашли нужные им концы. Они тянули изо всех сил. Покончив с этой работой, они перешли к гротмачте, а затем к мачте, поднимавшейся над каютой капитана. После этого можно было немножко отдохнуть. Ночью не драили. Только обслуживали паруса. Один из матросов стоял у рулевого колеса, другой был вахтенным на баке. Они менялись каждый час. Во время ночных вахт у каждого было по два свободных часа, и если в это время не надо было возиться с парусами, можно было поболтать друг с другом.

Когда кончилась вахта и Клаус с товарищами спустился вниз, уже светало. Небо еще сливалось с морем, но волны вокруг парусника уже светлели.

Три с половиной часа лежали они на койках. Потом был горячий завтрак. После завтрака снова мытье палубы. И так каждый день.

Клаусу повезло с назначением на вторую вахту.

Мартин был всегда приветлив, а Яп оказался веселым парнем и в свободное время часто играл на гармонике. Швед был очень замкнут и говорил совсем мало. Что касается Ганнеса, то в глубине души он был очень доволен присутствием на борту Клауса, потому что теперь он больше не был самым младшим.

Когда вахта выходила на палубу или кончала работу, второй штурман-наци приказывал матросам выстраиваться и командовал своему экипажу из четырех мужчин и одного мальчика: «Вольно!»

Но дальше этого военизация на корабле не шла, так как работу нельзя было отложить. Штурман ввел военный порядок с тех пор, как на борту появился господин Берендс.

— Это он нашептал ему! — сказал както Яп.

Этот Берендс вообще многое нашептывал второму штурману. Однажды, когда Клаус крикнул, как и все, «Light burn!» [1], штурман подошел к нему в сопровождении Берендса и сказал:

— Если я еще раз услышу от тебя это проклятое «Light burn», я тебе покажу! Ты немецкий мальчик и должен говорить это по-немецки. Понятно?

— Да, штурман.

— А когда ты отвечаешь, ты должен говорить «слушаю», а не это дурацкое «да». Понятно?

— Слушаю, штурман.

Второй штурман был удовлетворен, и Берендс, очевидно, тоже.

Парусник держал курс на юг.

Работы было так много, а экипаж настолько мал, что часто даже штурманы должны были помогать матросам. Только молодой г-н Берендс ничего не делал и праздно шатался по палубе.

Однажды Клауса позвали к рулевому колесу. Матросы об'яснили ему, как управлять кораблем. Клаус пришел в восторг. Он быстро научился справляться с компасом и курсом и впервые по-настоящему почувствовал, что идущий по морю корабль подчиняется человеческой воле.

★

Как-то ночью Клаус сменил у руля Ачассо. Небо было покрыто звездами, паруса и снасти казались серыми призраками, на реях и мачтах сверкали голубые огоньки. Недалеко от рулевого колеса стояли Берендс в белом костюме и оба штурмана. Когда Ачассо направился к кубрику, все трое посмотрели ему вслед.

— Ну и грубиян! — услышал Клаус голос Берендса. — Хоть бы раз поклонился!

— Он хороший моряк, — сказал первый штурман.

— Ну и что же из этого?

— А до остального нам дела нет.

— Это — не наше дело, — подтвердил второй штурман. — Как только мы станем на якорь, он получит хороший пинок в зад, и этим все кончится.

— У меня на этот счет другое мнение,— пробормотал Берендс.

— Счастливой вахты! — сказал первый штурман и спустился по трапу.

Клаус понял только, что говорили об Ачассо. Он следил за парусами и не слышал продолжения разговора.

— Чили — это страна, в которой наши всегда найдут убежище. Этого нельзя забывать, — сказал Берендс.

И, помолчав, добавил:

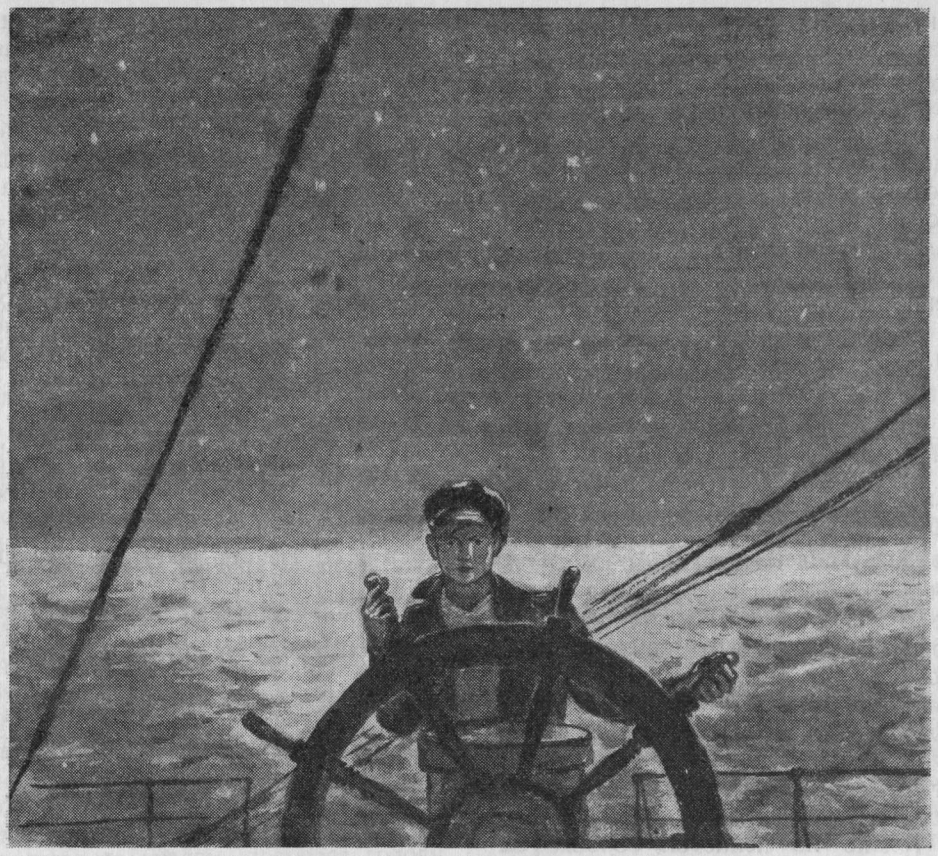
— Враги чилийской диктатуры — наши враги. А этот Ачассо... Уж поверьте, штурман, у меня нюх на этих людей.

— Охотно верю.

— Этим молодчикам я спуску не даю и не одного уже прикончил собственными руками. Что вы думаете, мне приятно было покинуть родину и плыть теперь на этом старом корыте?

---

[1] «Light burn!» — по-английски значит «Огни на море!».



Клаус вел корабль.

— Да, уж эти красные негодяи!

— С этих людей глаз нельзя спускать. Я уже разузнаю, что это за птица и что у него на уме. Кое-что я уже и теперь знаю.

Клаус вел корабль.

Была чудесная ночь. Он вел по серебряному морю корабль с голубыми мачтами и тихо плещущими голубыми парусами.

Внезапно около него раздался голос:

— Хорошо! Очень хорошо!

Это был второй штурман. Он наклонился над компасом, и свет маленькой лампы окрасил его лицо в красный цвет.

— Да ты, вижу, парень, молодец! — сказал он.

— Погоди, мы еще сделаем из тебя настоящего моряка! — подхватил Берендс и вдруг добавил другим тоном:

— А кто этот Ачассо? Как ты с ним познакомился?

— Я увидел его в кабачке.

— Что ему было от тебя нужно?

— Ничего. Он со мной даже не разговаривал.

— А что он вообще говорил?

Клаус молчал.

— Ну, что же он говорил?

— Я не знаю, ничего особенного.

— Но ведь что-нибудь он говорил?

— Да, что-то о стачке в Иквикве.

— Вот как! О стачке в Иквикве?

Берендс произнес это таким тоном, что Клаус еще более насторожился. «Но ведь о стачке можно говорить. Об этом каждый день пишут в газетах», — подумал он.

— Ведь ты немецкий мальчик, — сказал Берендс.

— Да, я из Берлина, — ответил Клаус.

— И ты, конечно, хочешь, чтобы в Германии наступил, наконец, порядок?

— Конечно,—неуверенно ответил Клаус.

— А этот Ачассо принадлежит к тем, кто нарушает порядок. Он хочет, чтобы все перевернулось вверх дном.

— Об этом он ничего не говорил.

— Еще бы! Эти заговорщики всегда помалкивают.

Допрос не понравился Клаусу — он отвернулся от Берендса и стал смотреть на ночные паруса, сильно заполоскавшие на подветренной стороне. Он повернул колесо.

— У парня что-то на уме, — сказал штурман. — И мы должны узнать, что именно.

Скоро Клауса сменили. Он хотел было рассказать Ачассо, что второй штурман и Берендс его в чем-то подозревают, но при смене вахт они не видались, а потом он и забыл об этом.

Становилось теплее.

Наступили сверкающие солнечные дни и звенящие голубые ночи. «Кап Финистерре» стоял прямо, а ветер туго натягивал паруса. Но это был теплый ветер, и даже ночью матросы, выходя на работу, надевали только тонкие рубашки и легкие брюки.

Вокруг все время одно и то же: вода и далекое небо. Движение корабля было заметно только по пенистой борозде за кормой днем и серебристой дорожке ночью.

С момента отплытия прошло только несколько недель, а впереди были многие месяцы. Предоставленные самим себе, матросы с каждым днем все больше чувствовали отсутствие другого общества.

Люди с вахты Клауса легче справлялись с пустотой, окружавшей их и грозившей их поглотить. Мартин прожил длинную жизнь, которая на многое не дала ему ответа, и, сидя на палубе, он погружался в размышления. У Япа была гармоника, развлекавшая его и других. Только Иоргенс становился с каждым днем все молчаливее и замкнутее. Для Клауса же все было ново и интересно: и блестящие дельфины, и стаи выскакивающих из воды летающих рыб, и даже вечно меняющиеся облака — все занимало его фантазию. Остальные не видели в море ничего, кроме вечного движения волн. Для Клауса это был великий путь, проделанный Колумбом, Васко-де-Гама и Магелланом.

★

Вахта Ачассо состояла из Линднеса, его земляков Кристера и Петера и шведа Свена Нильса. Придя с вахты, они садились ужинать. Порции были малы и пища скверная: главным образом испорченная солонина и сухари с червями. Ругали капитана и повара, но больше всех злились на Клауса и Ачассо, истреблявших часть общей провизии, не рассчитанной на два лишних рта. Так думал не только Линднес, а капитан охотно ссылался на это в ответ на справедливые жалобы команды. И это определило отношение матросов к Ачассо. В глазах товарищей по вахте, сидящих с урчащими желудками вокруг вылизанной миски, он был виновником их голода. Даже гнилое мясо ставилось ему в вину. Они забывали, что Ачассо облегчал им работу. А когда он указывал на полную кладовую, где хранились запасы продовольствия еще на несколько таких рейсов, на его слова не обращали внимания.

Ачассо решил добиться улучшения пищи. Но один он этого сделать не мог: нужно было, чтобы его поддержала вся команда. На Мартина и Япа он мог положиться. Он говорил также с Иоргенсом из другой вахты, и этот замкнутый швед открыл в виде исключения рот и сказал: «Идет». Даже его земляк Свен Нильс, молчаливый как рыба, считал, что надо предпринять что-нибудь. Но с другими людьми своей вахты Ачассо не мог договориться. Самым большим препятствием был Линднес. «То, что не удалось ему, старосте, не удастся никому другому», — сказал он, но сказал он это не Ачассо, а другим: с Ачассо он вообще не разговаривал.

— Одному — нет, но всем вместе удастся, — вмешался Ачассо и привел такой случай:

— Мы были в изгнании в одном ущелье на Огненной земле, недалеко от мыса Горн. Там было гораздо хуже чем здесь: каждый день умирало от голода несколько человек. Но иногда нам удавалось раздобыть себе овцу из стада соседнего помещика. Если бы кого-нибудь поймали, его бы застрелили, как собаку. Но все кончалось хорошо, потому что мы держались вместе и не выдавали друг друга.

— Да, но там были овечьи стада! — произнес Петер. Ачассо обрадовался, что получил хоть какой-нибудь ответ. Он попробовал поддержать разговор и сказал:

— Ну, вовсе не обязательно, чтобы здесь были овечьи стада. Мы можем придумать что-нибудь другое.

Но Петер больше ничего не хотел слушать. Он вскочил на койку, растянулся на ней и, как все, уставился в потолок.

Петер и его земляк Кристер не всегда были так молчаливы, и когда скука становилась мучительнее голода, у них развязывались языки.

Так было и сегодня.

Петер и Кристер лежали друг против друга на койках. Ачассо и Свен сидели за столом. Петер и Кристер вспоминали свои деревни и жалели, что покинули их для этого корабля, голода и бесконечного моря. Вдруг заговорил Свен, и это было так необыкновенно, что и Петер, и Кристер, и Линднес, лежащий на своей койке как тяжелая глыба, с трудом поверили своим ушам.

— И к чему мы потащились? — сказал Свен. — Ведь у каждого из нас — дом, у меня тоже. Дом как есть, с настоящей крышей. А под крышей жена... Да, жена, верно говорю... и девочка, Дагмар. Теперь уже она, наверное, выросла... И зачем люди уходят в море?

Вот какую длинную речь произнес Свен!

Все выслушали его с удивлением. Вот так штука! Значит, у него был дом, жена и девчонка! Может быть, даже лошадь и корова, и он все это бросил. Ну и дурак! Кристеру и Петеру это снова напомнило их собственное безрассудство.

Ачассо сидел за столом, подперев голову руками, и обдумывал, как бы ему встряхнуть матросов и заставить действовать сообща. Он вышел из кубрика, нашел место в тени и лег. Скоро пришел Свен и сел рядом. Он опять заговорил, во второй раз за этот час, и сказал:

— С ними ты ничего не поделаешь.

— Но мы же должны улучшить пищу! И мы сможем этого добиться. Надо только правильно взяться за дело, — ответил Ачассо и рассказал, как заставить капитана выдавать команде сносную пищу.

Нильс молча кивнул головой.

В кубрике Линднес слушал разговоры финнов, не произнося ни слова. Но когда они завернулись в одеяла и замолчали, а Кристер уже начал похрапывать, Линднес сказал:

— Кристер, Петер! Что говорило здесь это животное? Кажется, что мы должны воровать овец?

— Да, овец, — пробормотал Петер.

— Овец, — сонно подтвердил Кристер.

— Что он, смеется, что ли? Ну, я еще ему покажу!.. Не будь я староста!

С этими словами он повернулся к стене и заснул.

★

Как-то вечером обе вахты сидели под гротмачтой. Говорили о стране, куда направлялся парусник, и о землетрясениях, которые там часто бывают.

— Иногда там бывает по два землетрясения в неделю. Когда ты проходишь близко от берега, у тебя трясутся колени, а толстяк дон Хозе привязывает все бутылки с водкой, чтобы они не опрокинулись, когда земля закачается.

Мартин серьезно сказал:

— Я думаю, что все западное побережье еще раз провалится в море.

Ачассо знал другие вещи, сотрясающие эту страну.

— Владельцы военных заводов, кажется, тоже думают, что селитренные рудники недолго просуществуют. Они так торопятся разбогатеть! Янки, англичане, немцы... Но главным образом янки. Они дали нашему фашистскому диктатору несколько миллионов бумажных песо, чтобы выкачать из страны еще больше золотых долларов. Янки немало заработали на нашей «национальной революции». Но безработные, с которыми диктатор Ибаньес делал революцию, до сих пор не имеют работы. А рабочие с рудников не в состоянии прожить на свой заработок. Они защищаются, бастуют, они борются, как львы, и их убивают, как львов. Здесь пятьдесят убитых, там сто, а там и двести, так уже несколько лет. То же самое было в Иквикве...

Ачассо задумался.

— А что было в Иквикве? — внезапно спросил Петер.

И Клаус вспомнил о своем разговоре с Берендсом, о котором он еще не успел рассказать Ачассо.

— Да, в Иквикве было восстание, — сказал Ачассо. — Там стреляли и брали пленных, как на настоящей войне. Взяли тысячу рабочих... Их привели в порт на военное судно. Эту тысячу разделили на две партии по пятьсот человек, и каждую партию окружили железными цепями. Что они переживали при этом? И что чувствовали матросы? Молодые, ничего не соображавшие, они боялись военного суда и действовали под угрозой револьверов. Вся тысяча погибла в море. Тысяча бастовавших рабочих с рудников!

Под гротмачтой стало очень тихо.

Молчание Ачассо было еще значительнее его слов, и несмотря на тропическую ночь, дрожь охватила не только одного Клауса.

— Тысяча рабочих убита, — сказал Ачассо после короткой паузы. — Но тот, кто это сделал, жив и сделал себе карьеру. Тогда он был членом военного совета Иквиквы. Кто он теперь и что с ним, я не знаю, но его лицо и имя я никогда не забуду. Его зовут Саведра, Артуро Саведра.

— Рабочие не были организованы, — сказал Мартин.

— Это верно, — подтвердил Ачассо.

Линднес вообще не любил, когда говорил Ачассо. Теперь же наступившая после его слов тишина ему совсем не понравилась.

— Что это значит — организованы? — вдруг спросил он.

— Здесь, на борту, это тоже было бы нелишним, — ответил Ачассо.

— Здесь, на борту, этого совсем не нужно. Здесь, на борту, имеется староста, чорт меня побери!

— А какая от него польза?

— Да я работал, чорт возьми! И работал больше, чем полагается, потому что на борт явились две свиньи, которые здесь никому ненужны. Я-то ведь понимаю, почему так малы стали порции!

— Стали? — сказал Ачассо. — Лучше бы ты понял, что они и были малы. И что мы едим тухлое мясо, а вчера в сухарях были черви!

— Я это и без тебя знаю!

— Почему же ты не пойдешь к капитану и не скажешь ему?

— Мне еще о твоей жратве заботиться, что ли?

— Я сам о себе позабочусь. Но раз ты староста и считаешь, что при тебе никакой организации не надо...

— Ветер стихает, — сказал Мартин, стараясь отвлечь разговор от опасной темы.

Корабль находился на шесть градусов севернее экватора, и ночь была душная. Края вздымающихся волн сверкали, мачты, брассы и длинные поручни были облиты сиянием.

Подошел штурман.

— К фоку! — крикнул он. Матросы поднялись. Уходя Линднес сказал Ачассо:

— Я еще покажу тебе, что такое староста!

Под экватором

Наступил день.

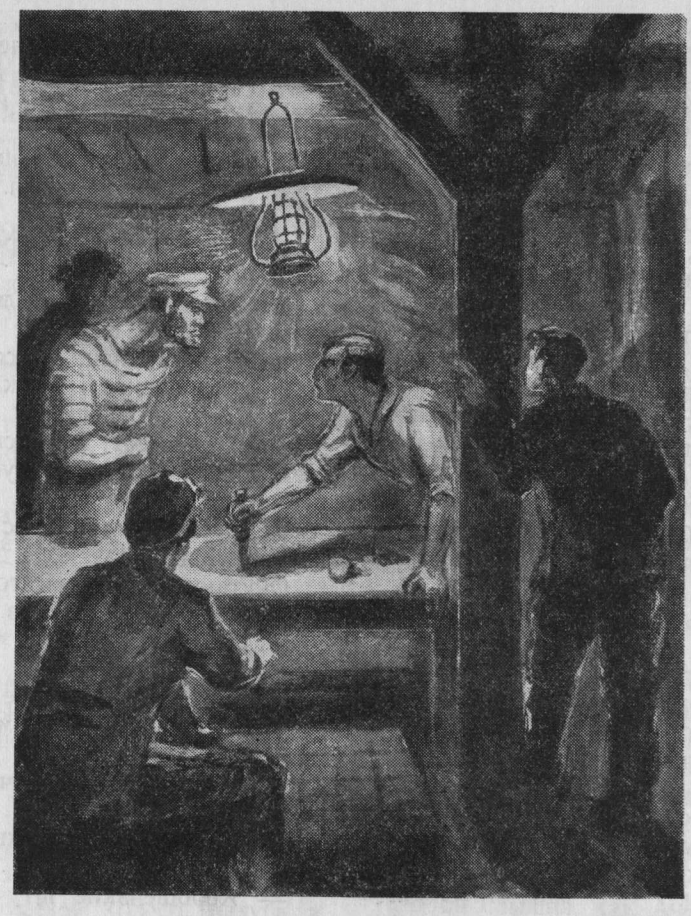
Совершенно спокойное серо-голубое море походило на расплавленное олово. Корабль не слушался руля и медленно поворачивался на месте. Паруса повисли.

Небо опустилось. Облака, в течение многих недель заволакивавшие горизонт, превратились в далекое, дымящееся марево.

Уже на следующий день это марево закипело.

Медленно надвигавшиеся тучи внезапно разорвались, и на корабль хлынули потоки дождя. Внезапно все изменилось. Кругом вздымались тяжелые волны; они без конца меняли свою форму, распадались, вырастали в гигантские башни и рушились в кипящее море. Иногда порыв ветра натягивал паруса, и тогда корабль рвался вперед как лошадь под ударом бича, потом паруса снова повисали и «Кап Финистерре», весящий вместе с грузом 30 000 центнеров, двигался по инерции в этом клокочущем котле.

Порывы ветра следовали один за другим в разных направлениях, все время надо было менять паруса и команда работала в полумраке не покладая рук. Надо было



Он выхватил из-за пояса нож, воткнул его в стол.
— Я староста!

пройти пятьсот миль. При пассате этот путь был бы сделан в три дня, но при такой погоде прошло восемь суток, и все еще не предвиделось конца. Иногда наступало затишье, паруса безжизненно повисали, и корабль не двигался с места.

Во время такого затишья произошло столкновение Ачассо и Линднеса. Со времени ночного разговора под гротматчой Линднес не произнес ни слова. И вдруг он снова заговорил.

Они вернулись с вахты насквозь промокшие. Сидя за столом, они дымились, как куча мокрого платья, развешенная над огнем. Обед был нес'едобен. Никто до него не дотронулся. Ганнес придвинул матросам сухари и маргарин. Но маргарин расплылся в жестяной банке, а сухари отсырели.

— Разрази меня бог! — заревел Линднес.—Ты опять оставил сухари на воздухе! — набросился он на Ганнеса.

— Они были в шкафу, — ответил Ганнес.

— Что? Ты еще разговариваешь, мразь этакая!

— Сухари были в шкафу, а я не мразь,— защищался Ганнес.

Это было слишком! Линднес вскочил и, перегнувшись через стол, надел банку с маргарином Ганнесу на голову.

Ачассо помог мальчику высвободить голову из банки.

— Он не мразь, — сказал он. — И сухари действительно были в шкафу. Кроме того это не дает права...

Перед глазами Линднеса поплыли огненные круги.

— Кто тут смеет разговаривать? Кто смеет разевать здесь свою пасть, кто староста на борту, хочу я знать?—заревел он.

Ачассо знал, как раз навсегда ответить на этот вопрос, и он решился.

— Я староста,—сказал он.

Линднес открыл рот и с изумлением уставился на него. Он был ошеломлен. Сначала он думал, что ослышался.

Но черноволосый дьявол знал старые морские обычаи. Он выхватил из-за пояса нож, воткнул его в стол, и Линднес снова услышал эти жесткие два слова: «Я староста».

Нож, воткнутый в стол, был традиционным знаком протеста против власти старосты. Линднес видел, с какой огромной силой Ачассо натягивал тросы. Дело становилось серьезным! Надо держаться морских обычаев. Перед ним был выбор: или молча принять заявление Ачассо и этим признать нового старосту или бороться за свой авторитет. И он решил бороться. Выхватив нож, он тоже воткнул его в стол и принял вызов.

Линднес снова вытащил нож из стола и замахнулся им, но Ачассо успел схватить его за руку и вывернуть ее назад. Нож выпал. Борьба продолжалась без оружия, а это было невыгодно Линднесу.

На палубу выкатился клубок сплетенных мускулов. Скоро бойцы встали на ноги. Ачассо удалось высвободить правую руку, и он нанес Линднесу оглушительный удар.

— Ты видел?—крикнул Яп.—Вот это класс, чорт побери!

С юта спустился второй штурман. Он закурил трубку и остановился полюбоваться. «Неплохо, если Линднес прикончит это животное»,—подумал он. Подошел и Берендс. Этот молодой человек, имеющий на совести несколько убийств, иронически усмехался. «Так теперь не дерутся, это старомодно,—думал он.—Сброд! Пусть уничтожат друг друга!»

Удары сыпались на лицо, руки, плечи, грудь... Одежда дерущихся превратилась в лохмотья. По лицу Ачассо текла кровь, она заливала ему глаза и мешала видеть. Грудь и голова Линднеса тоже были окровавлены.

Вокруг стояла команда. Клаус и Мартин дрожали за Ачассо, Яп больше не отпускал замечаний, Кристер и Петер были мрачны.

Ачассо вырос на диких берегах Риобио и обладал почти звериными инстинктами. Он видел сквозь застилавшую его глаза кровавую завесу прыжки своего противника и наносил ему сокрушительные удары. Он видел также второго штурмана и Берендса, удобно усевшихся на край люка. Это наполнило его новым бешенством и придало твердую решимость победить. Берендс, капитан, команда, большие ящики в трюме (о них он тоже не забыл)—сколько неразрешенных вопросов на корабле! Линднес стоит на его пути, и Линднес должен быть побежден.

Но эта кровь, заливающая глаза! Моментами он ничего не видел. Он закрыл голову руками.

— Кто староста?—заревел Линднес.

— Я!

Возгласы команды были заглушены глухими ударами, которые наносил Ачассо Линднесу. Наконец, Ачассо удалось обхватить противника. Тропики пришли ему на помощь: еще раньше он слышал в воздухе какой-то шелест; пронесшийся над кораблем шквал обдал все густой пылью; внезапно обрушившийся на палубу тропический ливень смыл кровь с глаз Ачассо, и он увидел Линднеса.

Окутанные клубами горячих испарений, стояли они по колени в воде, и дождевая завеса была так густа, что штурман, Берендс и другие видели только отдельные части их сплетенных тел.

Бой кончился в густом тумане. Он окутал обоих противников. Наконец, к ногам штурмана упало человеческое тело. Это было тело Линднеса.

Штурман прозевал шквал и был поэтому не в духе.

— Хорошенькие штучки!—сказал он, вынимая изо рта трубку.—Ломаете ребра друг другу! Вставай, свинья, сдох ты, что ли?

Линднес медленно приходил в себя. Кристер и Петер помогли ему подняться и сойти в кубрик. Он хромал. Штурман мрачно посмотрел ему вслед. Разбитая грудь и лицо—это пустяки, это не мешает работать, но поврежденная нога—дело серьезное! Он подошел к двери кубрика и крикнул:

— Я запишу все это в судовой журнал! Вам это дорого обойдется!

Потом он приказал Клаусу:

— Возьми ведро воды и метлу и убери эту мерзость!

Ачассо тоже спустился в кубрик и окатился водой. Потом он обследовал свое единственное имущество: штаны и рубашку. Рубашка годилась только на перевязки, но для этого ее надо было раньше выстирать.

Едва он приступил к работе, как появился Петер и принес свою чистую рубашку. Он разорвал ее на полосы и забинтовал голову Ачассо. В этом не было ничего удивительного: Кристер, и Свен, и

всякий другой на корабле тоже сделали бы это. И не из сочувствия к Ачассо, а потому что он был теперь старостой.

Ачассо это понял, и его голова заработала. Итак, теперь начинается борьба сначала за лучшую пищу и другие скудные права команды, а потом и дальше. А главное — эти ящики в трюме № 1!

Надо начать этой же ночью.

Ачассо лег на койку. Его окутали горячие испарения тропиков, проникшие даже в кубрик, наверху равномерно шумел дождь, и Ачассо сразу заснул.

В шесть часов его позвали к капитану. После первого столкновения капитан не сказал ему ни слова, но теперь он на него набросился:

— Что это значит? Вы лишний рот на борту и осмеливаетесь калечить моих лучших людей!

Ачассо ответил:

— Очень жаль, капитан, но иначе был бы искалечен я.

— Все это занесено в судовой журнал и станет известным морскому суду.

— Это — ваше дело, капитан. У нас есть свое дело.

— У кого это «у нас?»

— У команды.

— Что у вас общего с командой?

— Что общего? Вахта, капитан, весла, паруса, снасти, рулевое колесо, палуба и вся работа на корабле.

— Придержите язык!

— И кроме того, капитан, с сегодняшнего дня я староста и представляю интересы команды.

Капитан остолбенел. Потом разразился проклятиями.

Ачассо не шевельнулся.

— Вон! — закричал капитан.

— Дело касается корабля, капитан, и рейса, быстрого рейса. Вы понимаете, капитан?

— Что, что касается корабля?

— Я говорю от имени команды. И команда требует приличной пищи. Солонина протухла, в сухарях черви, маргарин не годится для еды.

— Вон!

— Завтра мы получим другое мясо к обеду, а сегодня надо дать другие сухари и что-нибудь вместо обеда. Я сейчас пришлю мальчика. Мы не можем работать с пустыми желудками.

— Вон!

— Как хотите, капитан, я все сказал.

Ачассо вернулся в кубрик и послал Ганнеса за едой.

Линднес лежал с закрытыми глазами.

— Что сказал старик? — спросили Кристер и Петер.

Забежал Мартин и задал тот же вопрос. Ачассо ответил:

— Ничего, но мы еще увидим!

И они увидели...

Ганнес вернулся с теми же сухарями, что обычно, только их было в два раза меньше.

— Остальное — в воде, — сказал он.— Старик позвал «второго», и тот так толкнул меня, что я отлетел к гротмачте.

— Так скоро дело не делается, — сказал Ачассо. — Но мы добьемся своего, это я вам обещаю. А сейчас мы обсудим, что нам предпринять.

Они пошли на бак: Ачассо, Петер, Кристер и Свен, а из другой вахты прибежали на несколько минут Мартин и Яп. Клаус и Ганнес взяли на себя роль дозорных.

Линднес остался один. Он был избит и расстроен, а теперь появилось еще одно мучительное чувство: там они обсуждают что-то, что касается корабля и команды, а он выброшен из их среды, он один! Линднес бессильно сжал кулаки. Услышав, что они возвращаются, он вытянулся на койке и закрыл глаза: он никого не хотел видеть. Но он слышал, как Ачассо сказал: «Понимаешь, Мартин? На нашей вахте все будет в порядке. Мы должны одолеть».

Когда наступило время смены вахт и все поднялись наверх, Линднес, у которого голова болела больше от мыслей чем от последствий драки, не захотел оставаться один и поковылял за всеми.

В штилевой полосе основной работой на паруснике являются брассовка рей и натягивание шкотов. Натягивание парусных шкотов производится ручным путем, а брассы, толстенные проволочные канаты, спускаются при помощи барабанов.

Матросы встали на бакборт и начали вертеть барабаны. Но дело не двигалось. Линднес старался изо всех сил. Может быть, делу мешал легкий ветерок? Однако и позже дело не пошло на лад.

Матросы у барабанов, казалось, работали изо всех сил, и Линднес так старался, что у него трещали ребра, но реи оставались на месте. Сильный порыв ветра освежил разгоряченные головы, но ветер скользнул мимо корабля, и паруса не шелохнулись. Это повторилось еще раз, и на этот раз было еще хуже, потому что па-

руса легли на стеньгу. Это означало, что если корабль движется, то движется назад.

— Что с вами, чорт побери? Можно подумать, что у брассов стоит пансион благородных девиц! — закричал штурман и сам бросился к барабанам. Он вертел изо всех сил. Остальные тоже сгибались под тяжестью работы, а Ганнес, казалось, так старался, что чуть не получил грыжу. Но все оставалось попрежнему. Наконец, Линднес понял, в чем дело. «Посмотрим, к чему это приведет!» — подумал он, но промолчал и перестал надрываться.

Когда штурман вернулся в свою каюту, на нем не было ни одного сухого места. Но если за эту вахту было потеряно много миль, то результат следующей вахты оказался еще плачевнее.

Во время этой вахты Линднес оставался лежать на койке. Он поднялся только, когда все вернулись и сели за стол. Он чувствовал себя слабым, как новорожденный ягненок, и, чтобы не упасть, должен был держаться за стены. Увидев, что Ганнес принес обычный завтрак, до которого никто не дотронулся, он, махнув рукой, заполз обратно на койку.

Через час его разбудили.

Ганнес протягивал ему миску.

— Что это? — спросил Линднес, хотя отлично видел чудесно зажаренный кусок мяса с яичницей.

— Капитанский завтрак, — сказал Ганнес.

— Как? Капитанский?

— Ну да, стащили... ешь скорее!

— Вот оно что... Ну и ловкач же ты!

У Линднеса давно не было во рту ничего подобного. Это была как раз подходящая для больного пища, и в следующую вахту он снова поковылял за всеми.

Наверху все было попрежнему: люди трудились, а результатов не было.

Капитан стоял в рубке, наклонившись над вахтенным журналом, в котором отмечались пройденные мили. Люди внизу пели, как обычно во время работы, но это были другие песни. Вместо того чтобы петь:

«Тяни-потягивай за Горн!
Тяни-потягивай за водку!» —

они пели:

«Тяни-потягивай, чтоб тухлой
нам солонины не видать!»

А Яп сочинил даже стихи о жарком и яйцах, исчезающих в капитанской каюте.

В одну из ночей, когда на мгновение вспыхнули звезды и капитан определил по ним местонахождение судна, он побледнел. «Кап Финистерре» не двигался с места: он превратился в беспомощную щепку на волнах. И капитан должен был уступить. В сущности, он пришел к тому, о чем говорил Ачассо несколько дней назад на баке: время дороже бочки солонины.

Он позвал кока.

— Надо накормить этих животных, — сказал капитан. Кок, деливший с капитаном экономию от провизии, был потрясен не меньше его.

— За борт что ли выбросить целую бочку с мясом? — с сокрушением спросил он.

Но это было преждевременно, и старик не согласился.

— Это все равно, что выбросить в океан деньги, — ответил он и, повернувшись к первому штурману, добавил: — Все это на то время, пока мы не выйдем из штилевой полосы. А там я закую парня в железо!

Команда получила хорошую пищу и в достаточном количестве. Линднесу пища тоже понравилась; правда, он испытывал при этом легкую досаду, но сухари без червей и хорошая солонина все-таки лучше, чем те же продукты, три раза обошедшие вокруг света. Он стал поправляться. Стоя ночью с Ганнесом на палубе, он похлопал его по плечу и сказал:

— Помнишь тот завтрак? Это ты ловко придумал!

Ганнес покраснел.

— Это вовсе не я, — пробормотал он.

— Не ты? А кто же?

— Ачассо!

— Кто-о?

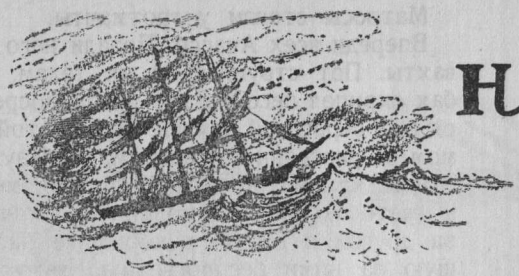
— Он всунул тряпку в трубу камбуза, а когда труба задымила и кок вылез посмотреть, в чем дело, он стащил мясо.

— Вот сатана! Я бы выплюнул завтрак, если бы знал. Почему ты не сказал мне сразу?

— Я обещал молчать об этом.

— Ну и сатана! Ну и сатана! Разрази меня бог! — повторил Линднес и казался очень сердитым.

Парусник быстро шел вперед, и ливни становились слабее. Скоро солнце прорвало тучи, и просветы в них делались с каждым днем все шире.



Несчастье с Мартином

«Кап Финистерре» прошел экватор, и над ним простиралось звездное небо с Тельцом, Девой, Орионом и Сириусом.

Звезды, казалось, почти касались корабельных мачт. С каждой ночью они незаметно отставали от судна и приближались к горизонту.

На палубе оставались еще некоторые срочные работы. Кроме того надо было подготовиться к обходу мыса Горн. Потом капитан сведет счеты с Ачассо: он прикажет выдавать прежнюю пищу, и тогда уже найдется повод для решительных действий.

И однажды, вечером, на столе кубрика снова появилось мясо из старой бочки, только за это время оно стало еще хуже. И Линднес, которому испорченное мясо ударило в нос, как и всем остальным, заявил, что на этот раз надо показать капитану!

До еды никто не дотронулся.

На следующий день половина еды тоже была выброшена в море. Но на палубе не раздавалось песен о тухлой солонине: равномерный ветер так крепко натягивал паруса, что они не нуждались в прикосновении человеческой руки.

Все ждали, что скажет Ачассо. Он ломал себе голову, но ничего не мог придумать.

— В прошлый раз мы победили потому, что держались друг за друга, — сказал он. — Но это не всегда удается. Бывают случаи, когда должна об'единиться не только одна команда, но и все вообще моряки.

— И для этого они должны организоваться в союз, — сказал Яп.

— Да, иначе ничего не выйдет, — подтвердил Мартин.

— Да, только организованно можем мы бороться за лучшую еду и лучшие условия.

— Но этот мерзавец! — сказал Линднес, имея в виду капитана. — Нет, разрази меня бог, надо ему показать!

С этим все были согласны, но никто не знал, как это сделать.

Между тем на корабле готовилось что-то новое. Мартин, не только матрос, но и корабельный плотник, получил приказание отгородить маленькое помещение на баке.

Мартин понимал, для чего это понадобилось, поэтому работа подвигалась очень медленно. И все-таки наступил день, когда она была закончена.

Было душное утро.

Линднес и Ачассо сидели на фордеке и чинили парус. Около них расположился Клаус, а немного поодаль — Мартин и Яп.

Капитан прохаживался по мостику, и его трубка дымила, как пароходная труба.

Вдруг на палубе появился второй штурман. Словно прогуливаясь, подошел он к перегородке, осмотрел ее, как будто видел впервые, и попробовал крепость двери.

— Гм! — сказал Линднес и взглянул на Ачассо. Со времени драки он еще ни разу к нему не обращался.

Из-за отгороженного места донесся какой-то звон.

Штурман продевал сквозь железное кольцо цепь с парой наручников. Ачассо видел, как двигались челюсти Линднеса: он жевал табак.

— Это наручники, — сказал Ачассо.

— Наручники, — подтвердил Линднес.

Это были первые слова, которыми они обменялись.

— Послушай, — сказал он. — Надо что-то предпринять.

— Это трудно, — ответил Ачассо. — Надо действовать обдуманно.

— И решительно, — добавил Линднес.

Пробило шесть склянок. Линднесу нужно было идти к рулевому колесу. У него голова шла кругом от противоречивых мыслей.

Ачассо остался один. Он хотел хорошенько обдумать положение, но мысли ли-

хорадочно мелькали в голове. «Предоставим все случаю», — решил он и взглянул на море.

Вдруг он выпрямился и всмотрелся пристальнее. Потом повернулся к мостику, ища глазами капитана. Тот стоял у поручней и смотрел в том же направлении. Клаус не заметил ничего особенного: он видел только дрожащий горизонт. Он не заметил, что море меняло свой цвет, а к кораблю приближалась дымчатая завеса.

— Знаешь что, сынок, — сказал Ачассо, не отрывая взгляда от моря. — Ты ведь мечтал о тайфуне или памперо. Тайфунов здесь не бывает, вряд ли это и памперо. Скорее всего это торнадо.

Торнадо надвигался. Ачассо знал, что если сейчас применить такой же прием, каким воспользовались во время штиля, паруса разлетятся в клочья, стеньги, мачты, реи рухнут, и «Кап Финистерре» вряд ли уцелеет.

— Аврал! — крикнул капитан.

У Ачассо от волнения кружилась голова. Команда собралась вокруг него и ждала его слова. Капитан заметил движение на палубе и внезапно понял, в чем дело. Он вздрогнул. «Застрелить собаку!» — молнией пронеслось у него в голове. Но увидев, что к Ачассо приближается даже Линднес, он побледнел.

Но Ачассо сказал команде:

— Прежде всего мы моряки.

Так думали все, и в этот момент это чувство было сильнее возмущения против начальства. Они моряки и должны спасать свой корабль.

— Когда с этим будет покончено, мы с ними поговорим, — обещал Ачассо.

Этого было достаточно. Голод, карцер, наручники — все было забыто, и матросы кинулись к своим местам.

Знойный тропический день быстро угасал, небо сначала вспыхнуло огнем, потом поблекло и потеряло все краски.

Солнце походило на погасший корабельный фонарь, и скоро наступила такая тьма, что штурман налетел на работающих матросов, не заметив их. Он держал руки рупором у рта и ревел свои приказания в ухо первому попавшемуся. Сила взбунтовавшегося воздуха была так велика, что с корнем вырывала толстые деревья где-то на далеком берегу. В воздухе проносились облака развеянной земли, куски расщепленного дерева и тучи беспомощных птиц. Все это неслось сотни миль с бешеной быстротой.

Матросы стояли у гротмачты.

Впереди всех Ачассо. Позади него — обе вахты. Пот струился по их телам, на зубах скрипел песок. Этот песок посреди моря был береговой землей, размолотой штормом и развеянной ветром. Обезумевшие птицы, как вихри серых хлопьев, метались в свете молний. А молнии сверкали одна за другой и делали еще чернее наступающую за ними беспросветную тьму. И корабль с оглохшими и ослепшими людьми треща вздымался на гигантские горы. Когда же он падал в бездну, на палубе его закипало море, и он вместе с людьми исчезал в белой пене, из которой поднимались три трепещущие мачты...

★

Один из огромных валов, обрушившийся на палубу, принес несчастье.

Шкот оторвался, и быстро укрепить его не удалось. Ухватившийся за него Ачассо был поднят в воздух; а за ним и другие. Они висели, как темная гроздь винограда, и один за другим падали обратно на палубу. Большой парус вырвался на свободу и через секунду был разорван в клочья. Его прикрепленные к реям концы носились по воздуху и хлопая издавали звук пушечного выстрела. На одном из этих концов болтался железный блок весом в четверть центнера. Клаус собирался подняться наверх, чтобы помочь другим закрепить концы паруса. Он чувствовал, как мимо него пронесся конец с блоком, и ему послышался глухой удар.

В кромешной тьме все взобрались наверх. Закрепив остатки паруса и конец с блоком, они спустились на палубу. Не хватало только старого Мартина. После долгих поисков его нашли под защитной сеткой: блок задел его и опрокинул, а волна унесла дальше. Мартина отнесли в кубрик. Его побледневшее лицо было разбито; грудь посинела и вспухла.

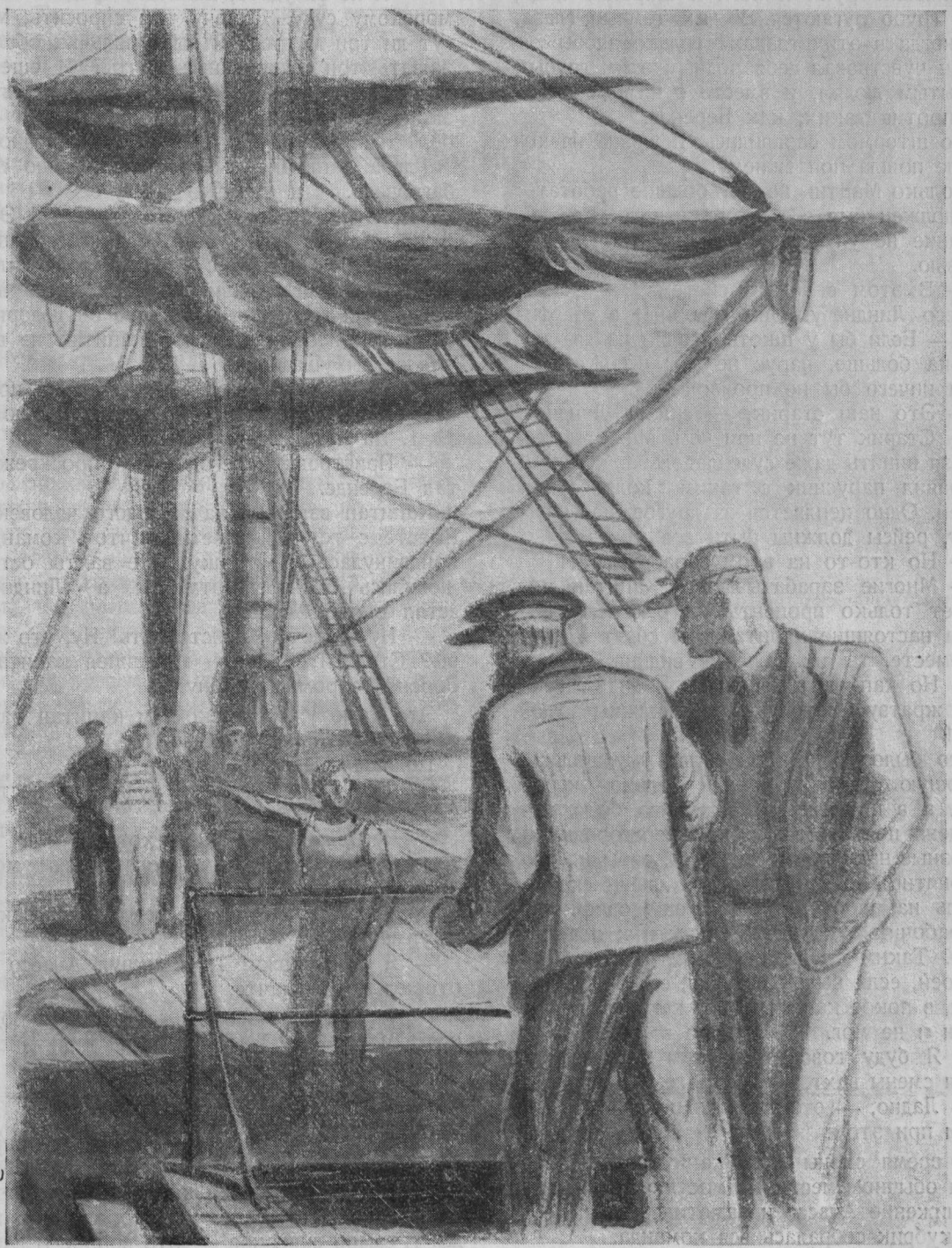
— Он еще дышит, — сказал кто-то.

— Мы оставим около него Клауса, — предложил Ачассо.

Штурман согласился, и все, кроме Клауса, поднялись наверх.

Клаус стоял около Мартина и думал:

«Вот лежит, вытянувшись на койке, старый Мартин. А вот и его мокрая одежда висит рядом. Как будто его вытащили из воды. Он лысый, у него серые угасшие



— Мартин на вашей совести, капитан!

глаза. А Кристер и Петер? Хоть они и уцелели, но такие же растерзанные. У них неуклюжие руки и ноги и широкие лица, они грубо ругаются. У них темные глаза, и иногда в этих глазах столько злобы».

Он чувствовал себя родным этим грубым немытым людям, и вместе с ними боролся он против таких, как Берендс.

Со штормом справились, и жизнь на корабле пошла по-прежнему.

Только Мартин не мог больше работать: он должен был все время лежать. Его состояние не улучшилось, иногда он харкал кровью.

— В этом виновата система, — сказал Ачассо Линднесу. Они говорили о Мартине. — Если бы у шкота стояло на два человека больше, парус не мог бы вырваться и ничего бы не произошло.

— Это наш старик, — сказал Линднес.

— Старик тут не при чем. Может быть, нельзя винить даже судовладельца, который отправил парусник с таким количеством людей. Одно цепляется за другое, цены падают, рейсы должны быть все дешевле.

— Но кто-то на этом зарабатывает!

— Многие зарабатывают. Капитан получает только проценты за быстрые рейсы, а настоящие капиталисты сидят в другом месте, ты их даже не видишь.

— Но капитана мы видим и видим тухлую жратву, которую мы должны глотать!

Это было верно. Еда снова ухудшилась. Хорошую солонину давали только через день, а в промежутках команда была вынуждена поститься. Но про перегородку и железные наручники, казалось, забыли. Это и понятно: болезнь Мартина очень сказывалась на работе, и убыль еще одной пары рабочих рук могла привести к катастрофе. Таким образом, Ачассо мог быть спокоен, если бы он оставил, со своей стороны, в покое капитана. Но как раз этого-то он и не мог.

— Я буду говорить с ним сегодня, во время смены вахт, — сказал он.

— Ладно, — ответил Линднес. — Мы все будем при этом.

Во время смены вахт капитан стоял на своем обычном месте, на мостике. Он видел приближение Ачассо и заметил, что у входа в кубрик собралась вся команда.

Ачассо остановился около мостика и громко крикнул:

— Мартин, который там в кубрике харкает кровью, на вашей совести, капитан!

Капитан остолбенел и от бешенства не мог произнести ни слова. Поэтому Ачассо продолжал:

— И не забудьте, капитан, предать меня морскому суду. Я хочу там спросить, могут ли три матроса и один мальчик обслуживать три оснащенные мачты? И еще я хочу узнать, имеет ли капитан право так экономить на еде, что вся пища летит за борт и вахта выходит на работу голодной?

Глаза капитана выкатились, а лицо побагровело.

«Пристрелить собаку! Пристрелить! Это будет им хорошим уроком!» — пронеслось в голове. Но рядом с Ачассо стоял сильный, как медведь, Линднес. А Ачассо все продолжал говорить, и то, что он говорил, было так необычайно, что капитан не верил своим ушам.

— Господам членам морского суда придется заинтересоваться и грузом в трюме № 1. На него ведь нет никаких бумаг.

— Пристрелить негодяя! — проскрежетал Берендс.

Капитан взглянул на молодого человека. Вместе с тем он заметил, что команда придвинулась к мостику. Обе вахты остановились около гротмачты, а Линднес встал около Ачассо.

— Ну, конечно, пристрелить! Ну, что же вы? Стреляйте же! — прошипел капитан. Берендс скромно улыбнулся.

Это было уже слишком, и капитан разразился потоком проклятий.

Подошел первый штурман.

— Так мы не доведем судно до места, капитан, — сказал он.

— Чего же вы от меня хотите?

— Я хочу дать вам совет. Это мой долг.

— Уберите к чорту этого человека, штурман!

— Я сам ухожу! — крикнул Ачассо и отошел к гротмачте.

Вдруг Линднес подошел к мостику и поднялся по трапу. Он стоял перед капитаном и штурманом с фуражкой в руке.

— Чего вам надо?

— Еды для команды!

Капитан беспомощно взглянул на первого, потом на второго штурмана. Он боялся, что морской суд, когда дело коснется продовольствия, примет сторону команды. А самое скверное — это вопрос о грузе. Это строжайший секрет, а негодяй кричал об этом в присутствии всей команды.

— Подлая собака! — крикнул он Ачассо. — Если ты еще раз покажешься на судне...

— Вы можете сами обслуживать вашу тротмачту. Ведь я только пассажир на борту!

— Ты останешься при своей вахте! — вмешался первый штурман.

— Я тоже думаю, что так будет лучше. Но в таком случае еще одно слово,— Ачассо повысил голос. — Через торнадо мы провели ваш корабль с пустыми желудками, капитан. Но я не уверен, что это удастся и у мыса Горн!

Капитан был близок к удару. Язык окончательно отказался ему служить. Он устало повернулся и шатаясь пошел в свою каюту.

— Проклятый пес... приблудная собака! — бормотал он.

Когда он допивал третий стакан грога, приготовленный ему коком, дверь распахнулась, и в ней появился Берендс, а за ним первый штурман.

Уж этот Берендс! Это он и те, кто за его спиной, вовлекли его в эту грязную историю. Он с самого начала не хотел брать этот груз, но они предложили за него двойную цену и взяли на себя его погрузку в трюм, как будто бы без его ведома. Он считался багажом пассажира, который, собственно говоря, тоже не имел права находиться на корабле. Такие истории ему совсем не нравились, но деньги— всегда деньги! Из-за этих денег он злоупотребил доверием судовладельца и пошел на риск. Он заслужил эти деньги! Но неужели ему придется до конца рейса терпеть общество этого подозрительного молодчика?

— Я хочу вам кое-что предложить, капитан, — сказал Берендс.

— Я ничего не желаю знать!

— Тогда я приду в другое время.

— У меня не будет свободного времени. Понимаете?

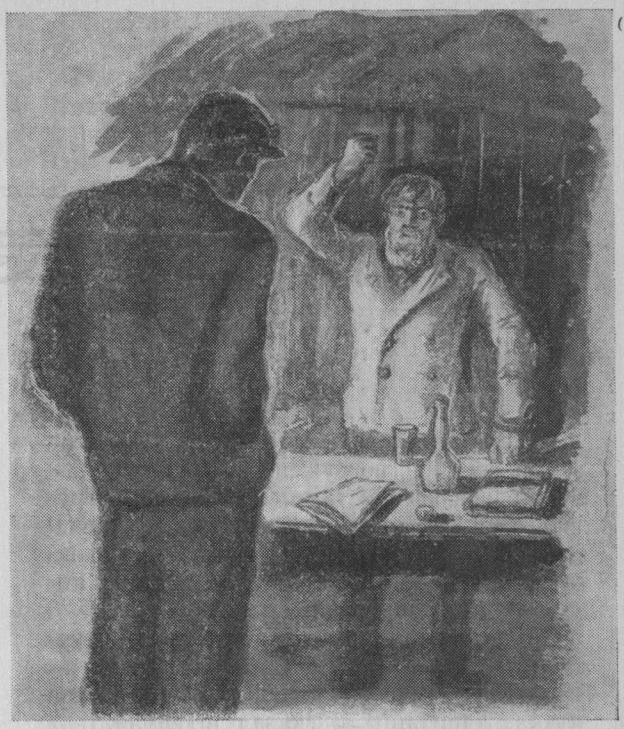
— Так точно, господин капитан. Но как только пожелаете, я сейчас же представлю вам свой план.

— Подите к чорту!

Берендс исчез.

Капитан и штурман остались одни.

— Через несколько недель мы подойдем к мысу Горн, капитан, — сказал штурман.



— Подите к чорту!—крикнул капитан.

Капитан подозрительно на него посмотрел.

— Мартин больше не встанет, и вряд ли мы довезем его до западного побережья, — продолжал штурман. — Команда ослабела, и мне кажется, что надо немного улучшить пищу, капитан.

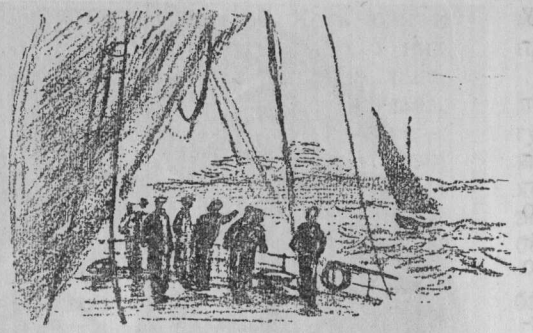
Капитан угрюмо молчал.

— Я хорошо запомнил штилевую полосу, капитан, — тихо сказал штурман.

Капитан ударил кулаком по столу и зарычал:

— Дайте этим животным столько жратвы, чтобы они лопнули! Мой старый «Кап Финистерре» — все равно уже не корабль, а ночлежка для сброда и свиной хлев!

Таким образом, вопрос о продовольствии оказался в руках первого штурмана.



Мыс штормов

У капитана была более важная забота.

Тайный груз, погруженный в Гамбурге на его корабль фашистами, он должен выгрузить без всяких формальностей на западном побережье, где была фашистская диктатура. Теперь этот груз стал в руках команды опасным оружием.

Он заговорил об этом с первым штурманом.

— Тут замешана политика. Это опасная штука, капитан! — сказал штурман.

— Опасная штука, мне тоже кажется.

Они стояли рядом на мостике. Капитан посмотрел в синюю даль и опустил глаза на высоко вздымавшуюся пенящуюся борозду, оставляемую кораблем.

«Кап Финистерре» летел вперед. На всех парусах несся он по Атлантическому океану. Свежий ветер вздувал паруса, а быстрое течение увлекало на юг.

— Что говорит обо всем этом «второй»? — снова заговорил капитан. — Каково его мнение на счет наци в Германии?

— Он уверяет, что они будут у власти раньше, чем мы вернемся.

— В самом деле?

— Это политика, капитан. Мы, старые моряки, мало в ней смыслим. Но если это так, то, кроме прекрасного заработка, вы получите, вероятно, орден.

Капитан задумчиво прогуливался по мостику. Внизу, на палубе, расположились свободные от вахты матросы и готовились к обходу мыса Горн: они смазывали морские сапоги и приводили в порядок непромокаемую одежду.

— Старик плохо выглядит, — сказал кто-то. — Его изводит, что он каждый день должен кормить нас как следует.

— Да он, чего доброго, околеет с горя!

— Во всяком случае, мы показали ему зубы, — вставил Линднес.— Когда мы будем в Атахуальпе, — добавил он, повернувшись к Ачассо, — мы завернем вместе к толстяку дону Хозе и пропустим по рюмочке.

Капитан снова подошел к штурману.

— А если они не будут у власти, штурман?

— Тогда дело — дрянь, капитан.

— А чего, собственно, хотят эти наци?

— Ну, «второй», например, хочет скорее стать капитаном и уверяет, что это дело в шляпе. Он считает тоже, что кстати была бы война. А Берендс, вы сами знаете, хочет возродить немецкий народ. Он говорит, что в Чили только маленький опыт, а по-настоящему все это произойдет в Германии.

— Да, но груз для этого опыта — на моей шее!

На палубе тоже зашел разговор об этом грузе. Заговорили о порте Атахуальпа.

— Ну и свинья же этот Слимми! — сказал Линднес, вспомнив одного вербовщика матросов. — Раз он устроил меня на одно старое корыто и забрал мой матросский мешок со всеми вещами. Это, говорит, за стол и помещение. А я все время спал на берегу! Если мы встретим этого негодяя в Атахуальпе, я ему это припомню! Он заслуживает хорошей трепки. Как ты думаешь, Ачассо?

— В Атахуальпе ее многие заслуживают.

— Да, рыжая Милли тоже немногим лучше, но она все же дает раз в день горячую пищу и, кроме того, соломенный тюфяк на ночь.

— Слимми и Милли — еще не самые большие негодяи в Атахуальпе, там есть и почище...

— Ты говоришь о префекте полиции? Он заодно с Слимми.

— Ну да, и этот — это уже птица покрупнее.

— Ты ведь его знаешь?

— Его-то как раз нет. Да все они одинаковы!

— Да нет, ты его знаешь! Ты как-то говорил о нем.

— О ком?

— О Саведра.

— Как?! Саведра?!

Линднес не подозревал, какую бурю он вызвал в Ачассо упоминанием о Саведра: Артуро Саведра, бывший член военного суда Иквиквы, сбросивший в море тысячу рабочих селитренных рудников!

— Так он теперь — префект полиции в Атахуальпе?

— Да, крупный зверь! Берендс говорил, что он диктатор всей местности.

— А ты почем знаешь?

— Раз, когда я стоял у рулевого колеса, Берендс говорил об этом со «вторым»: для этого Саведра мы и везем наш тайный груз.

— Для Саведра?

— Ну да. Эти ящики в первом трюме.

Да, эти ящики не выходили у Ачассо из головы! Но, главное, те большие, до которых он не смог добраться!

— Ты был при погрузке?

— Ну конечно, я был вахтенным.

— Кроме маленьких ведь там были и большие ящики?

— Да, три длинных ящика, легких, как пух.

— Что в них?

— Не знаю. Они обращались с ними очень осторожно. Они хотели оставить их наверху, но Берендс потребовал, чтобы их опустили вниз и загородили грузом колючей проволоки.

— Так ты говоришь, они были легкие?

— Да, прямо как воздух.

— Самолет, может быть?

— Возможно.

— Три ящика? Один большой, а два поменьше, совсем одинаковых?

— Да, да...

— Ну конечно. В одинаковых ящиках— крылья, а в третьем—корпус.

— Теперь мне все понятно.

— И летчик тоже у нас на борту. Это Берендс. Он говорил тогда еще о своем маленьком истребителе.

— И теперь этот Саведра хочет натравить его на мирных жителей.

— Да, эта собака на все способна!

— Послушай, Линднес... — начал Ачассо, но тотчас же оборвал себя. — Нет, это надо серьезно обдумать. Мы еще поговорим об этом!

Ачассо и Линднес спустились в кубрик. В этот день они больше не говорили о грузе, но Ачассо не переставал о нем думать. Надо вырвать самолет из рук Саведра! Но как? Чтобы добраться до ящиков, нужны были сильные парни и много времени. Кому мог он довериться, и как разрушить самолет, чтобы подозрение не пало на команду?

★

В то же время капитан сидел в полумраке своей каюты. Желая прочистить мозги, он закурил толстую сигару. Но сигара была выкурена, а капитан все еще не находил никакого выхода. Если подписанное командой заявление дойдет до консула или вицеконсула и будет направлено в Гамбург, он конченый человек. Но как этому помешать, как обезвредить Ачассо? Этот проклятый Берендс говорил о каком-то готовом плане. Капитан решил не иметь с ним никакого дела, но раз он уже зашел так далеко, надо было попробовать последнее средство.

Он велел позвать Берендса.

Когда тот явился, капитан протянул ему сигару и закурил новую.

— Вы говорили о каком-то плане, господин Берендс?

— Так точно. План готов. Парень попался.

Вечно преувеличивает этот Берендс! Пока что «парень» шмыгает по палубе и обдумывает новые подлости!

— Послушайте, господин Берендс. Это вещь серьезная. Кабы вы знали, чего этот человек мне уже стоил и чего, возможно, еще будет стоить...

— Ничего он не будет больше вам стоить. Считайте его мертвым.

— Ну давайте ближе к делу. Что вы там надумали?

— Разрешите принести мой план.

— Ну ступайте.

Берендс вышел и скоро вернулся с аккуратно исписанной тетрадкой, которую положил перед капитаном.

— Это что ж такое?

— А вот прочтите сами.

Капитан недоверчиво перелистал тетрадь: «Высокорожденному господину префекту Артуро Саведра, полицейпрефектура

Атахуальпы, от Гюнтера Берендса, лейтенанта чилийской полиции».

— Вы чилийский лейтенант?

— Так точно, этот чин я получил еще в Гамбурге.

Капитан взвешивал рукопись на руке, как будто все дело было в ее весе.

— И вы думаете — это поможет делу?

— Когда префект прочтет эту тетрадь, с негодяем будет покончено. Я оставлю тетрадь на столе, капитан. Прочтите ее до конца.

Капитан лег на койку, но освещенная лампой тетрадь не давала ему покоя. Он взял ее в руки. В ней было тридцать восемь страниц. Просматривая ее, капитан наткнулся на место, касающееся прошлого Ачассо. Он начал читать, и это был первый роман, дочитанный им до конца.

Чего только ни написал Берендс об Ачассо! Чего только ни выдумал он о поведении Ачассо на борту «Кап Финистерре»! Он систематически отравлял команду и предательски искалечил старосту, ответственного за порядок, за то, что тот не допускал подстрекательства. Он заставлял команду выбрасывать пищу за борт и довел людей до такого истощения, что они шатались по палубе, как тени, и не могли работать.

Он обвинялся в следующих преступлениях:

в заговоре,

в саботаже,

в бросании бомб,

в подстрекательстве к забастовкам и участии в них.

Первый штурман с удивлением видел с мостика свет в капитанской каюте. Заменивший его в полночь «второй» тоже долго удивлялся непривычному свету.

Наконец, капитан дошел до последней страницы: там он прочел, что Ачассо был «явным представителем международного коммунизма».

Все это заканчивалось фашистским приветствием «Гейль Чили!»

Капитан бросил тетрадку на стол. Он потушил лампу и вытянулся на койке.

Несколько минут он лежал в темноте с широко раскрытыми глазами.

— Как это все нелепо! — пробормотал он наконец.

Что было нелепо? Описанные преступления Ачассо или весь план господина Берендса?

Засыпая, капитан подумал: «Может быть, все-таки и это пригодится».

★

«Кап Финистерре» повезло: на горизонте показался мыс Горн. Редко судно подходит к нему так близко.

Солнце здесь постоянно скрыто в тумане, а ночью не видно ни одной звезды. На этих широтах живут только альбатросы. Они окружают проходящие корабли, и без конца слышатся их голодные, жалобные крики.

А человек стоит у руля. Его руки вертят рулевое колесо, лицо повернуто к парусам и ветру. Он стоит на вахте и смотрит в дымящуюся даль. Но он не может видеть далеко: один за другим вздымаются серые валы и обрушиваются на корабль. Вместе с реями и мачтами корабль ложится на бок, погружается в бездну, и волны перекатываются через его палубу. Но из воды снова появляются люди: их брови и бороды полны морской соли, а руки цепко держатся за шкоты.

Старый «Кап Финистерре» не хочет сдаваться. Его трещащие мачты, реи и паруса упорно борются со штормом. В конце концов победа остается за человеком.

Уже тринадцать дней длится обход мыса Горн.

Все это время матросы не раздевались. Часто они ложились на койки, не снимая непромокаемой одежды и тяжелых морских сапог. Каждую минуту команду могли снова вызвать наверх. За этот дьявольский труд они не получали добавочной платы: «непреодолимая сила» — называется это в морском кодексе, и ни капитан, ни судовладелец не могут отвечать за нее своим карманом.

Матросы спали и чувствовали, как корабль перекатывается с одного вала на другой, как, сотрясаясь всем корпусом, вползает он на гигантские водяные горы и всей тяжестью обрушивается вниз. Над их головами гремел шторм.

Линднес громко стонал во сне, а когда через палубу перекатывались тяжелые валы и умолкали крики вахтенных, он встряхивался, чихал и фыркал. Запах табачного дыма перемешался с солоноватым запахом морской воды, вонью чадящей лампы и тяжелыми испарениями измученных человеческих тел.

— Вот подлость! — пробормотал Линднес, когда его разбудил Клаус. При этом он думал о своем прерванном сне, который принес ему отдых, и о том, что ему все же придется подняться наверх.

Вдруг его взгляд упал на мертвенно бледное лицо Мартина в рамке слипшихся от пота седых волос.

— Бедный старик! Ну разве это не подлость?—добавил он.

— Давно пора послать к чорту весь этот подлый порядок!—сказал Ачассо.

Пробило восемь склянок, вахта должна была подняться на палубу, и разговор оборвался.

Встретив Ачассо через два часа на палубе, Линднес вернулся к прерванному разговору.

У них был час свободного времени. Стоя под защитой камбуза, они смотрели на пенящийся след, оставляемый «Кап Финистерре».

— Что ты там говорил о подлом порядке? — спросил вдруг Линднес.

— Мы не должны допускать этого, — крикнул Ачассо.

Говорить было трудно: ветер относил слова в сторону.

— Да, но как? — настаивал Линднес.

— Если на судне... таком судне, как «Кап Финистерре», не хватает людей...

— Не хватает людей! — повторил Линднес. — Ну дальше!

— ... тогда оно не должно выходить из гавани, пока команда не будет пополнена. Ни одна рука не должна шевельнуться...

— Ни одна рука! Верно! Я слушаю!

— Или если судно берет такой груз... такой груз, как эти ящики, понимаешь?

— Да, ящики! Эти проклятые ящики!

— Ну? Дальше!

— Их не надо грузить!

Несколько мгновений был слышен только рев ветра в такелаже и удары волн о борт корабля.

— Тогда будут грузить другие! — вдруг крикнул Линднес.

— Забастовка! Пикеты! Понимаешь?

— Понимаю.

— Эти ящики! Я просто ломаю себе голову...

Снова наступила пауза, слышен был только шум ветра и моря.

Ачассо думал о больших ящиках. Несколько дней назад он пробрался через канатный ящик в трюм, чтобы на месте обдумать положение, и оно показалось ему безвыходным. Но вдруг ему в голову пришла блестящая мысль.

— Эй, Линднес! — крикнул Ачассо.

— Чего тебе?

— Пойдем-ка со мной на минутку.

Они прошли на бак, где их никто не мог слышать.

— Ну в чем дело? — спросил Линднес.

— Ты знаешь, что лежит в ящиках в первом трюме?

— Так, немного догадываюсь.

— Газовые бомбы для чилийских рабочих!

— Ах свиньи!

— К бомбам можно добраться через канатный ящик.

— Ну что же, за борт их?

— Тогда их хватятся при разгрузке. Но с бомбами я уже справился. Я их испортил, когда сидел в канатном ящике. Теперь эти бомбы нестрашны, а других бомб у них пока нет.

— Вот дьявол! — засмеялся Линднес.

— Теперь слушай! Остается самолет.

— А мы его изломаем!

— Нет, — сказал Ачассо. Нет мы только поможем. Сами мы не будем этого делать.

— Кто же?

— «Непреодолимая сила»!

И Ачассо об'яснил Линднесу свой план:

— Мы должны очистить место перед ящиками и построить перед ними высокую стену из кип колючей проволоки. Во время качки эта стена рухнет, тяжелые кипы разобьют ящики и раздавят самолет. Это сделает «непреодолимая сила», и никто не заподозрит команду. Конечно, старик удивится, что груз был так плохо уложен, но при чем же тут команда?

— Правильно! Погрузкой руководил Берендс. Неглупо придумано, Ачассо, — все будет сделано.

— Но вдвоем нам не справиться.

— Я скажу Петеру и Кристеру.

— Ладно. Но это работа тяжелая. Она займет много времени. Мы должны справиться с ней во время, свободное от вахты, здесь, перед мысом Горн, пока не кончилась качка.

— Ну что же. Все будет в порядке!

Пробило шесть склянок, и они разошлись.

★

Когда Ачассо спустился в кубрик, он увидел по лицам финнов, что Линднес с ними уже говорил и что они согласны.

— Петер говорит, — сказал ему Линднес, — что он готов нам помочь уже из-за одного доноса.

— Какого доноса?

— Да который написал на тебя этот фрукт.

— Кто?

— Берендс.

Для Ачассо это было новостью.

Если бы щеки Петера не были так обветрены, можно было бы видеть, как он покраснел.

— Теперь уж все равно... — сказал он запинаясь. Я был тогда зол на тебя. Берендс дал мне табаку и хотел что-нибудь про тебя узнать. Ну я и сказал ему, что вы ели на Огненной земле овец. Я думал, что тебе это все равно. Но он написал, что ты крал этих овец и поджег гациенду[1]. Он хотел, чтобы я под этим подписался.

— Ах ты, свинья этакая! — воскликнул Линднес.

— Правильно. Я свинья. Но ведь я ничего не подписал.

В первую же свободную вахту все четверо приступили к работе.

Ачассо принял все меры предосторожности. Уходя из кубрика, он каждый раз прятал керосиновую лампу, чтобы, случайно заглянув в кубрик, штурман не обнаружил пустых коек. Клаусу и Япу он сказал, чтобы в свободный от вахты час они поочереди дежурили на палубе и предупредили, если их внезапно вызовут. Боковая качка и узкое помещение сильно затрудняли работу, и они трудились как проклятые. Подымаясь затем на палубу и принимая вахту, они чувствовали себя совершенно выдохшимися.

Шла третья ночь, а дело не клеилось. Кристер и Петер стискивали зубы, а Линднес ругался: «Этот проклятый капитан думает, что мы в свободное время лодырничаем!»

Однажды непрерывная работа и спертый воздух трюма заставили их отступить. Качка потревожила застоявшуюся воду, а от тяжелого, пропитанного угольным газом воздуха их лица позеленели. Ругань больше не помогала. Через два часа они бросили работу. Но один из ящиков все же был освобожден!

Между тем парусник в течение двух суток шел на юг. Следующие сутки он двигался уже опять на север.

Выйдя из трюма на палубу, матросы увидели, что мыс Горн почти не изменил своих очертаний. За четверо суток бешеного штормового плавания «Кап Финистерре» продвинулся только на 100 метров к западу.

И снова отправились Ачассо и четыре финна на свою ночную работу. На часах стоял Клаус.

Внезапно из темноты показалась какая-то тень: перед ним появился Берендс.

Клаус остолбенел.

— Пойдем на минутку со мной! — сказал Берендс. По его тону Клаус понял, что он ни о чем не подозревает.

Клаус колебался.

— Ведь ты сейчас свободен?

— Но мне нельзя уйти с палубы! — сказал Клаус.

— Можешь уйти. Со штурманом я уже говорил.

В каюте «второго», где жил Берендс, горела керосиновая лампа, а на столе лежала раскрытая тетрадь.

— Ну вот. Подпиши здесь свое имя.

Клаус взял протянутое ему перо и спросил, под чем он должен подписаться.

— Да тут нет ничего особенного, — сказал Берендс. — Только то, что Ачассо руководил стачкой в Иквикве. Ведь ты мне это сам рассказывал.

— Нет, я этого не рассказывал.

— Приблизительно это...

— Нет, я говорил совсем о другом.

— Ты просто его боишься. Стыдись, трусишка ты этакий!

Клаус предпочел быть «трусишкой» и положил ручку на стол.

— Ну? Подпишешь ты или нет?—закричал Берендс.

— Нет!

— И это немецкий мальчик! Не попадайся же больше мне на глаза!

Клаус вышел из каюты.

— Трусливая баба! — услышал он за собой.

В это время четверо матросов в трюме закончили свою постройку. Обливаясь потом, стояли они перед стеной, сложенной из кип проволоки, и в свете чадящей лампочки видели, как она угрожающе раскачивалась.

— Теперь — прочь отсюда! — крикнул Линднес.

Поднимающееся на вал судно кряхтело, и незакрепленная проволочная стена в первом трюме, как неуклюжий канатный плясун, еле удерживала равновесие. Моряки отскочили в сторону, и стена стала падать. Сначала соскользнули две кипы, потом еще две, и, наконец, рухнула вся масса. Она

[1] Поместье.

раздавила ящики, как легкие картонки, и глубоко врезалась в хрупкую конструкцию самолета. Раздался треск алюминиевых частей.

Но было раздавлено всего два ящика!

— Погибло только два! — крикнул Линднес.

Но вдруг лицо Линднеса прояснилось. Это ничего! Сломаны два разных ящика: один длинный и один покороче. Корпус и одно крыло.

Матросы начинали понимать, в чем дело. Их глаза заблестели.

Осталось только одно крыло!

— На одном крыле далеко не улетишь!

И, держась за бока, они принялись хохотать. Если бы не балки низкого потолка, они пустились бы в пляс. Обняв друг друга, прыгали они по гладким ящикам с обезвреженными бомбами.

— Все-таки наша взяла, чорт побери! — кричали они.

Они в последний раз завинтили люк и поднялись на палубу в бушующую, кипящую ночь. Клаус увел Ачассо на бак и рассказал ему о встрече с Берендсом. В третий раз слышал Ачассо об этом доносе. После Петера ему рассказал о доносе Мартин, от которого Берендс тоже хотел получить подпись.

— И ладно, сынок, что ты не подписал,— сказал Ачассо. — Но мне все-таки нужно знать, что это за донос. Пойди завтра или послезавтра к Берендсу и скажи, что ты передумал и хочешь подписать, но сначала должен прочесть, что там написано.

— И подписать?

— Подписывай все: и кражу овец, и поджог гациенды, и все, что там ни написано. Все это неважно. Но мне нужно знать, не написано ли там, чем я занимался на западном побережье. От этого зависят мои планы. Читай внимательно. Подписывай все, но помалкивай. Когда начинаешь говорить, никогда не знаешь, что из этого выйдет.

— Но я не хочу подписывать, Ачассо!

— А для меня это необходимо.

— Ну тогда ладно!

Но Клаусу все-таки очень не хотелось подписываться под доносом, и он оттягивал свой визит к Берендсу, надеясь, что дело как-нибудь обойдется и без его подписи.

Судно снова взяло курс на север и получило возможность и дальше держаться этого курса.

Мыс Горн был обойден, и «Кап Финистерре» приближался к западному побережью Америки.

★

Клаус стал моряком! Правда, самый молодой на борту, но все же моряк! И море, с его прозрачными далями и мрачными глубинами, со всем своим миром причудливых животных, покажет ему еще немало тайн и чудес. Но одну из самых прекрасных картин Клаус увидел еще в этот рейс.

Его разбудил Линднес. Пора было на вахту. С головой, еще одурманенной сном, вышел он на палубу и остановился... То, что он увидел, казалось волшебством. Корабль плыл по морю огня, он качался на огненных волнах. Через палубу перекатывались снопы пламени, и одна искра коснулась его лица. Но этот огонь был холодный, хотя и сверкал, как настоящий.

Как всегда во время качки, волны лизали палубу, но на этот раз они лизали ее огненными языками. Пенящиеся гребни и все безбрежное море превратились в золотое, необычайное, сверкающее пламя. «Кап Финистерре» шел по огненному морю и оставлял за собой сверкающий след.

Звезд на небе не было. Но поднимающееся из глубины сияние превратило мачты в сверкающие колонны, стеньги и такелаж — в хрустальные заросли причудливых растений, а паруса — в прозрачные светящиеся облака.

Клаус был потрясен.

Он почувствовал руку на своем плече, но не мог отвести глаз от моря.

— Это свечение моря, сынок! — услышал он голос Ачассо. — Тебе повезло. Не всегда это так красиво, и бывает только в тропиках.

— Но ведь это... — начал Клаус, но снова замолчал.

— То, что ты видишь, это животные, маленькие морские животные. В каждой капле морской воды целые стада крошечных животных. Они живут на большой глубине и подымаются на поверхность только после захода солнца. Иногда они светятся.

Клаус медленно стряхнул с себя очарование. Он взглянул на Ачассо: его лицо тоже было соткано из прозрачного огня, из зеленовато-голубого света. Необычайность этого лица особенно оттеняли черные волосы, и никогда еще Клаус не чувствовал теплоты человеческих глаз так, как в эту минуту.

— Ты вырос, сынок. Твои руки окрепли! — сказал Ачассо.

Клаус почувствовал легкое пожатие его руки.

— Рейс кончается...

— Жаль. Я хотел бы плыть с тобой как можно дольше...

— А страна, куда ты хотел попасть и где хотел бороться? — Ачассо мог бы добавить «и где ты мечтал разбогатеть». Вместо этого он сказал: — А ведь борьба началась уже здесь, на борту.

— Да, это было так чудесно!

— Она началась от голода и ненависти. Может, это будет продолжаться и там, куда ты скоро приедешь.

— Разве я не могу быть вместе с тобой?

Ачассо сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Надо только с самого начала выбрать правильный путь. Ты уже выбрал его и теперь должен только продолжать. Через несколько дней мы увидим землю, может быть, даже завтра.

— А ты, Ачассо? Что будет с тобой? Я знаю, чего добивается Берендс.

— Я должен исчезнуть раньше.

— А мне нельзя с тобой?

— Нет, это будет очень трудно.

— Я не боюсь никаких трудностей.

—Ты можешь быть доволен, сынок, уже и тем, что нам здесь удалось. Нас было здесь только несколько человек, и мы боролись не только против капитана. Мы боролись против Берендса и того мира, которому он служит. Нас много, и если мы теперь расстанемся, то когда-нибудь непременно встретимся снова. И тогда мы вспомним: «Да, пусть на «Кап Финистерре» они искалечили одного из наших друзей, но мы не молчали, мы боролись и мы все же сделали немало!»

Ачассо взглянул на люк первого трюма, покрытый суровой парусиной, но теперь сверкающий, как хрусталь.

— Ведь правда, сынок?

— Правда, — сказал Клаус.

— Ну вот, значит все хорошо.

Этот разговор походил на прощанье.

— А все-таки мне нужно знать, что написал Берендс, — сказал Ачассо.

— Если это так нужно, я пойду завтра.

— Да, это очень нужно.

Ачассо заговорил приглушенным голосом. То, что он сказал, было знаком большого доверия:

— Послушай, сынок, они, конечно, хотят схватить меня и сделать со мной то же, что уже сделали раньше, а то и что-нибудь похуже. Но им это может удасться только в бухте Атахуальпа, где есть полиция. Через несколько дней корабль подойдет ближе к берегу и полдня до Атахуальпы пойдет вдоль мыса, далеко выступающего в море. Я надеюсь, что это будет ночью. Там я прыгну за борт. За Атахуальпой находится глубокая бухта с маленькой гаванью. Там я знаю одного старого рыбака. Но раньше я должен знать, что написал Берендс, может быть, это поможет мне в дальнейшем.

— Тогда, значит, завтра я пойду, — сказал Клаус.

Больше он ничего не мог произнести: что-то сдавило ему горло. Он посмотрел вслед Ачассо. Фигура, вытканная из голубого света, прошла под сверкающими парусами и исчезла в темной дыре. И Клаус остался один в этом необычайном сиянии и смотрел на пенящееся, до самого горизонта пылающее море.

★

На следующий день в небе стояло жаркое солнце. Клаус прошел по палубе. Старое дерево «Кап Финистерре» высохло, и к босым ногам мальчика прилипала горячая смола.

Берендс лежал на шезлонге. На нем была рубашка без рукавов и короткие брюки. Вытянувшись в кресле, он подставлял свои длинные руки и ноги горячему, тропическому ветру. Его глаза были закрыты, но он почувствовал упавшую на его лицо тень.

Мальчик стоял перед ним и смотрел на него холодными, как лед, голубыми глазами.

— Я передумал, — сказал он.

— Что ты передумал?

— Я хочу подписать.

Берендс приподнялся. Около него лежала коробка папирос. Он закурил и протянул коробку Клаусу.

— Ты куришь?

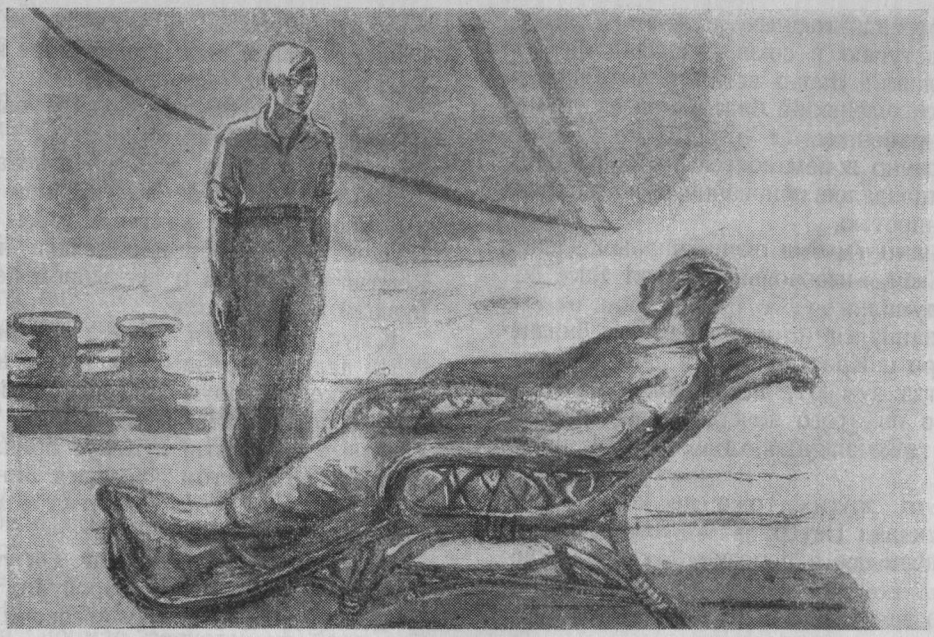
— Нет, спасибо.

Берендс встал. Клаус пошел за ним. В каюте лежал на койке совсем раздетый «второй». Была видна его высокая грудная клетка и руки, похожие на корабельные тросы. Он не спал.

— Войди! — сказал Берендс.

Он держал тетрадь в руке. На этот раз она была в переплете из тонкого полотна.

— Садись.



Мальчик стоял перед ним и смотрел на него холодными, как лед, глазами.

Клаус сел. Берендс положил перед ним тетрадь и раскрыл ее.

— Можно раньше прочесть? — спросил Клаус.

— Даже должно.

— Он передумал, — сказал Берендс «второму». — В нем заговорила совесть. Он понял свой долг. В его жилах течет настоящая немецкая кровь.

Эта кровь тяжелой волной ударила Клаусу в голову, когда он прочел то, что ему подсунули, как его показание, и что он должен был подписать. Его душило бессильное бешенство.

— Ты прочел? — спросил Берендс.

— Да. Я подпишу. Но он всего только бастовал и взорвал один мост. Я думал, что мне придется подписать худшие вещи.

«Второй» ухмыльнулся, но Берендс сказал:

— Ты храбрый парень, я это люблю. Прочти еще это, о финнах. Они с севера, это северные болотные жабы. К сожалению, я в этом убедился. Прочти!

Клаус прочел:

— Они обвиняются в поджогах и убийствах?

— Да, ну как это тебе нравится?

— Я подпишу.

— Парень—не дурак! Вот уж никогда не думал!

И он подложил Клаусу еще несколько листков.

— Подписывай и не забудь, что дело идет о человеческой жизни,—строго сказал он.

— Нет, этого я не забуду.

Клаус подписал все листки и убедился, что Берендс ничего не знает о тысяче рабочих с селитренных рудников, о которых рассказывал Ачассо под гротмачтой, а также и о том, что Ачассо был рыбаком.

Он положил ручку.

Он сдержал обещание, данное Ачассо.

Ачассо готовился покинуть корабль и приводил в порядок дела, как человек, надолго покидающий свой дом. Однажды, когда в сборе были обе вахты, он заговорил о том, кто должен быть старостой. Если Линднес не возьмет на себя эту должность, команде придется снова драться. А этого хотелось бы избежать.

— Я просто считал, как будто мы состоим в союзе моряков и вы меня выбрали,—сказал он.

— Это были жаркие выборы!—заметил Петер. На него сердито оглянулись. Команда впервые заговорила об этом происшествии. Наступила глубокая тишина.

— Поговорим о том, что будет, когда я сойду в Атахуальпе на берег,—сказал Ачассо.

— Я думаю...—начал Яп.

Его прервал Линднес.

— Я вступаю в союз, — сказал он.

Молчаливый Нильс встал и вытащил из коробочки членский билет союза транспортных рабочих.

— Я давно в нем состою,—сказал он.

Это запоздалое признание было для всех неожиданностью.

— Однако ты был очень мирным членом союза, Свен,—недовольно сказал Яп.

— Я думал...

Свен запнулся и посмотрел на Линднеса, Петера и Кристера.

— Когда думают, да не додумывают до конца, то из этого ничего не выходит.

— Я тоже вступаю в союз!—крикнул Кристер.

— Я от других тоже не хочу отставать, — сказал Петер.

— Теперь все в порядке, — сказал Мартин.

— Что за чудесная команда у этого судна! — сказал Ачассо.

— А кто же будет старостой? — спросил Петер.

— Линднес! — крикнул кто-то.

— Я — за Япа. Он раньше меня вступил в союз, — сказал Линднес.

— Нет, он не годится. Он даже драться не умеет! — крикнул Петер.

— Верно, не умеет, — подтвердил Кристер.

— Зато у него есть опыт, а это тоже кое-что значит, — вставил Мартин.

— Деревянные чурбаны!—закричал Линднес. — Ведь ему придется только выкладывать капитану свое мнение. Вы должны, конечно, его поддерживать. Точно как с гротмачтой: с ней тоже ничего не поделаешь, если один тянет, а другие только лупят на нее глаза.

— Предлагаю избрать двух старост — Линднеса и меня, — сказал Яп.

На том и порешили.

★

С момента выхода из Гамбургской гавани прошло уже сто двенадцать дней. Вдали показалась какая-то бесконечная, затянутая серой дымкой полоса. Это был берег. Ночью парусник переменил курс. Утром уже можно было разглядеть далекие голые скалы, и скоро стало видно все побережье. Если бы это было днем, приближающиеся моряки сразу увидели бы серые, однообразные горы. Но заходящее огненно-красное солнце окрашивало море и далекий берег в фантастические краски.

На следующее утро должна была показаться Атахуальпа.

Близость земли всех взволновала.

Теперь на палубе всегда были обе вахты. Свободные от вахты матросы стояли у поручней и непрерывно делали новые открытия на крутом и пустынном берегу, тонувшем в полумраке.

Клаус обернулся, ища глазами Ачассо. На палубе его не было. Клаус нашел его на койке, которую они весь рейс делили друг с другом. Из всей команды он единственный лег спать, и Клаус понял почему. Кроме него об этом догадался Линднес, которого Ачассо тоже посвятил в план бегства.

Клаус вернулся на палубу. Он увидел какую-то темную массу. Вероятно, это Пунта де Пиедрас, о котором говорил Ачассо. Дул свежий ветер. Сколько времени еще пройдет? Он боялся об этом спрашивать.

Через два часа настанет глубокая ночь. Луна взойдет позже. Лучше, чтобы не было звезд! Или нет? Ведь человек в море тоже должен видеть! Клауса знобило. Он побежал в кубрик за курткой.

«Сейчас я должен стать за руль!»—вдруг подумал он.

Эта мысль пронзила его. Час простоит он за рулем, а когда вернется...

Он стоял перед Ачассо.

Спящий дышал глубоко и ровно.

Когда он вернется, эта койка, кубрик, весь корабль, все будет чужим для него... Пробили склянки. Клаус с трудом повернулся и заставил себя идти к рулевому колесу.

На палубе все столпились в кучу и смотрели на темнеющую воду. Вот показалась шлюпка. Она поднялась на волну, исчезла и снова появилась.

Шлюпка с людьми после ста двенадцати дней плавания по морю! Но Клаус только мельком взглянул на нее. Он поднялся на ют.

У рулевого колеса стоял Яп.

— Нордост! — сказал он.

— Есть, нордост! — повторил Клаус.

И вот он стоит и вертит колесо.

Недалеко от него стоят капитан и «второй» штурман. Они рассматривают шлюпку в бинокль.

— Три человека, и на одном—светлая шляпа, — сказал штурман.

— Что? — спросил капитан, не отрываясь от бинокля. — Что вы там видите?

— Светлую шляпу, капитан.

— Но ведь это же лоцман! Зачем же эта жадная акула появляется в открытом море?

— Да, капитан. К сожалению, это лоцман.

Капитан разразился проклятиями. Что нужно этому негодяю? Мало он зарабатывает, что ли? Неужели он всю ночь думает таскать нас по океану?

Шлюпка держала курс на «Кап Финистерре».

Скоро Клаус увидел косой парус и под ним трех человек: двое из них были почти раздеты, а на третьем была не только светлая шляпа, но и светлый костюм.

— Обе вахты наверх! К фоку!— крикнул «второй».

Палуба ожила. Паруса легли на стеньгу, и парусник замедлил ход. Шлюпке бросили конец. Лоцман поднялся на борт. Он был европейцем, и капитан его знал по прежним рейсам. Он не сказал лоцману, что он жадная акула, а поздоровался с ним как со старым другом, которого давно не видал. И это было почти искренно. После длинного рейса моряк рад каждому новому лицу. Сходя на берег, команда испытывает такое же чувство.

Клаус видел, как капитан и лоцман поднялись на мостик. Лоцман достал запечатанное письмо и передал его капитану. Капитан прошел в рубку, прочел письмо и вернулся.

— Так значит, мы идем в Буенвиенто,— сказал он.

Корабль шел не в Атахуальпу, а в маленькую гавань, расположенную на четырнадцать морских миль южнее Атахуальпы. Он будет там еще сегодня вечером. Лоцман перенял команду.

— Лево руля! — сказал он.

— Есть, лево руля! — повторил Клаус и повернул колесо.

— Правильно. Так держать!

Корабль шел прямо на далеко выступающую в море пирамиду скал. Клаус ликовал: «Тем лучше: путь, который придется проплыть Ачассо, укорачивается!»

Но капитан стоял, как пораженный громом. Он вдруг вспомнил о грузе, о котором судовладелец ничего не знал, о ящиках, которые он должен был выгрузить в Атахуальпе.

— Проклятье! — пробормотал он и вдруг увидел подымающегося на мостик Берендса.

— Перемена курса, господин капитан?— сказал Берендс.

— Послушайте! — зашипел капитан с такой яростью, что Берендс вздрогнул. — Есть у вас голова? О чем вы думаете? — потом, круто изменив тон, он представил Берендса лоцману. — А вот и господин Берендс.

Лоцман приветливо улыбнулся. Он знал об этом пассажире, он знал даже о грузе, он не знал только о переживаниях капитана, но теперь он и о них догадался.

— У вас на борту ящики, капитан? — мягко спросил он.

— Что у меня на борту?

— Ящики, несколько ящиков, если я не ошибаюсь, капитан.

— Да, несколько ящиков, пустячки! — «Личное имущество моего пассажира», — хотел он добавить, но удержался.

— Тогда все в порядке. Дон Артуро будет очень рад. Господин префект Артуро Саведра, вы знаете его по прежним рейсам, капитан.

— Знаю? Я?

— Знаете, господин капитан.

— Но я...

— Да, большим человеком стал теперь Саведра, — продолжал лоцман. — И он очень интересуется этим грузом. Он лично примет его от вас еще сегодня ночью.

Капитан свободно вздохнул. Наконец-то избавится он от этих ящиков, чорт их побери! Но лоцман подумал, что капитану неудобна ночная выгрузка.

— Я должен был предупредить вас об этом, чтобы вы подготовились. Вы поймете эту спешку, если я скажу вам, что несколько дней назад свергли диктатора.

— Кого? Диктатора Ибаньеса? — спросил Берендс. Он был ошеломлен.

— Да, Ибаньеса. Он бежал в Аргентину.

— А диктатура?

— Диктатура еще держится. Но вся страна кипит. И поэтому господин префект так торопится получить эти ящики. Он привел для них в Буенвиенто два лихтера из Атахуальпы.

— Разве господин префект в Буенвиенто? — спросил Берендс.

— Да. Он взял моторную шлюпку и хотел нас встретить. Думаю, что скоро он будет на борту.

— Господин префект, лично?

— Конечно, лично.

— И он подымется на борт?

— Да, через час или полчаса.

Берендс побледнел. Он круто повернулся и исчез.

— Что за чудак! — сказал лоцман.

— Да, да... чудак... — пробормотал капитан. Он чувствовал огромное облегчение. Через несколько минут он избавится и от Ачассо!

Капитан и лоцман отошли от рулевого колеса.

Клаус слышал каждое слово. Мысли замелькали у него в голове.

Префект Саведра будет на борту через полчаса. Что будет делать Ачассо? Разве может человек проплыть такой путь, для которого кораблю нужно несколько часов при полных парусах?

Ачассо даже не знал о грозящей ему новой опасности...

Лоцман прохаживался с капитаном.

Вдруг он остановился. По следу, оставляемому кораблем, он заметил, что корабль идет неровно, но промолчал и тихо покачал головой. Они снова отошли.

Голова Клауса раскалывалась от мыслей.

Ачассо ничего не знает! Но он должен узнать. Должен сам решить, что ему предпринять! Кто же его может предупредить? Только он, он, который все это слышал! Но он был пригвожден к рулевому колесу и не мог отойти.

Второй штурман тоже обратил внимание на странный ход корабля. Он посмотрел Клаусу в лицо и пробормотал:

— Да что с тобой сегодня?

В этот момент на палубе появилась светлая фигура. Это был Берендс в летнем костюме, с соломенной шляпой на голове и портфелем под мышкой. «В портфеле лежит тетрадь», — догадался Клаус. У него потемнело в глазах, и на этот раз судно описало не мягкий зигзаг, а широкую дугу.

Берендс подошел ко «второму».

— Моторная шлюпка уже видна? — спросил он.

— Кажется! Я только что заметил там огни.

Капитан и лоцман тоже остановились и посмотрели на море в бинокли, но не нашли огней и продолжали всматриваться. Поэтому они не сразу заметили, что парусник сошел с указанного курса.

Клаус беспомощно повис на рулевом колесе.

Он предоставил паруснику идти куда ему было угодно. И не только потому, что почти терял сознание. В нем вспыхнула надежда избавиться таким путем от рулевого колеса и получить возможность предупредить Ачассо. И корабль почти повернул в открытое море.

— Куда же мы идем? — вдруг заревел капитан.

— Да, чорт побери! — испугался лоцман.

«Второй» скорее всех понял случившееся. Одним прыжком очутился он у рулевого колеса, и Клаус получил такой толчок, что отлетел на несколько метров и упал.

— Берег свел его с ума! — сказал капитан. — Они все таковы. Стоит им только втянуть в нос береговой воздух... А я-то хотел сделать из него матроса. Он даже в юнги не годится!

Клаус поднялся на ноги. Он ждал, что его прогонят. Вместо этого он услышал возглас «второго», выправившего курс и нашедшего огни:

— Шлюпка на море!

— Это Саведра, — сказал лоцман.

Клаус поднял голову. Он тоже увидел огни, но для него они были адским пламенем.

— К рулю — другого матроса! Мальчишку больше не допускать! — приказал капитан.

Клаус хотел бежать, но лоцман остановил его.

— Через двадцать минут они будут здесь. Я могу вернуться с ними на берег,— сказал он. — Мальчик может сказать моим людям, чтобы они отчаливали.

Клаус не побежал, а прямо-таки полетел вниз по трапу.

Он не слышал, как лоцман сказал:

— Это рыбаки, и им незачем терять половину ночи.

Он нашел Ачассо у люка № 1, с которого первый штурман и несколько матросов снимали парусину.

Клаус схватил Ачассо за руку и потащил к камбузу:

— В море огни, и там сидит Саведра, а в рубке стоит Берендс с тетрадью.

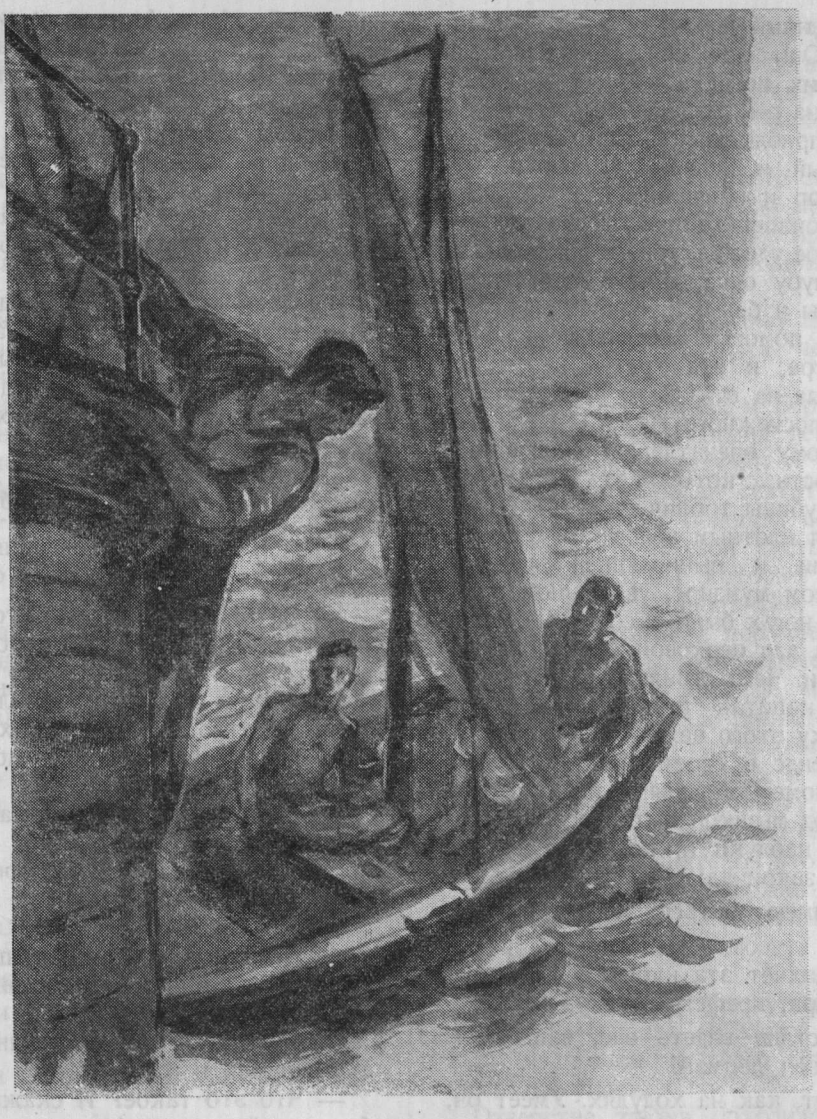
— Какие огни? Где Саведра?

— В шлюпке, в моторной шлюпке. Он будет здесь через двадцать минут.

На лице Ачассо появилось такое же выражение, как в ту первую ночь у ящиков, когда он считал себя пойманным и вдруг увидел Клауса.

— Еще вот что... лоцманская шлюпка сейчас отчалит. Я должен был им это передать, и я подумал...

— Правильно, сынок. Я передам. Будь здоров, сынок!



Шлюпка подошла ближе к борту.

Ачассо схватил его за плечи, прижал к себе и исчез.

«Хорошо, что нет луны», — подумал Клаус. Перейдя на другую сторону, он мог различить шлюпку только по окружающей ее пене.

У поручней стоял Ачассо. Он махнул рыбакам курткой, которую держал в руках. Они заметили его, и шлюпка подошла ближе к борту. Куртка, которую Ачассо держал, вздулась и походила на вещь, которую, казалось, он хотел передать в шлюпку. Один из рыбаков протянул руку. В то же мгновение Ачассо соскользнул в шлюпку. Он сказал им несколько слов на своем языке. Клаус этих слов не понял. Он видел только, как Ачассо протянул руку и обрезал конец. Шлюпка отчалила, обрезанный конец упал с легким плеском в воду. Сейчас же вслед за этим шлюпка исчезла.

Клаус стоял у поручней, он чувствовал на своей груди толчок «второго», а на плечах—крепкое об'ятие Ачассо.

— Чего ты стоишь? Ступай помогать!— раздался голос штурмана.

Парусина с люка № 1 была скатана. Берег был еще далеко, и штурман не хотел снимать крышку с люка. Но он приказал готовиться к выгрузке. Клаус помог Япу

протянуть длинный трос через два деревянных блока. Они еще не закончили этой работы, как их позвали к брассам. Снова паруса легли на реи, и парусник остановился. К борту приближались огни: два ярких глаза—красный и зеленый. Шлюпка выключила мотор и причалила.

То, что произошло потом, доставило команде огромное удовольствие и походило на кино. На палубу одна за другой выскочили две фигуры в белых мундирах. Они наклонились и помогли забраться на борт третьей фигуре, и эта третья необыкновенно походила на откуда-то прилетевшего огромного белоснежного гуся...

Правда, этому впечатлению способствовала внезапность, с которой эта фигура появилась из глубины тропической ночи. Гусь этот оказался плотным человеком с широкими плечами и выпирающей колесом грудью, в белом мундире, увешанном орденами. На его ногах были высоченные, выше колен, сапоги для верховой езды с огромными шпорами. Чего стоили одни эти шпоры! Лоцман, капитан и первый штурман пожимали руку этого великолепного господина. А Берендс в своем светлом летнем костюме, соломенной шляпе на голове и портфелем под мышкой вытянулся, со стуком сдвинул каблуки и, подняв руку для приветствия, закричал:

— Честь имею явиться! Лейтенант Берендс!

— Что кудахчет эта курица? — спросил Артуро Саведра, префект Атахуальпы.

— Он счастлив видеть вас, ваша милость, — перевел лоцман.

— Он ходит, как на ходулях. Умеет он, по крайней мере, летать? — осведомился Саведра.

— Умеете вы летать, господин Берендс?

— Еще бы! Бочки, иммельман, мертвые петли, бреющий полет—все, что господин префект пожелает.

— А машину он привез?

— Так точно. Чудесный маленький Клемм.

— Тогда ему все прощается.

Гости и капитан пошли дальше и поднялись на мостик. Матросы поставили паруса, вода за кормой снова запенилась, и «Кап Финистерре» двинулся вперед. До окончания рейса ему осталось пройти всего несколько миль.

Префект прогуливался по мостику, и на палубу доносился звон его чудовищных шпор. С обоих флангов у него было по спутнику, а перед ведущим на мостик трапом выстроились люди в светлых мундирах, поднявшиеся за ним на борт.

Берендс открыл портфель и вынул тетрадь в полотняном переплете. Он уже дважды пытался заговорить, но один раз поблизости не было лоцмана, а в другой раз живой и подвижной префект не пожелал его слушать.

Вдруг он остановился перед Берендсом и заговорил, указывая на Пунта де Пиедрас:

— В нем 1000 метров высоты. Завтра утром вы можете сделать над ним парочку мертвых петель. Там, наверху, сидит мятежный народец, и мы хотим сбросить ему на головы несколько дюжин этих штучек, которые вы привезли. Это будет для них чудесным сюрпризом!

Лоцман перевел эту речь и ответ на нее:

— Он говорит, что ему это будет очень приятно, в особенности потому, что это делается так открыто. В его стране такие вещи можно делать, к сожалению, только темной ночью и в маленьких масштабах.

— Да, масштабы! Гринго могут у нас поучиться!

Берендс чувствовал, что наступил решительный момент. Он опять вытянулся и воскликнул:

— Господин префект!

Саведра вздрогнул.

— Что случилось? У него припадок? Это бывает... а зачем этот толстый альбом? Что мне с ним делать?

Он взял почтительно протянутую Берендсом тетрадь и раскрыл ее.

— Что это такое? И скажите ему, чтобы он сейчас же обратился к врачу. Его манеры меня нервируют.

Но Берендс заговорил, и никакой префект Атахуальпы не мог бы остановить его словоизлияний. Саведра понял:

— Чилиец — государственный преступник, беглец с Огненной земли.

Но зачем он написал такую толстую книгу? Спросите его.

— Это тяжкий обвинительный материал.

— У нас немало таких бегает! Почему же он не бросил его за борт или не связал? Господин лейтенант! — закричал он Берендсу. — Свяжите его немедленно. Возьмите толстый корабельный трос и приведите мне этого красного проходимца.

— Слушаюсь, господин префект. Разрешите взять ваших солдат?

— Солдат? Мою личную охрану, для того чтобы связать одну красную бациллу? О чем вы думаете, лейтенант, и где ваши масштабы?

Пунта де Пиедрас быстро приближался. Волны океана разбивались о его скалы и обдавали их белой пеной. «Кап Финистерре» прошел так близко, что ветер донес до матросов на палубе рев ударяющихся о камни волн. Потом открылась широкая бухта и засверкал длинный ряд огней маленького южноамериканского города.

Почти все паруса «Кап Финистерре» были уже спущены, и команда перешла к гротмачте. Она разбилась на две группы из нескольких человек, и каждая группа тянула трос. Вдруг вокруг матросов засуетилась какая-то белая фигура. Она описала круг, обошла одну группу и скользнула к другой. Это был Берендс в своем светлом костюме. Он продолжал кружиться вокруг матросов, подходил к каждому в отдельности и заглядывал всем в лица.

Видя его расстроенную физиономию, матросы подумали было, что он заболел.

— Да нет, он кого-то ищет.

— А что у него в руке?

— Длинный кусок троса, — заявил Петерс.

— Нет, револьвер, — спорил Кристер.

Но Берендс держал в руках и то и другое. Он вбежал в кубрик и напугал старого Мартина, который сидел за столом, завернувшись в длинное пальто. Мартин приготовился сойти на берег и отправиться в госпиталь.

— Куда он спрятался? — закричал Берендс.

— Кто?

— Ачассо!

— Ну этот прятаться не будет!

Берендс заглянул в каждую койку, даже открыл дверь в шкаф, но там уныло стояла одна только метла.

★

Парусник прошел мимо покачивающегося на волнах зеленого огонька. Это был сигнал на месте затонувшего военного судна. Огни города приближались, и «Кап Финистерре» замедлил ход. Лоцман отдал приказ бросать якорь.

— Трави якорь! — крикнул он.

Цепь с тяжелым якорем, гремя, поползла в воду. Парусник прошел еще немного, увлекаемый течением, и остановился.

Перед префектом появился Берендс.

— Преступник подло скрылся, — сказал он.

— Спрятался, вы хотите сказать?

— Так точно, господин префект.

— Сержант! — крикнул префект.

Подошел солдат из личной охраны префекта.

— Что угодно господину префекту?

— На судне спрятался человек. Обыскать!

Префект повернулся к Берендсу.

— А теперь, господин лейтенант, ваш груз — маленькие штучки и машина!

В темноте выросли силуэты двух лихтеров. Оба судна подошли совсем близко, чтобы принять в свои пустые об'емистые недра этот груз, с которым связано было столько надежд, проклятий, горя и пота.

Матросы стояли у поручней и смотрели на белые полосы, отбрасываемые на воду огнями маяков, и красные, мигающие огни на берегу. Их позвали принять и закрепить концы лихтеров и снять крышку с люка.

Собралась вся команда и штурман. Капитан прошел в свою каюту, сказал:

— Делайте все, как знаете. Я ничего не хочу больше слышать об этом.

Префект послал за сержантом. Он хотел, чтобы в этот торжественный момент выгрузки его личного самолета все его люди были около него.

— Я не нашел преступника, господин префект! — сказал сержант.

— Ладно, он не уйдет от нас. От нас никто не уйдет.

Отверстие трюма походило на кратер вулкана. Туда спустились матросы с фонарями. Там они долго возились. Наконец Петер крикнул:

— Вира!

Линднес включил паровую лебедку. Барабан завертелся, проволочный канат натянулся. Над люком показался кран с висящим на нем гигантским чер ым клубком проволоки.

— Хорошая вещь, она нам пригодится, — заявил префект. — Но с этим можно подождать. Давайте другое!

Снова показался кран, и снова висел на нем гигантский клубок проволоки с запутавшимися в нем обломками досок. Так повторилось еще два раза.

Лоцман покачал головой.

Первый и второй штурман переглянулись.

— Довольно! — заревел префект. — Давайте ящики!

Еще раз появился кран с перепутанной проволокой и остатками досок.

— Ящики! — ревел префект.

Второй штурман спустился в трюм.

— Да тут чорт знает что делается! — сказал он и крикнул наверх: — Ну поднимай, Линднес, да только потише!

Линднес пустил барабан очень медленно.

Сначала появился кран, потом кипы проволоки, потом тяжелый груз.

Линднес высоко его поднял, и груз повис над головами зрителей.

На палубе стало совсем тихо.

В темной массе проволоки блестел какой-то продолговатый предмет. Оторвавшийся клубок проволоки упал обратно в трюм.

В наступившей мертвой тишине слышался плеск волн о борта и свистящий в приспущенных парусах ветер. Все, как загипнотизированные, смотрели на качающийся над их головами, освобожденный от проволоки, серебристый, искалеченный и раздавленный корпус самолета!

Наконец, Берендс что-то пробормотал, и это вывело Саведру из охватившего его оцепенения.

— Что он говорит? — спросил он.

— Он сказал: «Мой чудесный маленький Клемм!»

Артуро Саведра разразился бешеными проклятиями, и Берендс не понял ни слова. Он не понял бы ничего, если бы даже префект произносил эти проклятия по-немецки. Ему казалось, что его подхватил, закружил в воздухе и швырнул на палубу бешеный тропический вихрь.

Но, услышав треск включаемого мотора и шум рассекаемой тяжелой шлюпкой воды, он действительно сел на палубу. Ветер перелистывал лежащую рядом с ним тетрадь и страницу за страницей уносил ее в море.

Перед покинутым люком стояли два седых человека: лоцман и разбуженный штурманом капитан. Он был в халате и туфлях. Бессмысленно уставился он на повиснувший в воздухе серебристый предмет.

— Груз погиб, — сказал лоцман.

— А как это могло случиться?

— Он был плохо уложен.

— Да, очень может быть.

— Но, — сказал лоцман, — гамбургские докеры не могли так грузить, это совершенно невозможно.

— Нет, ведь это грузилось тайно. Это делали особые люди под руководством этого... кончено, теперь я разорен!

И капитан уныло поплелся в свою каюту.

В темном кубрике сидели у стола три человека. Один из них был Мартин. Он сойдет на берег только утром; ему трудно еще раз раздеваться и одеваться, поэтому он не снимал своего длинного пальто. Около него сидели Клаус и Линднес. Они не хотели оставлять старика одного. Линднес знал, какое глубокое одиночество ожидает его на этом чужом берегу. А Клаус остался сидеть из-за глубокой привязанности к старику.

Они обменялись несколькими словами по поводу всего пережитого за этот рейс и замолчали.

Долго сидели они так, подперев головы руками, и понемногу начали дремать.

— Это был мой лучший рейс, — сонно пробормотал Линднес. Его всклокоченная голова упала на стол и осталась лежать на руке Мартина.

— Это мой первый рейс и первое приключение, — прошептал Клаус.

Стало совсем тихо.

«Ну, а мой—последний!» — подумал Мартин. И сказал:

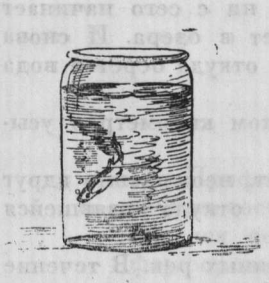
— Да! Было тяжеленько. Но именно это-то нас и спаяло.

(Продолжение в следующем номере)

ЗООЛОГИЯ

Есть ли вкус у рыб?

В самом деле, как проверить это? Как заставить немую рыбу рассказать о своих вкусах? Зоолог М. Криннер совсем недавно нашел и для этого способ. Он начал с того, что отнял у рыбки-малявки зрение и обоняние. Он ослепил ее и перерезал ей нервы, идущие от носа. Затем он пересаживал рыбку в банку с очень слабым раствором соли или сахара и там кормил ее. И каждый раз, как приходило время кормить рыбку, он делал то же самое: пускал ее в банку со сладким или соленым раствором. Он рассуждал так: рыбка слепа, она не может увидеть, что ее пересаживают в другую банку. И по запаху она также не может узнать, попала ли в сахарный или соленый раствор. Остается вкус. И если рыбка в самом деле чувствует сладкий или соленый вкус, то, по учению академика Павлова, у нее должен постепенно выработаться условный рефлекс, то есть, как только она почует вкус раствора, она немедленно начнет искать пищу: ведь в этом растворе ее всегда кормят! А затем раствор можно разбавлять до тех пор, пока рыбка перестанет ощущать его: так мы узнаем, насколько тонок ее вкус.



Все так и произошло.

Даже в банке, где растворяли восемь частей сахара или три части соли на миллион частей воды, малявка начинала искать пищу. Вкус к сахару у нее оказался в 512 раз, а к соли — в 184 раза тоньше чем у человека!

Как видят птицы

Другой ученый, Мюльман, сейчас тем же способом условных рефлексов испытывает тонкость зрения птиц. Птицам даются мучные черви, выкрашенные в красный цвет разных оттенков, разной яркости. Целая радуга красных цветов — от самого яркого до бледнорозового. Самые яркие черви пропитаны горьким хинином, все остальные не пропитаны ничем.

Птицы скоро привыкли к тому, что яркокрасные — горькие, негодные черви. Остальных они безошибочно отличали и с'едали.

Тогда стали красить червей не сплошь, а пятнами, кольцами, замысловатыми рисунками. На этот раз оказалось, что самый рисунок, расположение колес и пятен птицы узнают плохо, но зато отлично узнают сходство по размерам, по ширине колец.

Так замечательное учение И. П. Павлова об условных рефлексах заставляет животных рассказывать, как они видят, что слышат, насколько тонок у них вкус и другие чувства.

ГЕОГРАФИЯ

Подземные реки

Замечательное место Южный Урал! Там залегают железные руды, марганец, магнезия, редкий металл ванадий, олово, никель. Почти каждый год открываются там новые источники нефти. А вблизи города Златоуста нашли могучие золотоносные пласты.

С невысоких гор Южного Урала текут в южные ковыльные степи полноводные реки, но странные это реки!

Вот река Урал. Посмотришь на нее около поста Наурузова — большая река, а в 150 километрах ниже, возле Магнитогорска, вобрав в себя много речушек и ручьев, она становится вдруг на добрую четверть меньше.

Другая река, Гумбейка, вдруг также ни с того ни с сего начинает мельчать и так, совсем маленькой речушкой, втекает в озера. И снова странный факт: не она наполняет озера, а они ее. А откуда берется вода в этих озерах — неизвестно.

Пройдя озера, Гумбейка опять с каждым десятком километров усыхает. К устью от нее остается грязная канава.

А вот река Уфа в своих низовьях. Она, наоборот, неожиданно вдруг вырастает, прямо вспухает на глазах от неведомо откуда взявшейся воды.

Остается одно об'яснение для всех этих таинственных рек. В течение веков они размывали известковую уральскую почву. Они проделали в ней бесчисленные запутанные ходы, настоящие подземные лабиринты. Ровная поверхность земли здесь обманчива: огромные провалы, туннели, целые пещерные города таятся под ней. Не даром в 90 километрах от Перми показывают туристам Кунгурскую пещеру длиной в 9 километров по одному главному ходу, не считая бесчисленных боковых ходов и переходов.

Реки Южного Урала текут больше под землей чем над землей. Надо бы, по-настоящему, чертить две карты для этих рек: подземную и надземную.

И чтобы начертить такую подземную карту, узнать, куда девается вода, откуда она берется, изучить скрытые богатства Южного Урала, Академия наук снаряжает туда сейчас большую научную экспедицию. Экспедиция отправляется ранней весной текущего года.

Водолаз на глубине 760 метров

Воздух водолазу накачивают сверху через трубку. И как ни остроумно придумано снабжение водолазов воздухом, все же дышать под водой труднее чем на земле.

Водолаз кроме того не может сразу спуститься на заданную глубину, не может и подняться сразу, кончив работу: он должен несколько раз надолго останавливаться по дороге, чтобы привыкнуть к смене давления и условий дыхания. Для работы остается немного времени. И работать водолаз может только на сравнительно небольшой глубине, всего в несколько десятков метров.

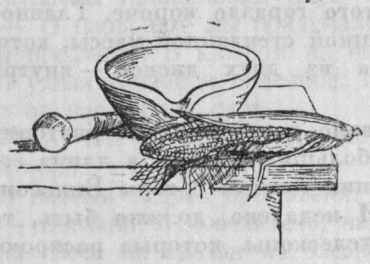
Но сколько погибших кораблей лежит на гораздо бо́льших глубинах! Как добраться к ним? Человек проник в самые глухие дебри бразильских лесов, побывал на северном и южном полюсах. А вот дно моря, на каком-нибудь километре расстояния от оживленного порта или плавающего города — большого корабля, остается таинственной, неисследованной страной.

Сейчас получено сообщение, что в Соединенных штатах изобретен водолазный костюм, в котором можно будет работать на глубинах в 760 метров. Подробного описания костюма еще нет. Известно, однако, что основную часть его составляет стальной панцырь — скафандр, а рукава и штаны сделаны из очень толстой резины. Внутри панцыря находятся баллон с кислородом и телефон. Водолазу ненужен воздух с поверхности: он берет его с собой и может четыре часа спокойно работать на страшной глубине, разговаривая с людьми, находящимися наверху.

Б О Т А Н И К А

Золото в кукурузе

Профессор Немец в своей лаборатории в Пражском университете изучал состав кукурузных зерен. Он сжег их в фарфоровом тигле и собирался исследовать золу. Но когда тигель открыли, все изумились: фарфоровый тигель стал красноватым. Это была неуловимая, ровная, почти прозрачная окраска, придавшая фарфоровому сосуду сходство с хрусталем. Красноту, однако, можно было счистить пальцем. В сосуде лежал тончайший слой какого-то неведомого вещества, настолько тонкий, что нельзя было узнать, ни что это, ни откуда появилось.



Тогда решили повторить опыт. Зерна жгли медленно, чтобы как-нибудь не упустить загадочное вещество. Зерна раскалялись, превращались в уголь... Длинные, томительные минуты! Наконец, готово! На этот раз нашли красноватую пыль и несколько листочков, тончайших, с желтым блеском. Только коснись их — рассыпятся!

— Золото! — определил профессор Немец. — Мы сделали открытие: в зернах кукурузы содержится золото.

Кукуруза была доставлена в университет из местечка Осляни. На том же участке росли конские бобы. А вдруг и в них золото? Их доставили, сожгли, исследовали, но нет, золота в бобах не было.

Не видно было его и в почве. Не было даже кварцевых жил — спутника золотых россыпей. Самые рьяные золотоискатели отказались бы от этого участка. А кукуруза нашла-таки в его почве золото!

Правда, тех, кто подумал: «Стоит посеять кукурузу, а затем успевай загребать золото», придется разочаровать.

Очень мало золота в кукурузе: на килограмм зерен — тысячная доля грамма. Промышленного значения открытие Немеца поэтому пока не имеет, но научное значение его велико. До сих пор никто не думал, что драгоценные металлы могут накопляться в растении. И одна ли кукуруза собирает золото?

Сейчас уже идут усиленные розыски и других растений-золотоискателей.

АСТРОНОМИЯ

Телескопы-гиганты

Величайший в мире телескоп стоит в специально построенном для него огромном здании на горе Вильсона, в Калифорнии. Он весит 100 тонн. Одно его зеркало — 258 сантиметров в поперечнике и весит 4½ тонны. Звезды кажутся смотрящему в этот телескоп в 130 тысяч раз светлее. И свет их нестерпим для незащищенного темными очками человеческого глаза.

Можно ли построить телескоп еще сильнее вильсоновского? Можно, конечно. И уже начали строить. Но даже для современной техники это очень трудно: ведь каждая часть у такого гиганта размером и весом не уступает части блюминга или 100-тонного крана, а подгонять и шлифовать эту часть надо так, как шлифуется стеклышко микроскопа, или самое мелкое часовое колесико, да затем надо поднять все эти части на какую-нибудь высочайшую вершину горы.

Приходится или почти совсем отказаться от строительства мощных телескопов или придумать какой-нибудь новый способ сделать их меньше и легче.

Два ученых, Ричи и Кретьен, придумали такой способ. Они изменили форму зеркал. Труба телескопа стала от этого гораздо короче. Главное зеркало они предложили делать не из сплошной стеклянной массы, которую так трудно отливать и шлифовать, а из двух дисков — внутри остается пустота.

Такой телескоп установлен совсем недавно в морской обсерватории в Вашингтоне. По силе он один из самых больших в мире, а длина его всего 3 метра. Может случиться, что соперник гиганта с горы Вильсона будет не больше его, а гораздо меньше. И недалеко, должно быть, то время, когда построят еще более могучие телескопы, которые раскроют нам много новых тайн небесных пространств.

Рассказ о летающем коне

Арабская сказка

Обработал М. Салье *Рис. Ю. Кискачи*

Жил в древние времена великий царь. Был у него единственный сын, словно месяц на небе. И однажды, когда царь сидел на престоле, вошли к нему три мудреца. У одного был золотой павлин, у другого — медная труба, а у третьего — конь из слоновой кости и черного дерева.

Мудрецы поклонились царю и сказали:

— О царь, вот мы придумали и сделали эти предметы. В каждом из них есть нечто удивительное и полезное. Прими их в дар от нас, твоих слуг.

— А что же в них полезного? — спросил царь.

И первый мудрец промолвил:

— Взгляни, о повелитель, на этого павлина. Весь он сделан из бледного золота, а глаза его—два больших изумруда. Каждое перо его хвоста украшено драгоценным камнем, и среди них нет двух одинаковых. Но не это в нем удивительно и полезно. Польза его в том, что через каждый час он хлопает крыльями и кричит. Возьми его и будешь знать, сколько часов тебе следует уделить для дела, а сколько — для веселья и забав.

А второй мудрец сказал:

— О царь, моя труба полезнее этого павлина. Положи ее на ворота твоего города, и она будет сторожить его, и когда войдет в этот город вор, она затрубит голосом, подобным грому. Вора узнают и схватят.

А третий мудрец сказал:

— О владыка, эти подарки ничего не стоят в сравнении с моим конем. Видел ли ты когда-нибудь коней, летающих по воздуху?

— Нет, — ответил царь, — и этого не бывает.

— Прими же этого коня и ты сможешь полететь на нем в какую хочешь страну.

После этого все три мудреца поклонились царю и сказали:

— О царь, награди нас за эти удивительные и полезные вещи!

— Я не награжу вас, пока не испытаю полезность этих вещей,—ответил царь.

И царь велел поставить павлина перед собой, и, когда прошел час, павлин захлопал крыльями и закричал.

И царь велел поместить трубу на воротах города и ввести через эти ворота одного из воров, заключенных в тюрьму. Когда он прошел под воротами, труба затрубила голосом, подобным грому, вор не выдержал этого и ничком упал на землю. Царь щедро наградил обоих мудрецов золотом и одеждой. Тогда выступил третий мудрец, владелец коня, и сказал:

— О царь, награди и меня так же, как наградил моих товарищей.

— Сначала я испытаю твоего коня,— сказал царь.

Тогда подошел сын царя (а звали его Хасаном) и сказал:

— О, батюшка, позволь мне сесть на этого коня и испытать его.

— Испытывай его, как хочешь, — ответил царь.

Царевич сел на коня и ударил его пяткой, но конь не двинулся с места.

Хасан закричал:

— Что же ты говорил нам об этом коне, мудрец! Он не двигается с места!

Тогда мудрец подошел к царевичу, показал ему один из винтов и сказал:

— Поверни этот винт.

Хасан повернул винт, и вдруг конь задвигался, поднялся с царевичем к облакам и полетел быстрее ветра.

А Хасан, когда перестал видеть под собой землю, растерялся и закричал:

— Зачем я сел на этого коня? Мудрец нарочно так сделал, чтобы погубить меня!

Он начал осматривать коня и увидел на его правом плече шпенек, похожий на петушиную головку, и такой же шпенек на левом плече.

Царевич повернул шпенек на правом плече, и вдруг конь поднялся выше и полетел еще быстрее. Тогда Хасан повернул шпенек на левом плече коня, и конь полетел медленнее и стал опускаться.

«Теперь я нашел винт под'ема и винт спуска и вижу, в чем секрет этого коня», — сказал себе царевич. Он обрадовался и стал летать то выше, то ниже, то быстрее, то медленнее, как ему хотелось.

А потом он решил опуститься на землю и опускался весь день, так как он залетел очень высоко. Он летел над землей и смотрел на страны, на города, которых он не знал и не видел раньше.

А когда солнце склонилось к закату, Хасан оказался над прекрасным и очень большим городом с дворцами, садами и каналами.

«Я хотел бы знать название этого города и какой там климат»,—сказал себе Хасан. Он принялся кружить над городом и рассматривать его со всех сторон, а потом стал выбирать место, удобное для спуска.

И вот он увидел дворец, окруженный крепкой стеной с бойницами. Это место показалось ему удобным, он начал поворачивать винт спуска, и конь опустился прямо на крышу дворца. Хасан сошел с коня, осмотрел его со всех сторон и сказал самому себе:

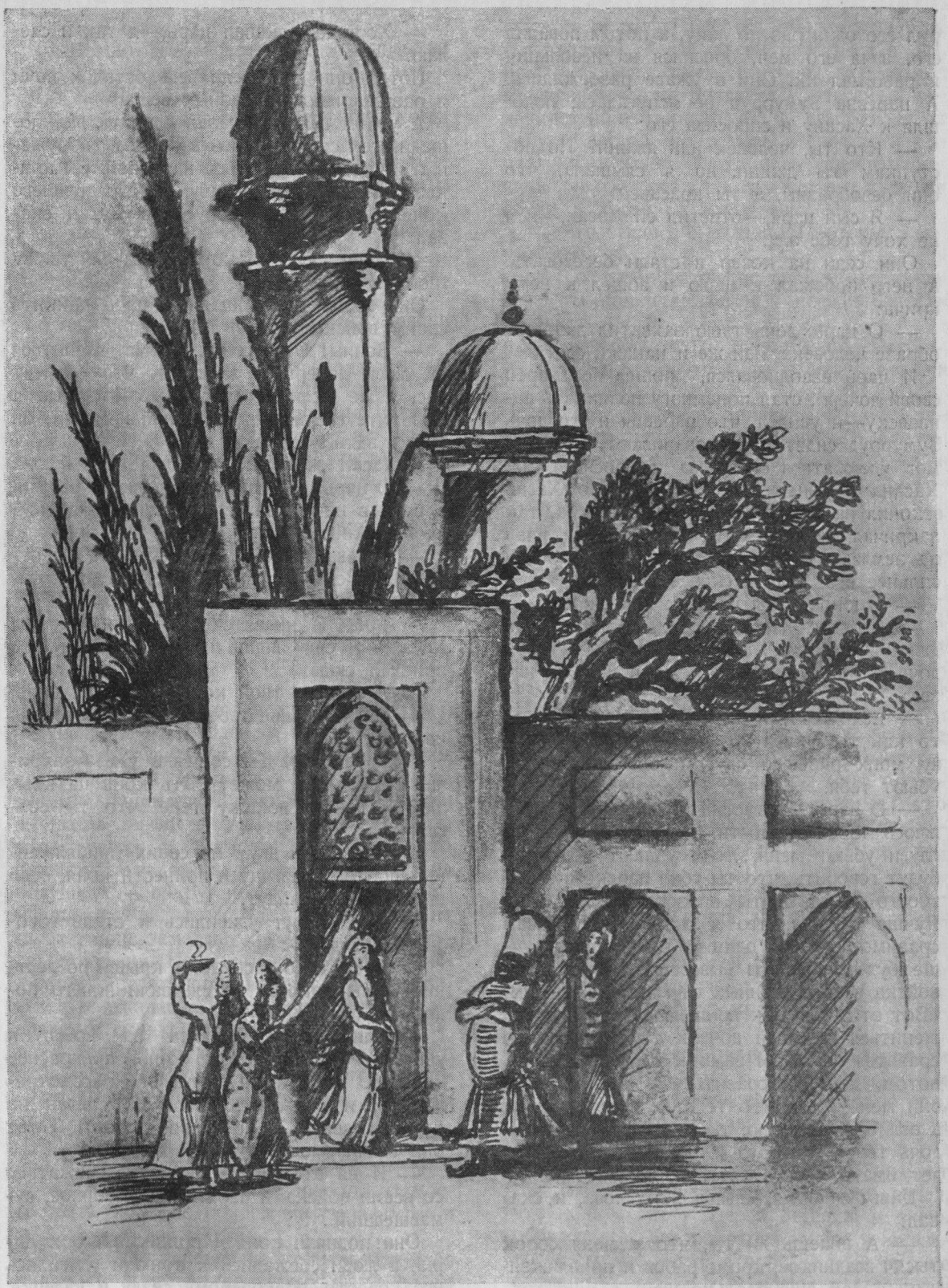
«Тот, кто сделал этого коня,—действительно великий мудрец!»

И Хасан просидел на крыше дворца, пока не узнал, что люди заснули. Его мучили голод и жажда, потому что уж много часов он не ел и не пил. И он сказал себе:

«Не может быть, чтобы в таком большом дворце нельзя было раздобыть пищи».

И он оставил коня и пошел поискать себе еды. Обойдя крышу, он увидел лестницу и спустился по ней. А там он увидел двор, вымощенный мрамором, и удивился красоте этого места. Нигде не слышно было никакого шума и никого не было видно. Вдруг Хасан увидел свет, который приближался к нему, и услышал голоса. И вот он видит: подходит к нему толпа невольниц со светильниками в руках, а посреди них выступает прекрасная девушка. А эта девушка, по имени Зумурруд, была дочерью царя этого города. Царь сильно любил ее и построил для нее этот дворец, чтобы она могла там играть и веселиться. И случилось, что она пришла туда как раз в этот вечер и вошла во дворец со своими невольницами. Хасан пошел за ними. Невольницы разостлали ковры и уставили комнату светильниками, а потом стали играть и веселиться. И был с ними страж, огромный негр, опоясанный мечом.

И негр этот встал в том же углу, где был Хасан, задел его плечом и увидел царевича. Тогда Хасан бросился на негра и уда-



И вот он видит: подходят к нему невольницы со светильниками в руках...

рил его один раз по лицу, а потом повалил его, взял его меч, бросился на невольниц и разогнал их. Они в ужасе разбежались. А царевна Зумурруд не испугалась, подошла к Хасану и спросила его:

— Кто ты, человек или джинн? По поступкам ты джинн, но я слышала, что они безобразны, а ты красавец!

— Я сын царя,—ответил ей Хасан,—и я не хочу тебе зла.

Они сели на ковер и стали беседовать. А негр побежал к царю и вошел к нему крича:

— О царь, дочь твою захватил джинн в образе человека, иди же и накажи его!

И царь взволновался, пошел во дворец своей дочери, стал понемногу поднимать занавеску—и увидел, что царевич и его дочь Зумурруд сидят и разговаривают. Царь не мог удержаться от гнева и бросился на Хасана с обнаженным мечом. Но Хасан вскочил на ноги и, схватив меч негра, так закричал на царя, что тот едва не упал на землю. Тогда царь понял, что царевич сильнее его, стал ласковее и спросил:

— О юноша, ты человек или джинн?

— Я сын царя Персии, а вовсе не джинн,—ответил Хасан.—И если бы не твоя дочь, я убил бы тебя. Как ты осмелился назвать меня джинном?

— Если ты царский сын,—сказал царь,—то как ты вошел во дворец? Вот я кликну моих рабов и слуг, и они тотчас же убьют тебя.

— О царь, — ответил царевич, — я удивляюсь твоей глупости. Если твои рабы и слуги убьют меня, люди узнают об этом, будут говорить, что ты убил царского сына, твоего гостя, и ты опозоришь сам себя. Лучше слушай, что я скажу тебе: давай сразимся с тобой один на один, а еще лучше будет, если ты выведешь ко мне свои войска и вооруженных слуг и скажешь им: «Вот этот человек пришел ко мне и хочет жениться на моей дочери с условием, что сразится со всеми вами и одолеет вас». А потом дай мне сразиться с ними, и если они меня убьют, то тебе не будет позора, а если я их одолею, ты отдашь мне в жены дочь твою Зумурруд и для тебя честью будет иметь такого зятя.

Царь удивился, слыша эти слова, и сказал:

— А знаешь ли ты, что у меня сорок тысяч всадников, кроме рабов и приближенных, а тех еще столько же?

— Приведи их на площадь,—ответил царевич, — и ты увидишь, что будет.

— Хорошо,—сказал царь,—я так и сделаю.

Потом они просидели весь остаток ночи и разговаривали о разных вещах.

А утром царь приказал собрать на площади всех своих воинов в полном вооружении и велел им садиться на коней. Он приказал подвести царевичу самого лучшего коня в прекрасной сбруе, но Хасан сказал:

— Я не сяду на коня, пока не увижу твоих войск.

Они дошли до площади, и царь крикнул своим войскам:

— Воины! Этот юноша хочет жениться на моей дочери и заявляет, что одолеет вас, даже если бы вас было сто тысяч. Возьмите его на острия копий и мечей: он взялся за непосильное дело!

И Хасан сказал:

— О царь, где твоя справедливость? Как я буду с ними сражаться, когда я пеший, а они конные?

— Я давал тебе лучшего коня, а ты отказался,—сказал царь.—Вот тебе кони, выбирай, какого хочешь.

— Мне не нравятся эти кони,—сказал Хасан.—Я сяду лишь на того, на котором приехал сюда.

— А где же твой конь?—спросил царь.

— Он на крыше твоего дворца,—ответил царевич.

— Горе тебе! Ты сошел с ума!—закричал царь.—Как может быть конь на крыше? Я сейчас докажу тебе, что ты солгал.

И царь велел двум из своих приближенных пойти на крышу и принести коня, если они его там найдут.

А люди вокруг удивились и стали говорить друг другу:

— Как это конь сойдет с крыши по лестнице? Мы никогда не слышали ничего подобного.

Приближенные поднялись на крышу и увидели, что там стоит конь, прекраснее которого не было на свете. Они рассмотрели его, и оказалось, что он сделан из черного дерева и слоновой кости. Тогда они стали смеяться и говорить:

— И на этом коне он будет сражаться со всеми войсками царя! Это, наверное, сумасшедший.

Они подняли коня и принесли его к царю, а люди сбежались к коню и удивились его красоте, прекрасному седлу и уздечке.

А царь спросил Хасана:

— О юноша, вот это и есть твой конь?

— Да,—ответил Хасан.

— Возьми же своего коня и садись на него,—сказал царь.

Но Хасан ответил:

— Я сяду на него только тогда, когда твои воины от него удалятся.

И царь велел воинам отойти от коня на полет стрелы. Тогда Хасан сел на коня и сказал царю:

— Сейчас я брошусь на твоих воинов и разгоню их в разные стороны.

— Делай, что хочешь,—ответил царь,— но помни, что и они не пощадят тебя.

А воины выстроились напротив Хасана и говорили друг другу:

— Когда он будет между рядами, мы возьмем его на острия копий и мечей.

А Хасан повернул винт под'ема и вдруг конь заволновался, забился и стал делать все движения, какие делают кони. Внутренность его наполнилась воздухом, он поднялся и полетел.

Царь увидел, что конь поднимается, и закричал своим воинам:

— Горе вам, хватайте его, пока он не улетел!

Но его приближенные и визири сказали ему:

— Кто может настигнуть летящую птицу?

— О царь, наверное это великий колдун, радуйся, что ты избавился от него.

А Хасан взлетел к облакам и потом повернул коня и направил его ко дворцу царевны. А царевна Зумурруд в это время вышла на крышу дворца, чтобы посмотреть, что случится с Хасаном. Она боялась, что воины убьют Хасана, и в слезах лежала на подушках. А вокруг нее стояли невольницы и няньки. Увидев ее, Хасан повернул винт спуска, конь замедлил ход и стал опускаться на крышу. Няньки и невольницы заметили его, страх напал на них, и они с криком разбежались. А царевич опустился на крышу и сказал царевне:

— О Зумурруд, вот я обманул твоего отца и его воинов. Хочешь ли теперь поехать со мной в мою страну и мое царство?

— Да,—сказала Зумурруд,—я поеду с тобой всюду, куда ты захочешь.

— Тогда поспеши сесть со мной на моего коня, пока не прибежали сюда слуги и стража, — сказал Хасан.

Он посадил царевну на коня позади себя и крепко привязал ее веревками, а затем повернул винт под'ема, и они поднялись на воздух и полетели. Они летели до тех пор, пока не достигли царства великого царя и его столицы. Тогда Хасан опустился в одном из садов, отвел Зумурруд в беседку, деревянного коня поставил у дверей и велел девушке стеречь его. А сам пошел к отцу и застал его в горе и печали из-за разлуки с сыном. Когда царь увидел царевича, он обрадовался и прижал его к своей груди, а Хасан спросил царя:

— Что сталось с мудрецом, который сделал коня?

— Горе ему!—ответил царь.—Это из-за него ты покинул нас, и я посадил его в тюрьму.

— Освободи его и приведи его сюда, — сказал Хасан,—потому что это великий мудрец.

И когда мудреца привели, царевич наградил его почетной одеждой и деньгами. Но мудрец очень рассердился, что царевич сам узнал тайну коня и научился один летать на нем, и сказал себе:

«Я обязательно отомщу ему».

А Хасан рассказал царю обо всем, что с ним случилось.

— Знай, что я привез с собой прекрасную царевну и хочу на ней жениться. Я оставил ее в саду эмира Фадл-Аллаха и пришел сообщить тебе об этом. Прошу тебя, собери своих приближенных и визирей и выезжай ей навстречу.

— Хорошо,—ответил царь и тотчас же приказал жителям украсить город и встречать царевну. А Хасан сел на коня, поскакал в сад эмира Фадл-Аллаха и увидел, что беседка пуста и Зумурруд исчезла. Он начал в горе бить себя по лицу и закричал:

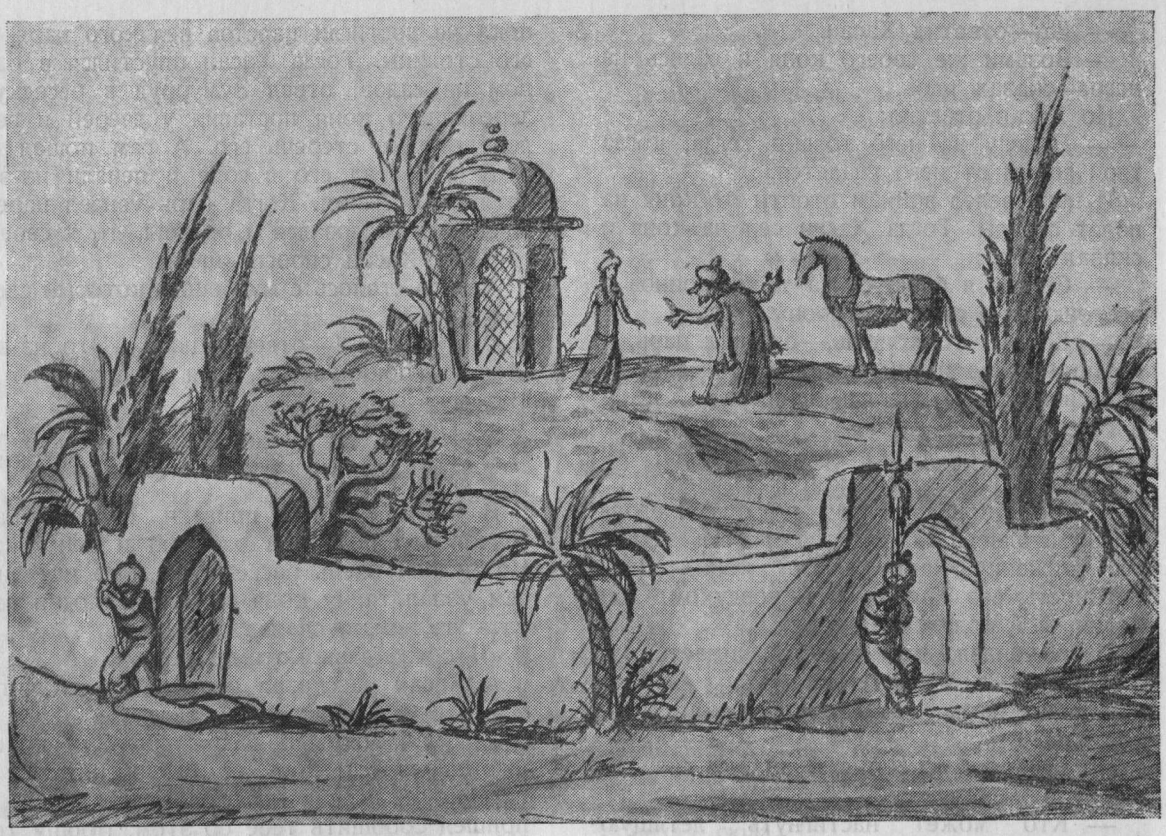
— Где она, и как она узнала тайну деревянного коня, когда я ничего ей не говорил?

Он позвал сторожей сада и спросил их, не приходил ли в сад кто-нибудь.

— Никого не было, кроме мудреца, — ответили сторожа.

И тогда царевич понял, что девушку и коня украл именно этот мудрец. Это так и было. Когда Хасан рассказывал царю о том, где он оставил царевну, мудрец стоял за дверью и слушал. А потом побежал в сад эмира Фадл-Аллаха, надеясь, что найдет там своего коня. Придя туда, он увидел, что конь стоит у дверей беседки, и очень обрадовался. Он осмотрел коня, и оказалось, что все части в порядке и ничего не сломано. Тогда мудрец вошел в беседку и поклонился царевне.

— Кто ты?—спросила Зумурруд.



О госпожа, я посланный от царевича, он велел мне перевезти тебя в другой сад...

И мудрец ответил:

— О госпожа, я посланный от царевича, он велел мне перевезти тебя в другой сад, близко от города. Поедем со мной, и я покажу тебе, что я для тебя приготовил.

Зумурруд поверила его словам и сказала:

— Но на чем же я поеду, отец мой?

— На коне, на котором ты сюда прибыла, — сказал мудрец.

— Но я не умею ездить на нем одна,— сказала Зумурруд.

Мудрец понял, что она не умеет управлять конем, и обрадовался.

— Я сам сяду с тобой, — сказал он. И он посадил Зумурруд позади себя, привязал ее веревками, а потом повернул винт под'ема, и конь наполнился воздухом и полетел. Так они летели, пока город не скрылся у них из глаз. Тогда царевна спросила:

— Куда мы летим, и где царевич?

А мудрец засмеялся и ответил:

— Пусть судьба покарает царевича! Я всю жизнь строил этого коня, а когда я его, наконец, построил, царевич отнял его у меня и дал мне ничтожную награду. А теперь я опять овладел конем и тебя захватил в свои руки, и царевич будет горевать так же, как горевал и я.

Зумурруд поняла, что ей нет спасенья, и заплакала. Они летели до наступления вечера и тогда опустились на зеленый луг, недалеко от города. А в городе жил царь этой страны. И случилось, что царь как раз в это время охотился недалеко от этого места. Он заметил мудреца с девушкой и с конем, и не успели те двинуться, как рабы царя бросились на них, схватили и привели к царю.

— О девушка, кто этот старик?—спросил царь, а мудрец поспешно ответил:

— Это моя жена.

Но Зумурруд закричала:

— О царь, он лжет! Он украл меня и увез меня хитростью.

Тогда царь велел отвести мудреца в город и посадить в тюрьму, а девушку и ко-

ня доставить к себе во дворец. Но он не узнал, как этот конь двигается.

Вот что произошло с мудрецом и девушкой.

Что же касается царевича Хасана, то когда он убедился, что мудрец увез его невесту Зумурруд, он надел дорожное платье и отправился искать ее. Он ходил из города в город и везде спрашивал про летающего коня из черного дерева. Но все смеялись и говорили, что таких коней не бывает и что он, наверное, сошел с ума.

И вот он пришел в один город и остановился переночевать на постоялом дворе. Вдруг он услышал, как один путник говорил другим, собравшимся вокруг него:

— О друзья мои, я видел чудо.

— Расскажи нам о нем,—попросили его, и он сказал:

— Я был в городе Кайсарии, и царь этого города пригласил меня на охоту. И когда мы проезжали по лугу, мы увидели там безобразного старика и прекрасную девушку, а возле них коня из черного дерева. Этот конь — чудо из чудес, никогда не было коня, прекраснее его и лучше сделанного.

— Как же поступил царь со стариком, конем и девушкой? — спросили путника, и он сказал:

— Старика он посадил в тюрьму, а коня и девушку взял к себе во дворец.

Когда Хасан услышал это, он сейчас же подошел к путнику и расспросил его, как дойти до города Кайсарии. На следующее же утро он отправился в этот город и через несколько дней пути дошел до ворот Кайсарии. Но сторожа, стоявшие у ворот, сказали Хасану:

— У нас в городе такой обычай: когда к нам приходит чужеземец, царь велит привести его к себе и расспрашивает, кто он такой и какое знает ремесло. Но сейчас уже поздно идти к царю. Пойдем с нами, ты переночуешь у нас. А завтра мы отведет тебя к царю. — Они привели Хасана к себе и накормили его, а потом один из них спросил царевича, из какой он страны.

— Из Персии, — ответил Хасан.

Тогда другой сторож засмеялся и сказал:

— О персиянин, я много видел людей, но не встречал никого, более лживого, чем тот старик-персиянин, который сидит у нас в тюрьме.

— А в чем его ложь? — спросил Хасан.

— Он говорит, что он мудрец. Царь нашел его на лугу вместе с девушкой и конем из черного дерева. Царь посадил старика в тюрьму, а коня и девушку взял во дворец. Но только эта девушка бесноватая, и если бы персиянин был на самом деле мудрецом, он бы ее вылечил. А он не может, и царь не нашел еще никого, кто бы мог вылечить девушку.

— Отведите меня к царю, и я вылечу эту девушку, — сказал Хасан.

И когда настало утро, его привели к царю, и он сказал:

— О царь, я из людей науки и особенно хорошо знаю науку врачевания. Я лечу всех больных и бесноватых, и стоит мне посмотреть на больного, как он становится здоровым.

— О великий мудрец, тебя-то нам и нужно! — закричал царь. — Вылечи девушку, которая находится у меня, и я дам тебе все, что ты потребуешь!

— Расскажи мне, чем больна девушка,— сказал Хасан.

И царь рассказал ему все, что было с девушкой, конем и мудрецом.

— А что ты сделал с конем? — спросил царевич, и царь ответил:

— Он стоит у меня в сокровищнице.

Тогда Хасан обрадовался и сказал:

— Мне необходимо взглянуть на этого коня, и тогда я, может быть, найду средство вылечить девушку.

Царь привел Хасана к коню, и Хасан обошел его, осмотрел и увидел, что конь цел и в исправности.

— Теперь я пойду посмотреть девушку, — сказал он, — и вылечу ее при помощи этого коня.

Он вошел к Зумурруд и увидел, что она бьется и падает как бесноватая. А она не была бесноватой и делала это нарочно, потому что царь хотел жениться на ней.

Хасан подошел к ней и начал тихо с ней разговаривать. И когда она узнала его, она вскрикнула от сильной радости. А Хасан велел царю выйти и сказал Зумурруд:

— Чтобы нам спастись отсюда, нужна хитрость. Ты увидишь, что я придумал, а пока успокойся, и, когда царь войдет, говори с ним ласково, чтобы он увидел, что ты выздоровела. Тогда исполнится все, что мы хотим.

— Я так и сделаю, — сказала Зумурруд.

И Хасан вышел к царю и сказал:

— О царь, будь счастлив, болезнь у девушки прошла.

Царь обрадовался и вышел к Зумурруд, а она встала ему навстречу и сказала:

— Добро пожаловать!

Царь был в восторге и сказал Хасану:

— Как мне наградить тебя?

— Но лечение еще не окончено, — сказал Хасан. — Собери своих воинов и пойди с девушкой на то место, где ты ее нашел. Возьми с собой и коня из черного дерева. Там я уничтожу злого духа, который мучает девушку, и он никогда к ней не вернется.

— Я охотно исполню это, — сказал царь.

И он поехал на луг со своими войсками, с конем и с царевной Зумурруд. Там Хасан попросил царя и его воинов отойти от коня на полет стрелы и сказал:

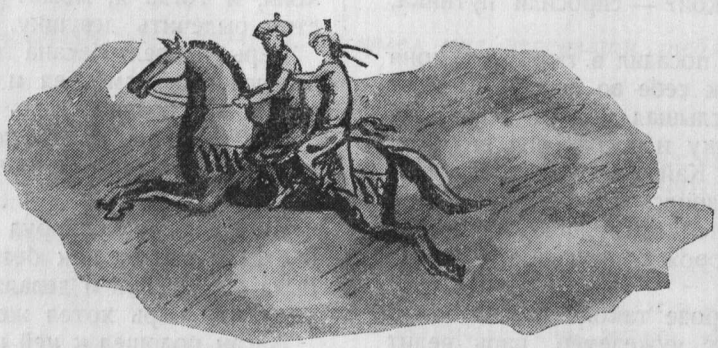
— Я зажгу куренья, прочту заклинанья и убью здесь духа, а потом сяду на черного коня вместе с девушкой и привезу ее к тебе.

И царь очень обрадовался и отошел со своими воинами на полет стрелы.

А Хасан и Зумурруд сели на коня, царевич повернул винт под'ема, конь поднялся на воздух и полетел. А царь и воины смотрели на коня, Хасана и на Зумурруд, пока они не скрылись с глаз. Царь простоял на месте полдня, ожидая царевича, но он не вернулся. А потом царь возвратился к себе во дворец и не мог утешиться от того, что потерял девушку и коня. Его приближенные утешали его и говорили:

— Этот врач—колдун, и очень хорошо, что он улетел и ты избавился от его колдовства.

А Хасан полетел к городу своего отца, к его дворцу, и опустился во дворе. Он поселил Зумурруд во дворце и устроил пир для всех жителей города по случаю своей свадьбы. А царь, его отец, очень обрадовался, что сын его вернулся живым и здоровым и сломал коня из черного дерева, чтобы царевич Хасан не мог больше улететь.



Секретная операция

Рассказ бывшего комиссара дивизии Котовского тов. П. А. БОРИСОВА

Рис. Б. Винокурова

В 1921 году, уже после того как Красная армия разгромила Врангеля и сбросила его в Черное море, кавалерийская дивизия имени Котовского получила приказ выступить против банды Антонова, который поднял кулацкое восстание в тогдашней Тамбовской губернии.

И вот мы в Тамбовской губернии. Бойцы расположились в селе Сосновка, у города Моршанска, а штаб дивизии с Григорием Ивановичем Котовским — в селе Медном, Сампурского уезда.

Командир дивизии Григорий Иванович Котовский нередко собирал у себя командиров и политработников части. В полутемной крестьянской избе, с единственным столом, двумя табуретками и небольшой скамейкой, усаживались мы за военную карту и разрабатывали план дальнейших действий.

Помню, собрались мы вот так у него 19 июля. Уже вечерело. На дороге лежали длинные тени домов и деревьев. Солнце садилось за полем. Вдруг все умолкли и насторожились. В нашей обстановке надо держать ухо востро. Послышался конский топот. Через минуту часовой задержал всадника. Конь под ним дымился, и белесая пена покрывала его впалые бока. Старый кавалерист вошел в избу. От долгой и быстрой скачки он с трудом передвигался, необыкновенно широко расставляя усталые ноги. Лицо и одежда — в грязи, а левый сапог — с разинутой пастью. Все мы в ту пору были одеты не лучше него.

— Комдив Котовский кто? — спросил он, с трудом переводя дыхание.

Товарищ Котовский поднялся из-за стола и грузно шагнул навстречу. Он был на голову выше всех.

— Я Котовский.

— Пакет.

— Откуда?

— От штаба главного командования, — и передал ему пакет.

Главное командование вызывало нас с кавдивизионом лучших бойцов в штаб немедленно. Это было и неожиданно и непонятно. Через некоторое время автомашина поскрипывая уже катила в штаб.

В условиях гражданской войны нет безопасных дорог, как нет тыла и фронта. Всюду фронт: фронт за каждым поворотом дороги, за кустом, за скирдой соломы, за пригорком, у околицы каждой деревни.

В пути нас несколько раз обстреливали. Мы в долгу не оставались, и наш пулеметчик отвечал из кольта, установленного тут же, в автомобиле. С такими приключениями мы добрались до штаба командования.

Пока мы ехали, Григорий Иванович говорил мало и только раз или два сказал вслух то, что думал:

— К-к-о-мис-сар, в чем же дело? — после контузии на южном фронте Григорий Иванович слегка заикался, а когда волновался, то заикание усиливалось. — По какому поводу в-в-вы-з-зы-вают? — говорил он

и, как бы отвечая самому себе, продолжал: — Может быть, для награждения лучших бойцов?

Я не знал, что ему ответить, и тоже терялся в догадках.

Григорий Иванович был плотный человек, высокого роста, с круглым лицом, карими небольшими, но проницательными глазами. Бритые губы всегда плотно стиснуты, отчего рот его казался большим. Про него уже в то время ходили легенды.

До революции он служил управляющим, насколько мне помнится, у румынского помещика. Помню его рассказ о том, как, будучи управляющим у этого помещика, он с ним серьезно поссорился. Помещик добился у царского правительства, чтобы Котовского об'явили вне закона. После этого Григорий Иванович вынужден был скитаться. Ему грозила виселица. Еще до Октябрьской революции Котовский организовал партизанский отряд, потом командовал батальоном, полком, бригадой, дивизией, а в 1922 году — кавалерийским корпусом. За четыре года гражданской войны я видел его в десятках боев, и он неизменно в самых опасных местах подавал бойцам и командирам пример мужества, отваги и геройства.

Во время пути я стал догадываться, что неспроста вызывают именно Котовского, а не кого-нибудь другого да к тому же и кавалерийский дивизион. Не иначе, как хотят дать какое-то особое боевое задание.

В штабе главного командования нам передали из рук в руки капитана царской армии и вот что рассказали при этом.

Недавно на советской границе пограничники задержали трех белогвардейцев. Они пробирались из-за границы в Москву на тайное совещание, где должны были выработать план тамбовского кулацко-эсеровского восстания для свержения советской власти. На этот же с'езд в Москву выехали тайно представители тамбовского восставшего кулачества и белогвардейцев. Среди них был и тот капитан, которого нам передали.

Главное командование поручило нам уничтожить основные силы Антонова, которыми в то время командовал хитрый старый и опытный фельдфебель царской армии Матюхин.

Матюхин отвел антоновские банды в тамбовские леса и там решил держаться до лучших времен, не принимая боя.

В лесах, где его люди знали каждую тропинку, каждый овражек, он был неуловим. Надо было вытянуть Матюхина со всеми его бандами в открытое поле и там с ним померяться силами. Но как это сделать?

Вот над этим-то мы и думали с Григорием Ивановичем несколько дней.

И придумали.

Мы решили сформировать из наших лучших бойцов небольшой отряд и под видом казаков, прорвавшихся с Дона и Кубани, идти на соединение с антоновскими войсками.

Это было трудное и рискованное дело. Трудное потому, что нужна была особая подготовка всех бойцов. Надо было в кратчайший срок наладить связь с противником и соблюдать строжайшую осторожность. Одно неосторожное слово бойца могло погубить все дело.

Трудность заключалась еще в том, что во главе нашего отряда первое время должен был стоять капитан, которого мы привезли из штаба. Отряд должен был исполнять его команду. Капитан всех уверял в преданности советской власти. Но как мы могли этому поверить? Ведь всего две недели назад он стоял во главе антоновских банд как начальник их штаба и ему подчинялись главные силы Матюхина. А вдруг он изменит? Заведет нас к Матюхину и только бровью поведет, как мы будем уничтожены.

Но приказ штаба был приказом партии, и его надо было выполнить во что бы то ни стало.

В летние сумерки отобранные бойцы собрались на холме, за селом Медным.

Мы с Котовским рассказали им свой план, предупредили их, что дело это нелегкое, что оно требует особой осторожности и безоговорочной крепкой дисциплины, что бой можно открывать только по особому сигналу, что политруки, коммунисты и комсомольцы должны быть примером отваги и мужества. Ведь эту операцию мы должны будем провести необычным порядком. Отныне мы будем называться не Красной кавалерийской дивизией, а белогвардейским отрядом, прорвавшимся с Дона на соединение с отрядами антоновских банд для совместных действий против Красной армии. Григорий Иванович будет называться атаманом Фроловым, командиры полков — есаулами, а красноармейцы — станичниками.

Выслушав нас, бойцы сначала молчали в недоумении. Затем поднялся шум, говор, и через мгновенье несколько бойцов вырва-

лось на конях из строя и, рассекая воздух клинками, кричало:

— Бей бандитов!

Перед выступлением, которое назначено было к полуночи, кавалеристы поснимали с себя все знаки Красной армии, эскадронные значки, красные банты. Сдали документы, нашили казачьи лампасы на штаны. Одни нарядились в шинели, другие — в зипуны, в пиджаки. Командиры надели шапки-кубанки.

Отряд выступил около полуночи. В деревне — ни одного огонька. Луны тоже не было. Кругом густой мрак. Колонна шла молча. Гулко цокали копыта о сухую землю, звякали стремена, и, оступившись, всхрапывали кони.

Вдруг откуда-то сбоку, из темноты, выскочил конный. Он во весь опор промчался вдоль колонны, наскаку негромко выкрикивая:

— Красные слева! Красные слева открывают огонь!

Так же негромко отдается команда. Голова отряда быстрым аллюром уходит вперед, а прикрытие готовится к бою. Действительно, вслед за криком конника слева замелькали огоньки и послышалась ружейная пальба. Вначале редкая, она учащалась, уже слышались залпы. Затакали пулеметы, наше прикрытие ответило ружейным огнем. Головной отряд тоже дал несколько залпов. Вот затрещали пулеметы нашего прикрытия, и пулеметы противника смолкли.

Этот бой мы сами инсценировали с согласия нашего командования: обе стороны стреляли в воздух, чтобы антоновские банды убедились, что мы казаки с Кубани. Нам надо было разыграть этот бой, как будто мы и в самом деле прорвались через линию красных. Эту ночную перестрелку Матюхин должен был слышать в лесу или ему могли донести о ней.

Отряд уже спокойно продолжал свой путь. Впереди ехал капитан. Конь у него с виду хороший, но далеко на нем не ускачешь. На боку у капитана висит кобура, и в ней револьвер. Револьвер не только без патрон, но даже и без барабана. Рядом с капитаном, стремя к стремени, едет Котовский.

В полночь отряд подошел к деревне Дмитриевке-Кобылянке, занял заранее намеченную, наиболее выгодную позицию. Котовский, я и еще несколько человек под'ехали к деревне. Тут капитан как-то особенно свистнул, и точно из-под земли перед нами появился деревенский парень. Капитан отдал ему распоряжение:

— Сейчас же скачи к Матюхину и вели ему со всеми силами явиться сюда.

Передал парню пакет с приказом, и тот пропал в темноте.

На случай неожиданности или измены мы сейчас же выставили всюду посты и дозоры. Бойцы заранее хорошо ознакомились с этой местностью и зорко наблюдали за деревней и ее окрестностями.

Вдруг также неожиданно появился посланный и передал капитану записку. Матюхин писал, что он подчиняется приказу капитана, но должен убедиться в том, что приказ действительно исходит от самого капитана, и потому высылает делегацию.

●

Дело неожиданно осложнялось. Уж не догадался ли Матюхин о нашей хитрости? Или его разведчики донесли ему, что это за кубанцы идут к нему на соединение? Мы невольно переглянулись и ждали, что скажет капитан.

— Где делегаты? — спросил капитан парня.

— За деревней, в яру, — ответил парень.

Тогда капитан обратился к товарищу Котовскому:

— Атаман Фролов, прикажите построить часть.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие,— ответил Котовский и отдал распоряжение.

●

Через несколько минут прибыло трое делегатов. Нас познакомили с ними. Двое из них были пожилые, а третий—молодой. От лишних разговоров мы уклонились и сразу же двинулись за деревню смотреть построенную часть. Шли деревней мимо темных домов. Вдруг в одном из них с шумом открывается окно и хриплый голос окликает:

— Сашка, ты что это, никак к красным подался?

Молодой делегат крикнул:

— Потом расскажу!

Этот короткий разговор заставил нас еще более насторожиться. Что значит такой вопрос? С виду деревня как будто спала, а на самом деле за нами следили из-за каждого угла. Сашку я взял под свое наблюдение.

— Мы дивизия Котовского... И пришли вас уничтожать.

Отряд выстроился, и бойцы стояли каждый у головы своей лошади. Делегаты обходили фронт, в полутьме пытливо разглядывая лица, оружие и одежду кавалеристов. Один из делегатов, хмурый, недоверчивый, прятавший маленькие, медвежьи глазки под лохматыми бровями, неожиданно сказал:

— Такой большой переход, а какие справные кони.

Сказал он это как бы между прочим. Но слова его не прошли бесследно: на них сейчас же откликнулся другой делегат, бурча что-то о том, что после больших переходов кони худеют. Без сомнения, у делегатов закрадывалось подозрение. Выскажут они свои впечатления Матюхину и могут расстроить дело.

Разрабатывая эту операцию, мы предусмотрели все мелочи, и ответ был у меня готов, но тут вмешался красноармеец Ковальчук:

— Так мы же стояли две недели у лесу, что под Кошеватым, пока искали прорыва. Вот кони и нагулялись, братишка!

Делегаты повеселели. Они были довольны, что такая хорошо вооруженная часть пришла к ним на соединение, и хвастнули, будто били самого Котовского. Двое делегатов тут же уехали вместе с нашими представителями товарищами Захаровым и Симоновым к Матюхину, а третий, Сашка, остался в деревне под нашим наблюдением.

— Пойдем к батьке, — предложил он мне, и мы вошли в дом, из которого его окликали.

Там его уже ждали. Стол был накрыт. На столе между закусками стояли бутылки с самогоном. За столом старуха, мать Сашки, слезно уговаривала его бросить бандитов, но отец, бывший староста, грозно взглянув на мать, сказал сыну:

— Прокляну, если уйдешь от Матюхина!

Мне налили стакан самогону. Сашка с отцом уже выпили, и мне нельзя было не пить. Белогвардейцы и бандиты в то время все пили много. Но мне и пить было нельзя: через час или два должна была наступить решительная минута. Я неловко стукнулся локтем об стену и пролил самогон на шинель. Уже охмелевшие собутыльники хитрости моей не заметили.

Вдруг Сашка выбежал за дверь. Мне хотелось броситься за ним, чтобы не упустить его из виду, но, чтобы не возбудить подозрений кулацкой семьи, я, медленно пошатываясь, пошел к выходу. Сбежав с крыльца, я вскочил на лошадь товарища

Попова. Это был самый быстрый конь в нашей дивизии. Редкая лошадь могла ускакать от него. Вначале я поскакал по деревне, затем повернул в проулок, не нашел Сашки и поскакал к нашим дозорам за деревней. Часовые никого не видели. У меня немного отлегло от сердца. Сашку я нашел в кругу мужиков и молодых парней. Он там уже успел рассказать, что они соединяются с донцами и идут на красных.

●

Ночь перед рассветом полна неясных шорохов и звуков. Слышно, как блеет овца, как жует жвачку корова... Кто-то храпит на сеновале. Перед боем особенно обостряются зрение и слух. Слышишь то, чего в обычное время никогда бы не услышал.

Вдруг слух улавливает как будто отдаленный конский топот. Несколько секунд мертвой тишины, и явственно доносятся заглушенные дорожной пылью удары копыт. Через минуту во весь опор влетел в деревню кавалерист. Перед нами он круто осадил лошадь и задыхаясь проговорил:

— Товарищ комиссар, идут!

— Т-с-с! Какой я тебе комиссар!

— Виноват, ваше благородие, — поправился товарищ Захаров и взял под козырек.

— Идут, идут! Матюхин!

— Идут? — переспросил Котовский.

— Так точно! — ответил Захаров.

— Ты что бледен? — всматривается в него Котовский.

Захаров вплотную под'езжает к нему и шепчет на ухо:

— Обыскали меня бандюги. Нашли красноармейский значок, да я выпутался. Сказал, что сбег от красных... Перепугался: думал, что все дело погибло.

— А ч-ч-чорт!—выругался Котовский.— Валяй в часть. Повтори приказ.

Захаров так же, на ухо, повторил приказ и готов был ускакать к отряду, когда Котовский спросил:

— Где Симонов?

— Симонов с ними, — ответил Захаров и ускакал.

Через несколько минут прискакал из лесу Симонов с тем же донесением.

Уже светало, и небо над лесом серело. Из лесу доносился шелест, точно в нем поднималась огромная стая птиц. Звуки, все усиливаясь, перешли в ровный шум, как будто над лесом проносился ветер.

Когда из лесу показались первые конные части Матюхина, наши охранения отошли к отряду.

— Ну, капитан, — сказал Котовский,— наступает решительная минута. Вы знаете, с кем имеете дело? Если мы погибнем, то и вы погибнете с нами.

— Что обещал, все сделаю, — ответил капитан.

Части Матюхина выбирались из лесу. Их было много. Наш отряд стоял в боевом порядке. Наступал решительный час: либо мы победим либо с честью погибнем — это понимали все.

●

В древней Греции был полководец Пирр. Однажды он одержал победу, но потерял почти всю свою армию.

Командование Красной армией избегало пирровых побед, стремилось к тому, чтобы побеждать врага с самой незначительной потерей бойцов.

Как только красноармейцы заметили движущееся на деревню облако пыли, они сами, не дожидаясь команды, заняли отведенные им места. Тут же проверили состояние пулеметов и прицел, подтянули подпруги у седел, попробовали, легко ли вынимаются сабли из ножен, осмотрели свои винтовки и поправили патронташи. То же самое проделали артиллеристы со своими орудиями. Когда в отряд прискакали Симонов и Захаров, все было готово к бою. И стоило дать сигнал, как через секунду бандитские части были бы засыпаны шрапнелью и пулеметным огнем.

Но красноармейцы не стреляли. Они, много раз бывавшие в боях, опытным глазом прикидывали надвигающиеся силы врага и видели, что они много больше наших. Если нам не удастся чем-нибудь расстроить вражеские ряды, то победа может нам обойтись очень дорого и обратиться в пирову победу. Вот почему мы не открывали огня по врагу, выходившему из лесу.

Отряд наш весь ощетинился и настороженно затих. Эта необычная тишина невольно передалась и нам, оставшимся в деревне для встречи Матюхина.

Нам предстояло провести последнюю подготовку к бою — совещание с матюхинскими командирами.

По нашему замыслу, на совещании мы должны были захватить весь командный состав врага, уничтожить его и тем самым расстроить ряды бандитов, подорвать их боеспособность.

Матюхин прибыл с головным отрядом и в сопровождении своих командиров явился к капитану. Когда мы взаимно представились, я спросил его, как он думает расквартировать бойцов, и предложил одну из его частей поместить вместе с нашими. Матюхин некоторое время размышлял, а потом сказал:

— Знаете, мы народ русский, а вы с Украины, национальность разная: еще поссоримся. Давайте расположимся отдельно.

И тут же отдает приказ: коней не расседлывать и в конюшни не ставить.

Этот старый царский волк был очень осторожен, у него были насчет нас какие-то подозрения.

Мы незаметно между собой переглянулись и посмотрели на капитана. Он понял:

— Командиры и комиссары соединяющихся частей, я сейчас открываю совещание. Прошу следовать за мной, — сказал он и направился к дому, а мы — за ним.

●

На совещание явилось 11 наших и 16 бандитских начальников.

Обширная деревенская изба. Правый угол до потолка убран иконами. Большой стол выдвинут и нарочно поставлен нами так, что вместе с углом избы образует треугольник. На столе жареный поросенок, разная снедь. Пол устлан сеном. По стене и вокруг стола скамейки. Бой начнется здесь, и все расставлено по заранее обдуманному плану. Бандитских начальников мы усадили за стол в восточный угол, под образа, пользуясь при этом разными, порой шуточными, предлогами. Только один из них, тамбовский бандитский «комиссар», наотрез отказался сесть за стол и расположился на полу, положив винтовку к себе на колени. Часть наших товарищей заняла места с наружной стороны стола, сидя вперемежку с бандитскими начальниками, а другие стали за спинами сидевших. Комната освещалась сальником, и по стенам бродили широкие тени.

Капитан открыл совещание:

— Я, господа командиры, сам не буду делать доклада, а поручаю его сделать моему союзнику, представителю группы Савинкова, — Борисову. Нет возражений?

Все молчали; на стене шарахались тени.

— Прошу, — закончил капитан.

Нельзя сказать, чтоб я был плохой рассказчик или агитатор. Я умел говорить с крестьянами, а тут почему-то встал и молчу.

Это замешательство продолжалось всего несколько секунд, а казалось мне бесконечно долгим. Наступил ответственный и решительный момент. Встретились враги. Чтобы овладеть собою, я и говорю:

— Послушайте, господа командиры, прочитать ли резолюцию или просто рассказать о самой сущности контрреволюционного с'езда в Москве?

Матюхин отвечает:

— А ты нам попроще, да поближе к делу.

— Правильно, — подсказывает тамбовский бандитский «комиссар». Он с самого прибытия был настроен к нам недружелюбно.

Пока обменивались ничего не значащими репликами, мозг мой лихорадочно работал. В голове стало вдруг все поразительно ясно.

У меня в кармане, как и у всех моих товарищей, лежал револьвер со взведенным курком. Я видел, как тот или другой из товарищей снимает руки со стола и кладет их на колени, а то и прямо в карман, ощупью оправляя наган. Это вселяет в меня уверенность, и я делаю доклад.

Мысль доклада в основном была следующая: идти против советской власти соединенными силами и взять Тамбов и Москву.

Выступивший затем Котовский сказал, что он в принципе согласен с докладом, но командование соединенными силами хочет принять на себя.

Матюхин возразил Котовскому:

— Господа донцы и кубанцы, — сказал он. — Командование я оставляю за собой. Отряд ваш небольшой, и он должен влиться в главные силы... Да и местность мы лучше знаем.

Завязался спор. Особенно возражал тамбовский «комиссар». Он совсем не хотел соединяться.

Мы заранее уговорились, что последним будет говорить Котовский и взмах его левой руки будет сигналом для нас.

И вот Котовский берет последнее слово. Он встает, и в лице его заметна бледность. Владеть собой он умел, но здесь с ним случилось тоже что-то непонятное. Он сразу

Бегут бандиты, потерявшие своих командиров.

не мог начать говорить. А когда, наконец, заговорил, то заикался больше обычного. Как только он встал, у нас руки невольно опустились в карманы и каждый наметил себе первого противника.

Наметили и смотрим на Котовского, ожидая условного сигнала—взмаха левой руки.

Вдруг Котовский громовым голосом крикнул:

— Мы дивизия Котовского... и пришли вас, бандитов, уничтожить!

И, не успев закончить фразу, выхватил наган, опустил курок — осечка, второй раз — осечка.

Вдруг выстрел... Котовский стал медленно оседать на скамейку. Это выстрелил тамбовский бандитский «комиссар», сидевший на полу. Одновременно с выстрелом наши бойцы дали залп, другой, а потом все смешалось.

Угол под образами наполнился дымом. С потолка посыпалась какая-то труха. Стекла дребезжали, и осколки падали на пол. Сальник погас. А стрельба продолжалась.

При первом же залпе капитан нырнул под стол и переполз на нашу сторону.

Стрельбу в избе услыхал наш отряд. Для них это тоже было сигналом.

Сквозь разбитые окна и серое облако порохового дыма, заглушая стоны раненых, в избу ворвалось таканье наших пулеметов. Мы спешим на улицу, чтобы руководить боем. На пороге я наталкиваюсь на большую фигуру Котовского. Котовский медленно движется к выходу. Он тяжело ранен в грудь и плечо.

— К-к-ко-мис-сар, — говорит он, и в груди у него что-то булькает. Мы его поддерживаем под руки, и он обнимает нас.

— Принимай командование, — тихо продолжает Котовский. — Кончай бой с честью.

Я выскакиваю на улицу, кричу во весь голос:

— По ко-о-ням!

На улице паника. Скачут лошади без всадников. Бегут растерянные бандиты, потерявшие своих командиров, не вернувшихся с совещания.

Покрывая пулеметный и ружейный треск, за деревней гремит «ура!» Это конники пошли в атаку.

Ко мне со всех концов скакали красноармейцы с донесениями.

Бандиты бросали оружие, разбегались по полю, прятались в лесу и деревне. Безоружных бандитов красноармейцы собирали на площади.

Сразу же, как только смолкли последние выстрелы, в деревне было созвано общее собрание населения.

На собрании открылась любопытная картина: кого из крестьян ни спрошу, все они были выпороты антоновцами. На собрании мы раз'яснили, что такое советская власть и чего она хочет для трудового крестьянства. Когда мы заявили, что никого не тронем и даже поможем наладить трудовую жизнь, крестьяне тут же привели на собрание еще 70 скрывавшихся бандитов. Мы оставили бедноте 50 лошадей, и когда отряд выступил из деревни, середняцко-бедняцкая часть населения поднесла нам хлеб и соль.

После этой операции наше главное командование особым приказом сообщило, что силы Антонова сломлены и кулацкое восстание в основном ликвидировано. Одновременно население было оповещено о том, что всем участникам восстания, добровольно явившимся в распоряжение частей Красной армии и органов советской власти, будут дарованы свобода и право на свободный труд.

Среди оставшихся в живых командиров антоновских банд был совсем еще молодой офицерик Муравьев. Когда его привели ко мне, он держался дерзко.

— Вы меня уничтожите, — сказал он мне.

— Да, если вы не поймете своего заблуждения и чистосердечно не раскаетесь, — ответил я ему.

Он немного замялся и заговорил:

— Я видел вашу игру в составе целой дивизии... Когда мы получили приказ начальника штаба, немногие из нас сомневались. Я первый поверил, что вы действительно казаки Дона и Кубани и идете к нам на помощь. Понятно, что вас, руководителей, трудно было раскусить, но как рядовые бойцы не провалили ваш план, не проговорились, — этого я не понимаю.

Я внимательно посмотрел на него, на его дрожащие губы с едва пробившимся пушком, на соломинки на одежде. Его нашли на сеновале, и он не успел еще отряхнуться. Я спокойно сказал ему:

— На последнее я вам отвечу, об'ясню вам, в чем разница между вами и нами и почему красноармейцы не выдали наших планов. Очень просто, молодой человек. Когда мы убрали вашу головку — командиров, вся ваша армия разбежалась, потому что у нее нет соединяющей ее идеи. Это был просто обманутый народ. Наш же отряд, услышав выстрелы, без командиров начал бой. Вот этого вы не понимаете. Не понимаете того, что Красная армия спаяна единой идеей, партией Ленина, и каждый красноармеец знает, за что он бьется.

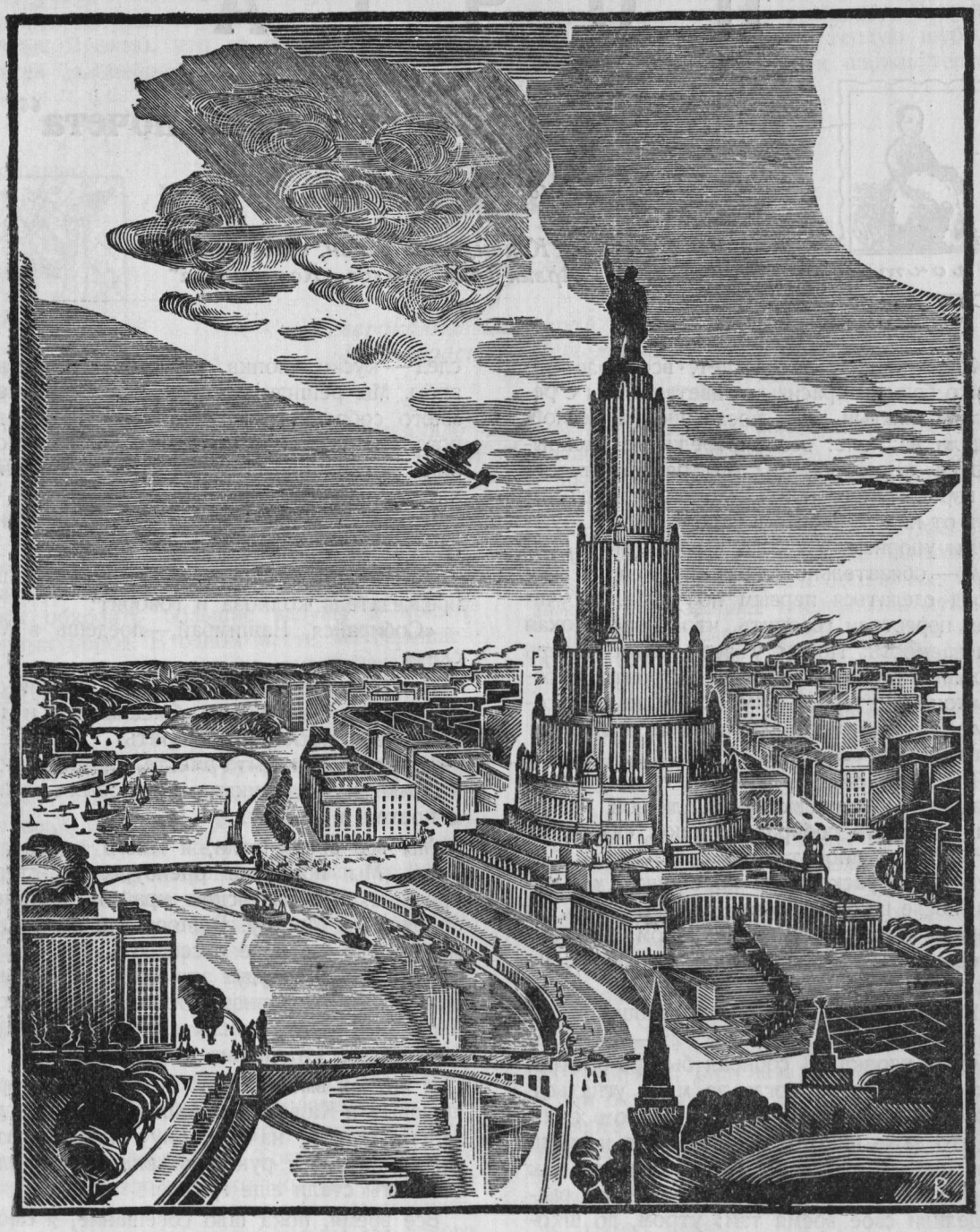
Он смотрел на меня, широко раскрыв глаза, и у него вырвалось восклицание:

— Вы, большевики, добьетесь своего! Я это признаю.

— Сделайте еще один шаг, признайте чистосердечно свою вину, и дорога вам будет открыта, как и тем, которые сегодня были на деревенском собрании.

Позже я узнал, что Муравьев, отправленный в Главный штаб, был помилован.

Вернувшись в селение Медное, дивизия получила приказ возвратиться на Украину. Месяца через полтора, залечив свои раны, вернулся в свою дивизию Григорий Иванович Котовский.



Дворец советов.

Гравюра на дереве П. Рябова.

ПОЧТА

За что я получил „Знак почета“

Письмо Нашимбая Кадырова

Кокандский район, сельсовет Арзик-Тепа, колхоз „Коммунист“

Когда хлопок расцветает, все поле покрыто белыми красивыми цветами. Мы с ребятами каждый день, после школы, весной, ходили на поле: все смотрели, не раскрываются ли коробочки? Мы решили вместе со взрослыми собирать хлопок и не отставать от них. А ребята в нашем отряде дружные и упорные. Уж если мы что-нибудь решим — обязательно сделаем. Решил наш отряд сделаться первым по учебе. И учителя перестали говорить, что у нас плохая успеваемость. Почти у всех ребят теперь хорошие отметки. Решили устроить фотокружок — и теперь уже все члены фотокружка умеют снимать и сами проявляют фотоснимки.

Я сказал своим лучшим товарищам — Мавланову, Халмаджану, Салиевой Данахан: «Давайте собирать хлопок сами».

Ребята со мной тут же согласились.

И, когда раскрылись коробочки, мы вышли после школы в поле. В первый день мы собрали немного хлопка. А потом, вечером, поговорили и решили собирать хлопок не одной, а двумя руками.

И сразу дело пошло очень хорошо. Я собирал за три—четыре часа 25—30 килограммов хлопка. Я собирал быстро-быстро, даже взрослые не могли за мной угнаться.

Все ребята так увлекались сбором хлопка, что даже никого звать на поле не надо было: ребята шли сами. Но мы боялись, как бы это не отразилось на учебе. И мы распределили свое время так: утром, до школы, — сбор хлопка, а вечером — готовить уроки к занятиям. У меня по всем предметам «отлично».

У нашего колхоза «Коммунист» очень большие поля. И когда отвозят хлопок на свалочный пункт, — арбы нагружены доверху. С утра до позднего вечера едут арбы с хлопком по дороге. И за ними остается след — куски хлопка, которые свалились с арбы. Мы решили их собирать. Ведь очень много собранного хлопка теряется по дороге. Мы развесили по дороге большие корзины, и все наши пионеры складывали в них хлопок, который находили по дороге.

Колхозники нас хвалили, говорили: «Много хлопка сберегли вы нам, ребята!»

Как-то, после школы, к нам домой зашел председатель колхоза и говорит:

«Собирайся, Нашимбай,—поедешь в Москву».

Это было очень неожиданно. Я живу с бабушкой. Она очень обрадовалась и начала меня поскорей собирать.

И вот из Ташкента вместе с другими колхозниками—ударниками хлопковых полей—я поехал в Москву.

Мы все время пели, я много смотрел в окно. Мы проехали оренбургские степи, проехали Куйбышевский край и, наконец, приехали в Москву. В Москве я видел так много, что всего не рассказать. Но одного я никогда не забуду: это когда я на совещании видел товарища Сталина. Всю дорогу наши делегаты говорили между собой, будет ли товарищ Сталин на совещании.

И вот он вместе с тт. Молотовым, Ворошиловым и Калининым вошел в зал. Все делегаты встали, начали ему аплодировать. Он улыбнулся и рукой помахал. Тут аплодисменты стали еще громче.

Все время, пока шло совещание, я смотрел на товарища Сталина. Он всех слушал очень внимательно. Когда я подошел к нему, он меня что-то спросил. Но я по-русски не понимаю и сказал ему по-своему, по узбекски. Переводчица перевела ему мое приветствие. Тогда товарищ Сталин погладил меня по голове и улыбнулся.

Этих дней я никогда не забуду. Меня

наградили орденом «Знак почета» за хорошую учебу и помощь колхозу. Это такая большая награда, о которой я никогда не мечтал. Я знаю, что ее нужно оправдать и всей дальнейшей работой.

Я написал обо всем, что видел в Москве, в свой пионерский отряд и бабушке. А когда приехал, все подробно рассказал. Я привез всем подарки: бабушке — теплую шубу, а своим друзьям — свитры и шапки теплые.

Муравьиный поход

Письмо Лени Захарьева

Северокавказский край, станция Минутка-Кисловодская, Пешеходная улица, д. 6.

То, о чем я хочу рассказать, произошло у подошвы горы «Кабан», близ Кисловодска, 22 августа 1935 года, около 4 часов вечера.

День был ясный, но не очень жаркий. Моя мама, я и один наш знакомый инженер пошли гулять и спускались по склону горы, прямо, без всякой тропинки. Нам приходилось обходить большие валуны и кряжи горных пород. В одном месте мы перешагнули через «муравьиную дорожку». Мы с мамой не обратили на нее никакого внимания и пошли дальше. Но наш знакомый вдруг остановился и окликнул нас. Мы вернулись и увидели, что по этой тропинке движутся муравьи. Обычно в поисках пищи муравьи бегают в разные стороны, останавливаются; мы же увидели больших желтых муравьев, которые двигались все время в одном направлении и, видно, очень спешили. Во всех их движениях чувствовалось беспокойство. Казалось, они стремились поскорее достигнуть какой-то цели.

— Давайте посмотрим, откуда ползут муравьи,—предложил наш знакомый.

Мы отправились навстречу муравьям и шагов через тридцать обнаружили конец муравьиной колонны. Последние муравьи ползли тоже очень быстро. Иногда некоторые из них отставали. Тогда из последних рядов отделялось несколько муравьев, они возвращались и подгоняли отстающих. Сколько мы ни искали, дальше ни одного оставшегося муравья не нашли.

— Ну, раз мы не нашли, откуда они идут, то попробуем узнать, куда и зачем они так торопятся,—сказал наш знакомый.

Было совершенно ясно, что это не обычное переселение, а какой-то поход. Ведь во время переселения муравьи тащут с собой яички, личинки из покинутого или разрушенного муравейника.

Мы скоро догнали муравьиную колонну и пошли рядом с первыми рядами ее.

Передовые, вероятно, служили разведчиками. Они шли уверенно, не сбивались в стороны и вели за собой остальных. Повидимому, они заранее обследовали путь.

Скоро мы заметили, что на пути стали попадаться черные муравьи. Сталкиваясь с желтыми, они проявляли сильное беспокойство. Желтые не обращали на них никакого внимания и продолжали двигаться вперед.

Черные муравьи повернули вслед за колонной. Но ни те, ни другие не нападали друг на друга. Через 3 — 4 метра желтые муравьи дошли до небольшой, но довольно глубокой канавки и поползли вниз.

Сначала мы подумали, что они ищут более удобной переправы, но потом заметили, что разведчики начали кружиться на одном месте. Мы нагнулись и увидели под кустиками засохшей травы несколько отверстий в земле. Это был подземный муравейник.

Когда вся колонна желтых достигла этого муравейника, они начали быстро вползать в эти отверстия.

Через несколько секунд на поверхность выполз первый желтый муравей. В клешнях он нес белое яичко. Следом за ними стали выползать и другие муравьи, и каждый нес по одному яичку.

Среди черных муравьев поднялась паника. Некоторые старались отнять яички у желтых, вцеплялись в их добычу, но желтые были сильнее их и продолжали тащить. Тогда черные муравьи, видно, убедились в своем бессилии и поползли к ограбленному муравейнику.

Они вытаскивали яйца и быстро влезали с ними на ближайшие травинки и сидели там на самом верху до тех пор, пока желтые не двинулись в обратный путь.

Ни черные, ни желтые не убивали друг друга. Каждый желтый муравей нес по одному яйцу. Сколько всего было желтых грабителей—сказать очень трудно.

Длина всей колонны была, приблизительно, около 25—30 метров, а ширина—от 15 до 25 сантиметров. Вероятно, их было не менее двух, двух с половиною тысяч.

Когда желтые ушли, черные муравьи спустились с травинок вниз и унесли под землю спасенные от похищения яйца.

Яйца остались у черных только потому, что их было больше чем желтых. Мы так заинтересовались всем этим походом, что решили проследить все это дело до конца и вместе с колонной вернулись обратно.

Снова на пути колонны стали попадаться черные муравьи, совершенно такие же, как в ограбленном муравейнике. Но эти муравьи при встрече не обнаруживали никакого беспокойства и продолжали медленно ползать в различных направлениях.

Через несколько времени мы вместе с колонной желтых муравьев подошли к другому муравейнику черных. Но здесь мы увидели совсем другое.

Сами желтые уже не лезли в муравейник. Они сложили все яйца в кучи, чистили лапками свои усики, одним словом, «отдыхали».

Через несколько секунд из отверстий муравейника стали выползать черные муравьи. Они забрали и унесли под землю яички, которые желтые сложили у отверстий.

Черные работали очень быстро, и через несколько минут на поверхности не осталось ни одного яичка.

Расстояние между этими двумя муравейниками было около 27—28 метров, и весь поход продолжался полтора часа.

Мы начали обсуждать, в чем тут дело, что это за загадочный поход. Было очень много всяких предположений. Наконец, мы сошлись на одном: черный муравейник, в котором желтые сложили похищенные яички,—это порабощенный муравейник. А черные муравьи — это рабы, которые работают на желтых хозяев. Чтобы увеличить количество рабов, желтые похитили личинки из другого муравейника и отдали своим рабам на воспитание. Очень жалко, что мы не успели проследить, где живут желтые муравьи: в одном муравейнике со своими рабами или отдельно. Но было уж темно, и мы заторопились домой.

Я не знаю, верно ли мы об'яснили то, что видели. Мне бы очень хотелось, чтобы редакция журнала «Пионер» мне на это ответила.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

Мы показали письмо Лени Захарьева заведующему инсектарием Зоопарка тов. Щербакову. И вот что он нам рассказал:

«Есть такие виды муравьев, которые совершенно планомерно устраивают «разбойничьи походы» на гнезда других муравьев. Очевидно, один из таких походов и видел Леня. Желтые муравьи похищали куколок, для того чтобы потом превратить их в своих «слуг». Есть даже такие виды муравьев, которые живут в чужих гнездах. Все муравьи одного гнезда узнают друг друга по запаху и легко могут отличить чужих даже в том случае, если они проникают внутрь гнезда.

Наблюдения Лени очень интересны. И вывод он сделал правильный. Только он немножко нафантазировал. У муравьев нет полководцев, в нашем понимании. Муравьи, которые выползают из колонны, делают это не для того, чтобы подгонять отставших.

Надо ко всем наблюдениям относиться очень серьезно и ничего не выдумывать».

Как живут шахтеры в Иране

Письмо Бори Окулевича

Москва, Палиха, 16,
22-я школа Октябрьского района

В прошлом году я приехал в Москву. А до этого я жил в Иране. В Москве я сразу поступил в 22-ю школу Октябрьского района. Очень часто ребята расспрашивают меня об Иране. Я решил написать в журнал «Пионер» об одной экскурсии, которую мы устраивали в школе в Иране.

Однажды, перед уроками, в класс вошел наш преподаватель по физике Ахмет Заде и говорит:

— Надних мы пойдем на экскурсию. Посмотрим здешние каменноугольные копи. Захватите с собой что-нибудь поесть.

Экскурсия была назначена на пятницу. В этот день мы обычно не учились. Пятница у мусульман считается праздником, как воскресенье — у христиан.

Все ребята собрались очень точно. У всех были с собой узелки с провизией, кружки. День был очень жаркий. В городе Тавризе самые жаркие дни бывают в сентябре.

Мы пошли по главной улице города — Хиабан Пехлеви. Она носит такое название в честь персидского шаха Пехлеви. Улица эта довольно широкая, по бокам ее посажены тополя.

Когда солнце стояло уже высоко, мы дошли до пригородного сада Пейкари. Здесь мы все закусили, а потом пошли купаться. В Иране есть специальные бассейны для сбора воды. Мирабы потом распределяют эту воду по полям.

Мы выкупались в бассейне, и нам сразу стало легко и нежарко. Тронулись в путь. На нашей дороге стояла «Синяя мечеть». Сейчас это — старое, совершенно развалившееся здание. О нем ходят разные слухи. Но когда-то она была замечательно красива. Я видел рисунок одного персидского художника. Внутри мечети стены покрыты золотыми и серебряными украшениями. А с потолка спускаются огромные хрустальные люстры. И когда все свечи зажигаются, в мечети становится так светло и красиво, что оттуда не хочется уходить. Рассказывают, что один немец решил сфотографировать «Синюю мечеть». «Неверных», т. е. не-мусульман, туда не пускали. Он тайком пробрался в мечеть. Но его заметили. Мусульмане стали бить его. Он был растерзан, а его останки выброшены на с'едение собакам.

Во время империалистической войны эта мечеть была разрушена, и теперь стоит такая жалкая, что только по рассказам можно себе представить, какая красивая она была раньше.

Пройдя еще три километра, мы очутились на холмах красной глины, из которой то тут, то там сверкала слюда. Неожиданно мы натолкнулись на яму, диаметром метра в полтора, которая была вырыта на склоне холма. Педагог нам сказал, что это и есть одна из копей. Мы все очень удивились, потому что представляли себе шахту как множество строений с вышками и под'емными кранами. Мы о шахтах читали в учебниках, которые выписывали из Советского союза.

Из дыры показался человек. Он был по пояс голый, за спиной нес мешок. Он свалил его около шахты. Он, видно, очень устал, присел отдохнуть и стал раскуривать длинный чубук, а мы подошли к нему и попросили его провести нас в шахту. Он согласился. Некоторые ребята побоялись и в шахту не спустились.

Согнувшись в три погибели, мы спустились в яму. То и дело слышались вздохи. Мы стукались о низкий потолок головой, локтями — о стены. Темнота все густела. Наш проводник был без фонаря. Я больно ударился лбом о стену и догадался, что здесь, вероятно, поворот. Это так и было. За поворотом блеснул красный огонек.

Когда мы подошли ближе, мы так и застыли от изумления.

Весь забой переливался и сверкал, точно весь был уставлен зеркалами. Это была слюда, которая отражала свет единственного фонаря, висевшего посредине. В забое стояло двое рабочих. Один из них рубил

киркой пласт угля шириной не больше 25 сантиметров. Другой рабочий подбирал отколотые куски угля, складывал их в мешок, а затем выносил наружу. Я посмотрел на фонарь. Он был без всякой предохранительной сетки. Если бы тут появился метан (рудничный газ), взрыв был бы неизбежен, и рабочие погибли бы.

Я сказал об этом забойщику. Тот кивнул головой и рассказал мне, что два месяца назад такой случай произошел. Взрывом засыпало одну яму, и в ней погибли рабочие, которые там были. Я стал ему рассказывать, какие лампочки есть у шахтеров СССР. Он очень внимательно слушал меня, потому что не имел никакого представления об этих лампочках.

Когда мы вышли наверх, я спросил рабочего—нашего проводника,—сколько добывают они угля. Он мне ответил, что они добывают не больше одного халвара — 30 пудов. А за халвар на рынке платят 12 крон. Это так мало, что совсем не хватает даже на еду.

Жизнь у них очень нищенская, хотя и работают они с утра и до поздней ночи.

После осмотра копей мы вернулись домой. Было уже темно, довольно поздно, мы с ребятами дорогой говорили о том, как тяжело жить рабочим в Иране.

Как еж с крысой подружились

Письмо Фоли Погорельского

Гор. Горький, Студеная улица, д. 54, кв. 6.

Когда мне было семь лет, у меня были две ручные крысы. Я построил им домик из фанеры с тремя окнами на стене и одним на крыше. Крысы были смелые. Когда я их кормил, они брали прямо из моих рук морковку.

Ко мне они относились лучше, чем ко всем домашним. Когда я подходил к их домику, они высовывали мордочки и ждали, что я им дам.

Однажды я стал чистить домик. Крыс я пустил на диван. На диване лежало несколько кусочков бумаги. Вычистив клетку, я пустил в нее крыс. Самка взяла с собой кусочки бумаги и отнесла в домик. Я очень заинтересовался этим и снова выпустил их на диван. Обе крысы снова взяли кусочки бумаги, которые валялись там, и отнесли в свою клетку.

На другой день я нарвал бумаги и выпустил крыс. Они сразу же схватили эту бумагу и унесли к себе. Я стал следить, что они сделают с этой бумагой. Самка изорвала эту бумагу в мелкие кусочки и сделала себе гнездо, вроде птичьего.

Через несколько дней я увидел в этом гнезде несколько маленьких крысят. Оказывается, самка для своих детенышей приготовила это гнездышко. Теперь у меня стало уже много крыс.

В это время я достал ежа. Его клетка стояла недалеко от домика крыс. Ночью мы его выпускали из клетки и он скоро переловил всех мышей, которые жили под полом.

Однажды у белых крыс случилась беда: одна маленькая крыса выпала из окна домика, и еж ее загрыз. Через несколько времени мой еж вдруг пропал. Крысы снова могли свободно разгуливать по комнате. Как я ни искал ежа, нигде его не было. Вдруг ко мне прибежали ребята и потащили меня в сад. Там жил еж, но уже не один, а с шестью ежатами.

Оказывается, это был не еж, а ежиха. Я перетащил их всех в дом. А утром ни одного маленького ежа в живых уже не было: самка их всех загрызла.

Вскоре произошла еще одна трагедия.

Крысы за время, пока ежихи не было, привыкли разгуливать по комнате. Как-то я оставил дверку их домика открытой и на утро нашел трех крыс мертвыми: ежиха их поймала и загрызла.

Однажды, когда я чистил клетку, одна крыса убежала. Несколько дней она где-то пропадала и совершенно одичала. Она боялась меня, моих родных и ничего не брала из рук. Наконец, я поймал ее и посадил в домик. Через несколько дней она снова как-то убежала.

Так она и пропала. Однажды я подошел к клетке ежа и заметил странную картину: около чашки с молоком сидела моя ежиха и та самая белая крыса, которая убежала. Они сидели и мирно ели из одной чашки.

Я был очень поражен. С тех пор я перестал закрывать клетку ежа и все следил, придет ли еще белая крыса. Она приходила очень регулярно, кушала и снова уходила. Почему ежиха ее не загрызла — я не знаю. Ведь всех других крыс она загрызала тут же, как только увидит.

Белая крыса и ежиха жили так дружно и мирно около месяца. К нам приходили ребята смотреть на них. Все удивлялись, и до сих пор я не могу понять, почему они так дружили с белой крысой.

Как-то, во время прогулки, ежиха убежала от меня. Крыса больше не приходила в ее клетку. Она стала совсем дикая. А через год мне пришлось отдать крыс одному мальчику, потому что некому было ухаживать за ними: я стал ходить в школу.

Невидимка

Письмо Изи Рубиновича

Москва, Покровский бульвар, д. 6, кв 2.

Когда я посмотрел фильм «Человек-невидимка», мне тоже очень захотелось быть невидимым. Человек-невидимка в картине стал невидимкой, а ничего хорошего не сделал.

Если бы я был невидимкой, я бы прежде всего освободил тов. Тельмана из тюрьмы.

Однажды мне удалось найти способ, как снова стать видимым. Вместе с сестрой мы отправляемся в Германию. Мама вышла куда-то из комнаты, мы в это время выпиваем жидкость и сразу становимся невидимыми. Мы ничего не берем с собой кроме невидимой бутылочки с жидкостью. Кто ее выпьет, — становится невидимым. Темной ночью мы пробираемся на аэродром и на каком-то пассажирском самолете улетаем в Германию. Чтобы не терять зря времени, мы идем прямо к тюрьме, в которой сидит тов. Тельман.

Эта тюрьма очень мрачная, стены высокие с зубцами. Около нее все время ходит солдат с ружьем.

Я подхожу к воротам и кричу: «Открой дверь!» Сторож смотрит в окно, никого не видит и отходит. Я снова кричу. Тогда он приоткрывает дверь, чтобы посмотреть. Этого нам достаточно: сестра сильно дергает дверь, я отталкиваю сторожа, мы бежим по лестнице наверх. Мы уже знаем, где сидит тов. Тельман. Около его камеры мы останавливаемся. Мы ждем, когда ему принесут обед и откроют дверь. Но вот пришел служитель. Он тихонько открывает дверь, а мы в это время проскальзываем в камеру.

Когда служитель уходит, мы подходим к тов. Тельману. Он сидит на железной кровати. Видно, что он очень расстроен. Я говорю ему:

— Тов. Тельман, не пугайтесь. Мы советские пионеры, стали невидимками и пришли освободить вас.

Тов. Тельман сначала вздрагивает, потом очень внимательно слушает нас, только просит говорить потише, чтобы не услыхали тюремщики.

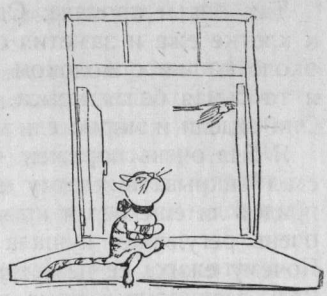
Наконец, он убеждается, что все то, что мы говорим,—правда. Мы даем ему выпить жидкости из бутылочки, и он тоже становится невидимым. Тогда он подходит к двери и начинает сильно кричать. Тюремщик подходит и что-то грубо ему говорит. Но потом, видя в «глазок», что в камере никого нет, широко открывает дверь. Этого нам достаточно: мы выскальзываем из дверей и втроем убегаем.

Через несколько дней мы приезжаем невидимыми в Советский союз. Тут я веду тов. Тельмана и сестру в свою лабораторию, делаю им уколы, и мы все опять становимся видимыми.

Так бы я сделал, если бы был человеком-невидимкой.

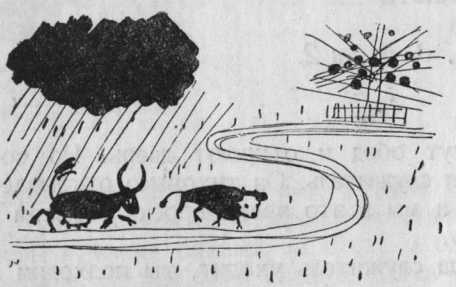
РИСУНОК

Сергей Михалков *Рис. А. Каневского*



Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним — корову.

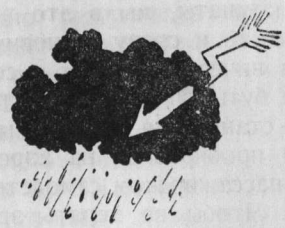
Направо — дождь, налево —
сад,
В саду пятнадцать точек:
Как будто яблоки висят,
И дождик их не мочит.



Я сделал розовым быка,
Оранжевой — дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.

И эти тучи я потом
Проткнул стрелой, так надо,
Чтоб на рисунке вышел
гром
И молния над садом.

Я черным точки зачеркнул,
И означало это,
Как будто ветер вдруг
подул,
И яблок больше нету.



Еще я дождик удлинил —
Он сразу в сад ворвался.
Но не хватило мне чернил,
И карандаш сломался.

И я поставил стул на стол,
И я как можно выше
К стене рисунок приколол.
Хотя он плохо вышел.

Почему коньки называются „коньками“?

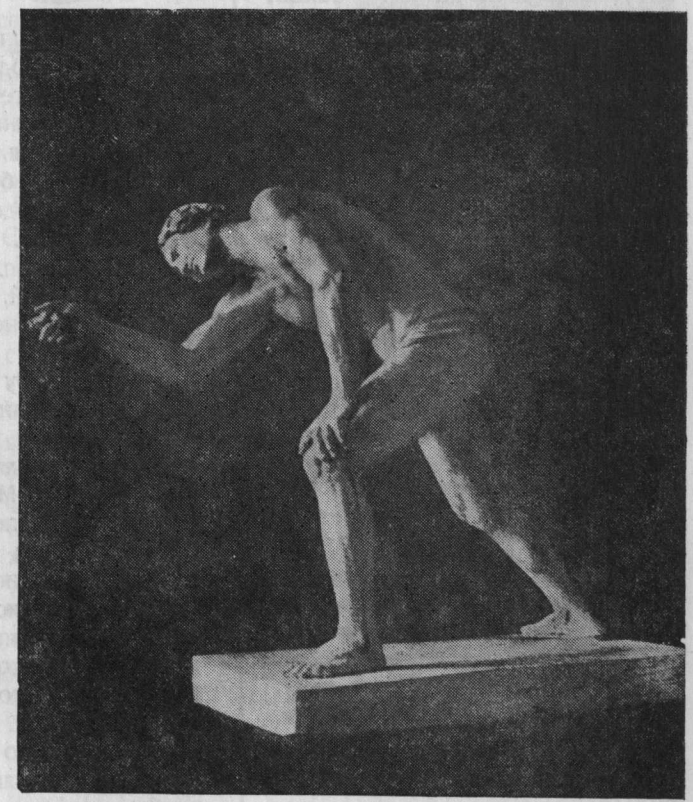
Знаете ли вы, почему коньки называются «коньками», почему в основу этого названия заложено представление именно о коне?

У коньков есть своя история и очень древняя. Еще в каменном веке люди делали себе коньки из кости. Их находят иногда при раскопках. В Британском музее, в Лондоне, хранится несколько таких доисторических коньков.

В Голландии коньки издавна служат средством сообщения. Русские дворяне, посланные Петром I в Голландию учиться морскому делу, вернувшись в Москву, стали заказывать себе, по примеру голландцев, деревянные коньки. Затейливые мастера делали их по рассказам и украшали конской головой — коньком, какие встречаются иногда и теперь на крышах деревенских изб. Отсюда и пошло название «коньки».

МАЛЬЧИК, ИГРАЮЩИЙ В БАБКИ

Скульптура Пименова



На статую мальчика, играющего в бабки

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость,
Вот уж прицелился... Прочь! Раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись, не мешай русской удалой игре.

А. Пушкин.

На лыжах за самолетом

На широком поле, окаймленном излучиной Москвы-реки, стоял учебный самолет «У-2». К его буксировочному замку были прикреплены четыре конца длинных веревок. Другие концы веревок держали в руках комсомольцы-лыжники: Сакин, Ремизов, Гущин и Смирнов.

— Готовы? — спросил стартер.

— Готовы!

Стартер взмахнул флажком, и самолет, подняв облачко снежной пыли, заскользил по полю. Держась за концы веревок, лыжники поехали на буксире. Самолет, разбежавшись, оторвался от земли и полетел на высоте 15 метров бреющим полетом. Со скоростью 100 километров в час скользили за ним лыжники. Чтобы устоять на лыжах при такой скорости, им приходилось пускать в ход всю свою ловкость. Чуть заметные холмики подбрасывали и толкали. Глотая колючий воздух, лыжники мчались по снегу, подымая за собой белые пушистые хвосты. Самолет сделал плавный поворот и полетел обратно. Не доезжая берега реки, лыжники отцепились.

К этой поездке комсомольцы Экспериментального института Наркомтяжпрома готовились с самого начала зимы. Сначала они скользили на лыжах за лошадью, потом за автомобилем, постепенно увеличивая скорость, и, наконец, попробовали скользить за самолетом.

После нескольких поездок к самолету привязали на крепком тросе специально построенные сани. Три лыжника легли в них, и самолет потащил их за собой. Раскатываясь на неровностях

Как я стал сильным

Серго Амбарцумян, двадцатипятилетний мастер спорта из Эривани — один из самых сильных людей в мире. В соревнованиях по штанге он всесоюзный рекордсмен среди атлетов тяжелого веса.

Мальчиком я жил в Кисловодске. Отец мой служил сторожем, а мать работала прачкой. С десяти лет я был такой высокий и сильный, что меня знал весь город. Сила не давала мне покоя, я не мог сидеть на месте и целыми днями играл в лапту, в «казаки и разбойники», а больше всего любил эстафеты. С другими мальчишками я жил дружно. Ко мне никто не приставал: боялись. И сам я никого не задевал.

Единственно с кем я воевал,—это с разрушителями птичьих гнезд. Гнездо я всегда сравнивал с собственной семьей. Я думал: придет к нам в дом великан и перебьет детей. Когда парень кидал камень или лез на дерево к гнезду, я стаскивал его на землю и давал тумака.

За мою силу и крупный рост ребята всегда выбирали меня капитаном и, когда я командовал, слушались. Однажды я предложил устроить свой собственный бассейн для плавания. Ребятам понравилось мое предложение. Мы построили свою плотину под мостом. Ребята подносили дерн и камни, я укладывал. Бассейн вышел на-славу. С каким удовольствием мы плавали в мутной воде у собственной плотины!

Когда мне исполнилось 16 лет, отец отдал меня учеником к сапожнику. Мне было тесно на низком табурете в закопченной мастерской, и я ушел работать каменщиком на постройках. Здесь я ворочал тяжелые камни. Какую бы работу ни давали, я делал ее без большого труда. Я строил дома и ремонтировал пути Баку-Джульфинской железной дороги. Когда надо было поднимать рельсы, всегда звали меня.

Потом я переехал в Эривань и поступил учеником по авторемонту. В гараже я узнал об обществе «Динамо». Здесь я вступил в комсомол и стал заниматься физкультурой.

После работы я шел на спортплощадку, делал гимнастику на снарядах, бегал, прыгал и играл в футбол.

Как-то инструктор предложил мне попробовать поднять штангу. Я легко поднял крупный вес. Тогда меня стали тренировать по тяжелой атлетике. В 1932 году я выступил на всеармянских соревнованиях и занял первое место по тяжелому весу. В пяти движениях я поднял 444 килограмма. На соревнованиях общества «Динамо» я увеличил свой результат на 38 ки-

поля, сани иногда подскакивали и пролетали несколько метров по воздуху. Дух захватывало от такой скорости!

Отважные лыжники и летчик проверили на практике новый вид зимнего спорта. Это спорт самой высокой техники, он требует большой смелости, ловкости и силы.

„Вождь краснокожих команчей“

Среди дореволюционных чемпионов большой известностью пользовался борец-индеец, «последний вождь вымирающего племени кровожадных команчей», как называли его в афишах.

Атлетом-индейцем интересовались даже ученые-антропологи: они несколько раз пытались залучить его для антропометрических исследований.

И только небольшой кружок борцов-профессионалов знал, что настоящая фамилия «индейского вождя» — Осипов и что после выступлений он с трудом отмывал с тела меднокрасную краску.

С. Амбарцумян.

килограммов, а через год завоевал звание чемпиона СССР, подняв 505 килограммов.

На всесоюзном первенстве 1934 года я установил всесоюзные рекорды во всех пяти классических движениях. Сумма поднятого мною веса дошла до 571 килограмма. Я побил мировой рекорд германского спортсмена Рисса, побил буржуазный рекорд Франции в рывке левой рукой.

В январе 1936 года меня включили в состав делегации моей родины, Советской Армении, отправляющейся в Москву для встречи с членами ЦК партии и правительства. Это был самый счастливый день в моей жизни. Я говорил с товарищем Сталиным и обещал ему отнять у фашиста Манже последний оставшийся у буржуазии рекорд.

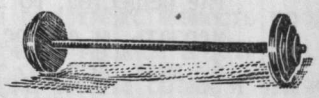
Тов. Ворошилов спросил, каков мой последний результат. Когда я ответил, товарищ Сталин, засмеявшись, сказал:

— А что ж, тов. Ворошилов, Амбарцумян всех нас здесь поднимет!

Правительство, по предложению товарища Сталина, наградило членов нашей делегации орденами. За мои успехи меня наградили орденом «Знак почета». Это большая честь.

Надо скорее ехать работать, надо тренироваться, чтобы непременно выполнить данное товарищу Сталину слово.

Серго Амбарцумян



БИОСКОП

или сообщения о вещах мелких и крупных, видимых и невидимых, близких и далеких, известных и неизвестных

В лабораторию взяли кусок льда из пруда. Когда лед растаял, в талой воде плавали бесчисленные животные, мелкие рачки, водяные пауки, черви, улитки. Еще больше живых существ было видно в микроскоп. Всего нашли 117 видов животных и растений. Все они перезимовывали, вмерзши в лед. Тогда измерили температуру внутри льда. Оказалось, что даже в сильные морозы она лишь немного ниже нуля.

●

Есть насекомые, которым нестрашен снег,—это снеговые блохи: иногда их можно видеть бодро прыгающими даже при семиградусном морозе. Однажды наблюдали необычайное количество этих блох во время первой оттепели в горах Каринтии. На протяжении нескольких километров снег казался черным от них.

●

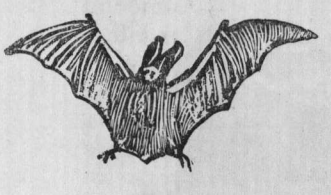
Если кролика заставить дышать смесью воздуха и углекислого газа, то температура его тела упадет до семи градусов тепла, и он погрузится в сон, напоминающий спячку сурков и летучих мышей.

●

Есть бактерии, в том числе тифозная палочка и светящиеся бактерии, которые можно охладить до 250 и даже до 272 градусов ниже нуля, и они оживут после оттаивания.

●

Если бы вода, замерзая, не расширялась, а сжималась, как другие вещества, то лед падал бы на дно, вода сверху продолжала бы замерзать, и все реки, моря и океаны смерзались бы в сплошную глыбу льда. Летнего тепла не хватило бы, чтобы растопить ледяные горы, ледники сползли бы в тропические моря и остудили бы их.



Клопы, которых так трудно бывает вывести из квартиры, непохожи ни на каких других животных Европы, Азии и Америки. Только недавно нашли совсем неожиданного родственника «человеческого» клопа. Он живет на летучей мыши. Клоп перешел с нее к человеку в очень далекие времена, когда одетые в звериные шкуры люди и летучие мыши жили соседями в одних пещерах.

●

Рыбы, дельфины и медузы—все, что ни есть живого в Черном море, теснится только в тоненьком верхнем слое воды, до 100 — 200 метров глубины. Вся остальная толща воды Черного моря, до страшных глубин в два с половиной километра, безжизненна. Она отравлена сероводородом. Черное море—мертвое море. На границе ядовитой, сероводородной глубины живут серобактерии. Они питаются тем, что для других живых существ — смерть. Сплошная пленка серобактерий, величиной как все Черное море, висит в воде, отделяя верхний, живой слой от нижнего, мертвого.

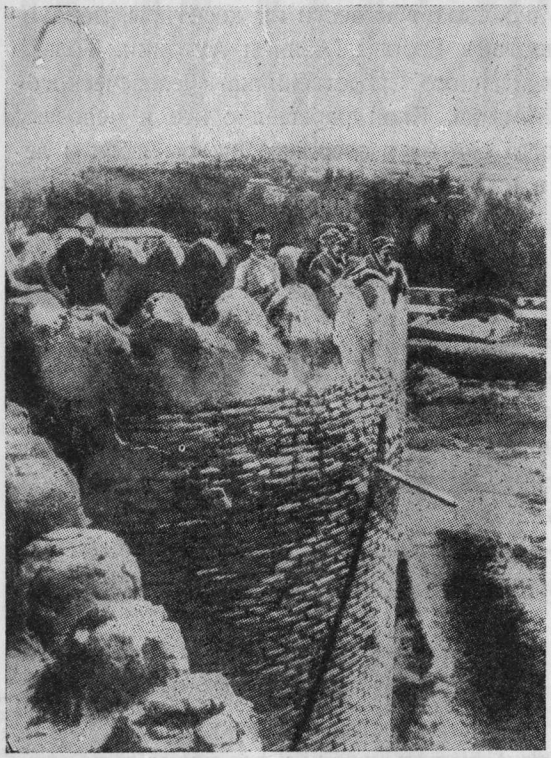
●

Когда осьминог спит, он одну ногу оставляет дежурной. Семь ног опутаны вокруг тела, а эта одна торчит кверху и все время тихо вращается. Если тронуть палочкой самого осьминога и любую из семи ног, он не проснется. Но если чуть коснуться дежурной ноги осьминога, он мгновенно просыпается и исчезает в облаке выпущенных в воду чернил—видно только, как червями извиваются все восемь страшных его щупалец.

Вы думаете, что, засыпая, мы также не оставляем дежурного? Грохот трамвая, громкий смех и разговор, радио и даже пушечная пальба на маневрах не мешают сладко спать, как только к ним привыкнешь. А стоит зазвонить будильнику, раздаться тихому стуку в дверь, которого ждешь, или команде «Вставайте»—и мы просыпаемся.

●

Камни, растущие сами собой, нашел два года назад зоолог Тинеман в ручьях возле местечка Партенкирхена, в Баварии. Тинеман взял куски этих камней и стал изучать их. Они состояли из пустых известковых трубочек. В некоторых он увидал червячков. Это были личинки особых комаров, хирономид. Личинки пряли трубки из паутины, закрывались крышечкой и окукливались. А известь из воды осела на паутине, как соль на хворосте в градирнях. Известь продолжала оседать и тогда, когда личинки, превратившись в комаров, вытолкнули крышечки и ушли. Известь склеила вместе сотни и тысячи трубочек. Так выросли удивительные глыбы камней, построенные комарами!



Рассказы о дорогах

Книжка Лоскутова «Рассказы о дорогах» рассказывает о каракумском походе, о песчаной пустыне, через которую шли автомобили. Это была очень трудная экспедиция. Лоскутов рассказывает, как много людей погибло в песках, пытаясь установить дорогу через пустыню. Три студента и проводник отправились в путь. Это были, видно, очень веселые люди. Но вот у них кончилась вода. Они бросили своих лошадей и пошли пешком. Они потеряли дорогу. Тогда они решили разойтись в разные стороны и снова найти утерянный путь каравана. Они шли уже в полубессознательном состоянии, начали кружить на одном месте и наткнулись на свои собственные следы. Но они думали, что это те следы, которые они ищут. И только когда они нашли платок, который раньше потерял один из студентов, они поняли, что не нашли дороги, а ходили по своим следам. Они сошли с ума. И только один из студентов случайно нашел путь к аулу. Много таких экспедиций погибло в песках Каракумской пустыни.

Лоскутов рассказывает про Сеню Панюкина. Он не водитель машины, но ему очень хотелось участвовать в каракумском пробеге. Он закидывал отборочную комиссию разными бумажками, чтобы его взяли. Он соглашался ехать кем угодно: контролером, фотографом, поваром. И когда его не взяли, он страшно расстроился.

И вдруг, когда колонна прибыла в г. Горький, они увидели в одном из автомобилей человека, который не имел права на проезд. Это был Сеня Панюкин. Он тайком пробрался в машину. Командор колонны его высадил и строго сказал ему: «Если я еще вас увижу, я прикажу вас арестовать».

И колонна поехала дальше, а Сеня Па-

нюкин остался. Каково же было удивление всех, когда вдруг среди песков заблестели им навстречу очки Сени Панюкина! Оказывается, он поехал в Ташкент и организовал там встречу каракумского пробега.

Везде, куда бы ни приезжала колонна, ее встречали очень радостно. Очень интересно описывает Лоскутов, как встретили ее в Актюбинске старые партизаны. Они отвели их в лучшие комнаты, вычистили их платья, а женщины вымыли их машины. На банкете партизан рассказал одну замечательную историю про храброго балтийского матроса.

В годы гражданской войны он руководил партизанским отрядом. Под Оти́нском отряд окружили интервенты. Командир был ранен тремя пулями и не мог больше идти. Белогвардейцы кольцом окружили партизан. Тогда командир приказал прикололь себя штыком, а остальным прорваться. Партизаны плакали, но он повторил свое приказание, и его прикололи. Но он не умер. Тысячу километров несли партизаны его на носилках, потому что они его очень любили. Очень жалко, что Лоскутов не рассказал, как же этот командир спасся.

Этот партизан — Савицкий, который участвовал в каракумском пробеге.

Вот какие люди ехали побеждать пустыню! Все они очень любили свое дело.

Очень интересный человек — их проводник Батырбек-Шукатов. Он умел находить дорогу и воду по малейшим признакам. Он старый, испытанный проводник. Он счастлив, что ему доверили вести такую колонну.

О нем Лоскутов написал так хорошо, что его сразу можно себе представить.

Никто не верил в Оренбурге, что они пройдут Кара-Кум. «Дальше Соль-Илецка вам не дойти», — говорили им. Но они прошли, прошли через всю пустыню целые и невредимые.

Они видели мертвый город. Этот город заброшен, никто в нем не живет. Юра Иванов, который вместе с нами пишет эту рецензию, тоже бывал в пустынях. И в кишлаке «Мир пустынь», в Чарджуе, он видел такие же дома, как в мертвом городе. Они сделаны из таких кирпичей, что, когда заходит солнце, они блестят и переливаются.

Книга Лоскутова очень интересная. Много смешных рассказов, например про плохой характер одной машины, которую шофер уговаривал, чтобы она поехала. Эта машина была не из колонны, а какая-то очень старая, испорченная. Потом смешно, как каждый водитель старался, чтобы ему меньше положили груза.

— Я выкину два ящика сыра!—кричал один из них.

В книжке Лоскутова плохо то, что он совсем ничего не рассказал про командора пробега. Ведь это, наверно, самый замечательный человек, а про него только то и сказано, что он появляется и говорит: «Заводите моторы». Этого мало. Надо было подробно, как про Савицкого, рассказать, что он за человек.

В книжке много интересных фотографий, и вообще вся книжка хорошая.

О каких экспедициях Лоскутов еще напишет, и в каких он бывал? Пусть он обязательно подробнее расскажет нам про командора и про то, как спасся от смерти Савицкий, после того как его прикололи штыком.

Наташа Колосова,
Юра Иванов,
Муля Сагалович.

О том, что мы встречали на пути

Я читал рецензию Наташи, Юры и Мули на мою книгу с большим интересом. Мне снова представились все те встречи, которые описаны в книге и о которых кратко рассказывают ребята. Я очень рад, что книжка им понравилась.

Юра Иванов тоже бывал, как он сообщает, в пустынях и видел глиняные дома, которые очень красивы при солнечном закате. Они произвели на него впечатление. И если Юра нежадный, то, наверное, ему хотелось поделиться этим впечатлением с другими, рассказать об этой картине друзьям и товарищам.

То же самое хотелось сделать и мне, когда я писал книгу. Я доволен, что хотя бы часть — кусочек — полученного нами в путешествии мне удалось передать читателям.

Но встреч и картин было на нашем пути

очень много. Кроме того, что окружало нас в автопробеге, было много интересного и в самой колонне. А в добавление ко всему этому каждый из участников экспедиции много и хорошо рассказывал о своей жизни И описать все это сразу невозможно: получилась бы слишком толстая книга, ее было бы утомительно читать, и ничего в результате не осталось бы в памяти. Поэтому я стремился отобрать только самое важное, что будет интересно и через много лет.

В одном закавказском городке к нашей колонне подошел маленький мальчик. Мы хотели его удивить.

— Посмотри,—сказали мы, — какой необычайный автомобиль на шести колесах.

— Ну что ж,—сказал он, — это трехоска. А сверхбаллоны проходят по пескам все же лучше трехосок. Вы покажите лучше, где шестая машина, где восемнадцатая, падавшая в канаву, где командор, где доктор Нечаев.

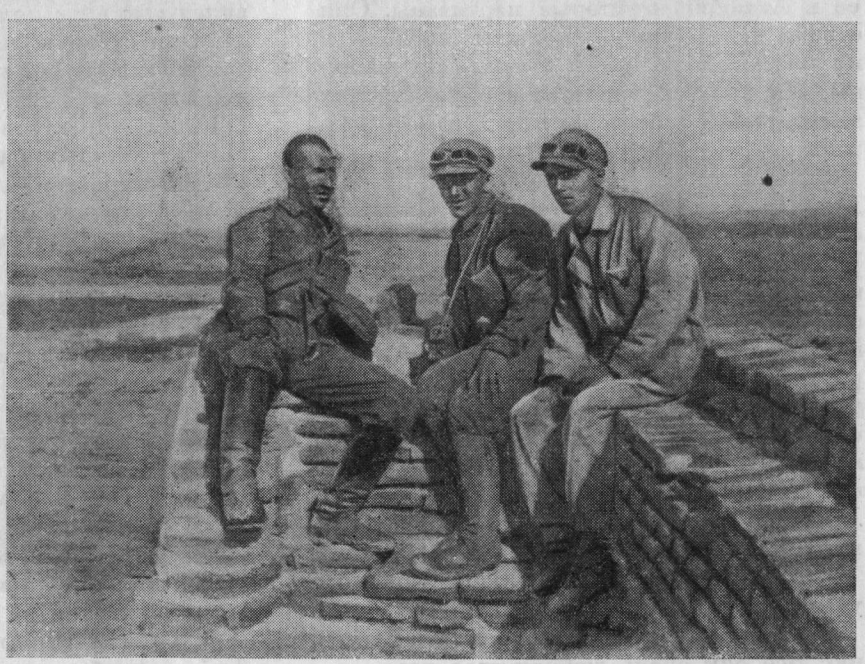
Оказывается, он знал все о каракумском автопробеге, его людях и его машинах. Тогда обо всем этом писали во всех газетах.

Ребята спрашивают: почему я мало написал про командора? Это верно, я про него почти ничего не сказал, и он сам на это не обижается. Я вообще в книге мало рассказываю о жизни самой колонны, о многих участниках экспедиции да и считаю, что не это — самое главное. Об этом в свое время достаточно много сообщалось. Я же взял главный темой книги то, что мы встречали на пути, и тех людей, которые своей незаметной работой среди пустынь подготавливали успешное продвижение нашей колонны.

Одна из глав так и называется — «Предшественники». Это те люди, которые в ежедневной борьбе проделывали более трудную работу чем наши, завоевывали пустыню и сделали возможным наше путешествие.

Еще спрашивают ребята: в каких экспедициях кроме этого Лоскутов бывал, и о каких он напишет? Я не раз ездил в Кара-Кумы. Первая поездка была задолго до каракумского пробега, и я описал ее в книге «Тринадцатый караван». Одной из самых интересных была поездка с кавалерийским красноармейским отрядом в глубь пустыни, в самые малоисследованные места, в «белые пятна» восточных Кара-Кум. В задачи этого отряда входила ликвидация последней басмаческой шайки. Меня окружали чрезвычайно интересные вещи и замечательные люди. Обо всем этом я еще напишу. Сейчас же я вместе с Ю. Тушканом пишу книгу о приключениях в Алайской долине, в Средней Азии, и веселые рассказы, которые вы читаете в «Пионере».

Мих. Лоскутов



Участники каракумского пробега на развалинах древнего города в пустыне. Снимок сделан на высоте в несколько десятков метров, с вершины полуразрушенного храма. Под ним— остатки оазиса. Дальше простирается пустыня. Крайний справа—писатель М. Лоскутов.

„Блуждающая школа“

Когда мы читали книжки Кассиля «Кондуит» и «Швамбрания», у нас было очень много разговоров о них. Эти книжки так понравились всем ребятам, что некоторые даже стали говорить словами Оськи, Лельки и других ребят, о которых пишет Л. Кассиль. Эти книжки очень веселые и интересные, и вот мы узнали, что в театре идет пьеса Кассиля «Блуждающая школа». Нам очень захотелось посмотреть ее, и мы пошли в МТЮЗ.

Пьеса эта действительно очень хорошая. Оська на сцене совсем такой же, как мы представляли его себе, когда читали книгу Кассиля.

Только он слишком высокий, почти одного роста с Лелькой, а ведь Лелька учится в 4-м классе гимназии и старше Оськи.

Самые смешные сцены в пьесе — это те, в которых участвует Оська. В третьем действии Лелька сидит и занимается, а Оська лежит на кровати.

Вдруг Оська спрашивает:

— Лелька, а почему ты знаешь, что земля круглая?

Лелька отвечает ему:

— Если корабль отправляется в путешествие, то он скрывается за горизонтом, и его не видно.

Оська подумал и говорит:

— Леля, а, может быть, корабль утонул.

Лелька рассердился на Оську и закричал, чтобы он не мешал заниматься.

А Оська очень непоседливый. Он накрылся одеялом, полежал немного, а потом говорит:

— А я знаю. Земля круглая, потому что глобус круглый.

Мы очень много смеялись над Оськой. В классе, в котором учился Лелька, ребята разные. Весь класс у них там делился на партии. Во главе одной партии—Степка Атлантида, во главе другой—Биндюг. Только Степка Атлантида совсем не такой должен быть. Он на самом деле ведь очень смелый, решительный, а на сцене Степка какой-то неэнергичный, даже трусливый. И даже не верится, что он идет на фронт.

Очень хорошо играет Биндюг. Биндюг весь рыжий, в веснушках, большой задира. Его почти все гимназисты боятся, хоть он и небольшого роста. Что он скажет, то они и делают. Биндюг не любит Лельку и Карлушу. А Степка за них заступается.

У гимназистов очень плохие отношения с учителями. В первом действии учитель истории (ребята прозвали его «Тараканище») вызвал отвечать Карлушу. Он знал урок, но начал говорить очень быстро. Тогда учитель велел ему говорить медленней. Карлуша стал говорить с расстановкой. Тогда Тараканище стал над ним издеваться, что он немец, и сказал, что поставит ему единицу.

А Карлуша был очень бедный — его учили бесплатно, и, если бы он получил хоть одну единицу, его исключили бы из гимназии.

Все гимназисты стали кричать, что Карлуше не надо ставить единицу: он урок знает.

А Степка рассердился и запустил чернильницу в портрет Иоанна Грозного, который висел на доске. Учитель побежал за

директором. Директор хотел узнать, кто кинул, и спросил:

— У кого нет чернильницы?

Но гимназисты его перехитрили. Пока учитель бегал за директором, они составили все чернильницы на стол. Степка не выдержал и сознался сам. Его исключили из школы.

В «Блуждающей школе» очень интересно показано, как гимназия превращалась во время революции в единую трудовую школу. Очень смешной момент, когда девочки пришли учиться вместе с мальчиками. Раньше ведь они учились отдельно. Вначале в школе было много беспорядков. Ребята, которые шли за Биндюгом, не хотели заниматься и не слушались заведующего школой.

Но потом ребята опять стали заниматься серьезно.

Все действия в пьесе очень хорошие. И артисты играют хорошо. Только непонятно, почему все артисты, которые играют гимназистов, — женщины. Ведь эти же роли могли бы сыграть и настоящие ребята.

В первом действии мы сидели не в партере, а на балконе. И нам была видна не только декорация, но и все доски, куски материи. Это плохо. Ведь со всех сторон в театре должна быть видна только одна декорация... Это первая пьеса Л. Кассиля, которую мы видели. Она получилась очень хорошая, и все ребята ее смотрят с большим удовольствием.

Будет ли Лев Кассиль писать еще пьесы и о чем?

Марина Смирнова,
Лева Зеленый,
Софа Мостман.

Москва, 10-я школа
Фрунзенского района.

Отвечаю зрителям

Мне было очень радостно читать в вашем хорошем, вдумчивом письме-отзыве, как верно вы поняли сами смысл (идею) спектакля и пьесы «Блуждающая школа», написанной мною вместе с С. А. Ауслендером по книгам моим «Кондуит» и «Швамбрания». Я всегда думал и продолжаю думать, что нашим ребятам можно рассказывать о самых сложных и трудных вещах. Они все отлично поймут и поймут, как надо. Надо только умело и интересно рассказать это. У многих взрослых есть какое-то недоверие, боязнь, что ребята поймут все не так, как следует. Вот и с «Блуждающей школой» так было. Некоторые взрослые дяди и тети испугались, как бы советские школьники не стали подражать царским гимназистам и хулиганить так, как хулиганили в царской школе. Но я этого не боюсь. Я знаю, что наши ребята прекрасно понимают, что заставляло прежних гимназистов вести в классе войну с начальством. И сотни отзывов зрителей, так же как и ваше письмо, подтверждают, что ребята очень правильно понимают, что хотели сказать авторы и артисты в пьесе «Блуждающая школа», поставленной режиссером А. Лобановым в Московском театре юного зрителя.

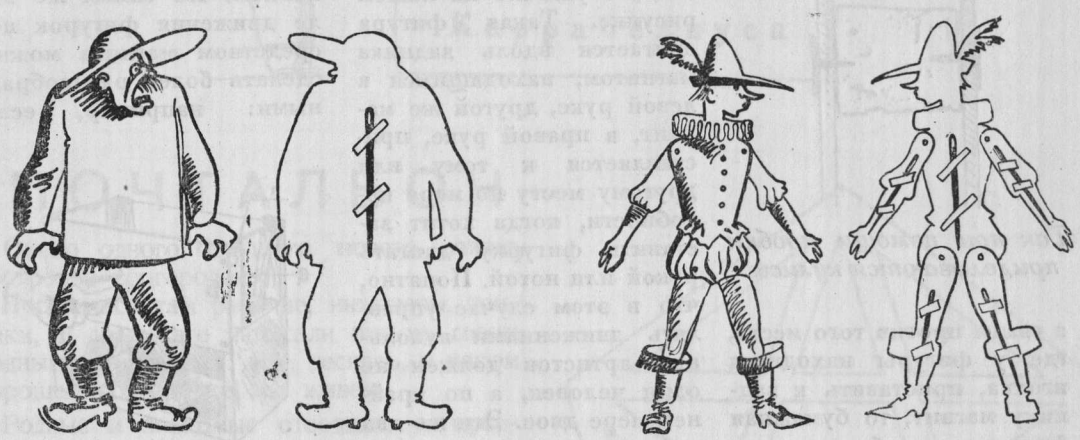
Вы пишете, что напрасно всех гимназистов играют взрослые артистки, — могли бы, дескать, и сами ребята их сыграть.

Нет, ребята сыграли бы гораздо хуже хороших, талантливых, умных артисток. Играть на сцене — очень трудное, серьезное искусство. Этому надо долго учиться. Да и научившись, надо для каждой новой роли несколько месяцев, каждый день подряд, приучать себя к тому образу, характеру, типу, который ты собираешься изображать на сцене.

А если бы гимназистов играли сами ребята, то они играли бы самих себя, сегодняшних ребят. Едва ли смогли бы они создать такие запоминающиеся, верные образы, как например Биндюг, Оська, Леля, Степа, Гавря, Куфельд, Лобанда, Халупа, Жук и т. д. Ведь каждый из них выглядит по-своему, говорит, двигается, живет на свой манер. Такое разнообразие типов может быть создано только хорошим профессиональным актерским коллективом.

Что касается некоторых небрежностей в декорациях и во внешнем виде частей сцены, то я об этом сообщил уже директору театра, и он обещал все исправить. Ну, вот и все. Привет. Сейчас я начинаю работу над новой пьесой о советских ребятах.

Лев Кассиль



Магнитный кукольный театр

В этом театре куклы передвигаются по сцене, двигают руками и ногами. Обычно в театре марионеток видны нитки, которые приводят кукол в движение, а в магнитном театре нет никаких ниток. Зритель сразу даже не догадается, как это куклы двигаются.

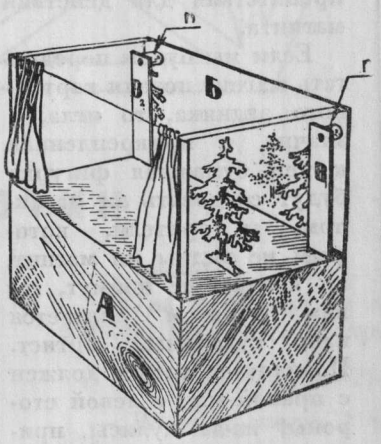
Сделать такой театр очень легко самим, только необходимо иметь обыкновенный подковообразный магнит.

Прежде всего нужно сделать сцену кукольного театра; для этого можно использовать небольшой ящик (А). Ящик ставится на бок так, чтобы отверстие его было обращено в сторону, противоположную от зрителя.

К верхней стенке его прикрепляется большой четырехугольный кусок картона. Верхняя стенка ящика будет служить полом сцены, а кусок картона (Б)—задником, вдоль которого будут двигаться куклы-артисты. По бокам задника укрепляются узкие полоски картона. Это кулисы, из-за которых будут появляться артисты. Каждая кулиса (В) прикрепляется к заднику при помощи пробки и двух кнопок так, чтобы между кулисой и задником было пространство в 3—4 сантиметра.

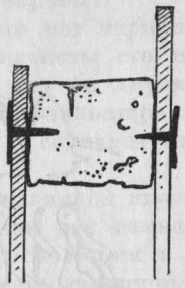
В передней части сцены можно сделать маленький занавес, который будет двигаться по проволоке, укрепленной на двух стойках, прибитых к передним углам сцены. Сцена готова. Теперь надо приготовить артистов.

На толстом листе бумаги рисуют человеческую



Сцена кукольного театра.

фигурку. Фигурку раскрашивают разноцветными карандашами или красками и затем вырезают ножницами. Сзади к туловищу фигуры двумя тонкими полосками папиросной бумаги приклеивают обыкновенную швейную иголку. Если теперь приложить фигуру снаружи к передней части задника,



Так при помощи пробки приделываются кулисы.

а сзади против того места, где у фигуры находится иголка, приставить к заднику магнит, то бумажная фигурка как бы прилипнет к заднику.

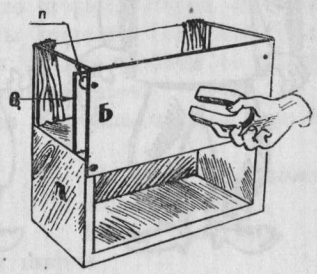
Тонкий слой картона, который находится между магнитом и иголкой, не представляет никакого препятствия для действия магнита.

Если мы будем передвигать магнит позади картонного задника, то игла, а значит, и прикрепленная к ней бумажная фигурка будут следовать за магнитом, и зрители, которым не видны ни магнит, ни иголка, не поймут, каким образом двигается наш кукольный артист. Появляться артист должен с правой или с левой стороны, из-за кулисы, прикрывающей край задника. Другой кукольный артист выпускается точно таким же образом с противоположной стороны сцены, из-за другой кулисы.

Если у вас есть несколько магнитов, то легко сделать так, что кукольные артисты не только будут передвигаться сами, но двигать руками и ногами. Для этого надо руки и ноги у бумажных фигурок сделать подвижными и к каждой руке и ноге приклеить сзади по иголке, как это указано на нашем рисунке. Такая фигура двигается вдоль задника магнитом, находящимся в левой руке, другой же магнит, в правой руке, приставляется к тому или другому месту по мере надобности, когда хотят заставить фигурку двигать рукой или ногой. Понятно, что в этом случае управлять движениями кукольных артистов должен не один человек, а по крайней мере двое. Эти же два человека говорят и слова пьесы, стараясь точно согласовать слова с движениями фигурок.

Декорации для магнитного театра делаются очень просто: для этого на задник и на боковые кулисы кнопками или булавками прикрепляются вырезанные из бумаги и раскрашенные изображения домов, деревьев, гор, окон, дверей, машин и т. п. Такие же изображения, вырезанные из бумаги или картона, прикрепляются к полу сцены, впереди задника, на одной линии с кулисами или даже несколько ближе к рампе (передней линии сцены). Эти декорации можно сделать такой величины и формы, что за ними будет легко скрыть руку с магнитом. Таким образом кукольные артисты могут в этом случае двигаться не только вдоль задника, но и перед декорациями.

Вообще магнитный театр при некотором навыке в работе и при известной доле изобретательности можно сделать чрезвычайно интересным и разнообразным. Его устройство здесь описано только в основном. На самом же деле движения фигурок посредством магнита можно сделать более разнообразными: например, если



Так надо действовать магнитом.

укрепить горизонтально иголку внизу, к ступням ног фигурки, а руку с магнитом (конечно, если магнит достаточно силен) ввести в ящик и приставить магнит изнутри к полу сцены, то можно заставить двигаться фигурку по всей сцене. Но двигать руками она, понятно, в этом случае сможет лишь тогда, когда прислонится к заднику и когда к заднику с другой стороны будет подведен другой магнит.

Можно сделать и совсем простой магнитный театр: без сцены, занавеса, декорации и т. д. Для этого надо взять четырехугольный кусок картона, прикрепить его вертикально кнопками к краю стола. К картону с боков при помощи пробок и кнопок прикрепляются две кулисы. Исполнители с магнитами сидят сзади картона, а зрители — по другую сторону стола.

Загадки доктора Каррабелиуса

ПОЧТАЛЬОН

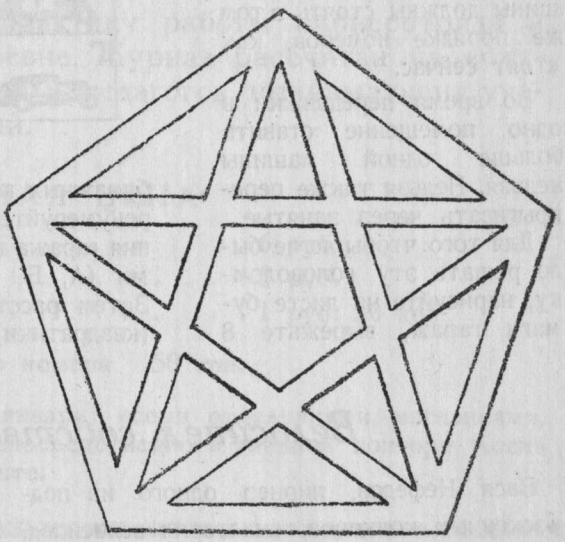
Около одного большого нового завода построили соцгородок.

Поселились там рабочие, инженеры, техники, и сразу все написали письма своим родным и знакомым: вот, дескать, в каком хорошем соцгородке мы живем.

Родные и знакомые ответили: поздравляют, конечно, жителей соцгородка с новосельем.

Пришли эти поздравительные письма на почту, положил их почтальон в сумку и задумался: как бы это поскорее разнести? И решил, что быстрее всего он справится со своей задачей, если обойдет все дома, не проходя по одной и той же улице больше одного раза.

Как вы думаете: можно ли это сделать?



Великий математик

Пришла к нам в редакцию девочка.

— Здравствуйте, — говорит, — я прочла в прошлом номере задачу про шахматную доску.

— Ну и что же, решила? — спрашиваем мы.

— Нет, не решила.

— Тогда чего же ты пришла? Узнать решение?

— Нет, это неинтересно, я лучше сама решу. Я в своем классе лучший математик, нет такой задачи, которую я не решила бы. Я и сама умею задачи загадывать. Вот я прочла задачу про шахматную доску и узнала, что можно загадывать редакции свои задачи.

— А ну, ну! Загадай!

Я вам докажу, что единица равна пяти!

— Ну, этого-то ты не докажешь! — не поверили мы.

— Докажу!

— Не докажешь!

— Докажу!!! Вот смотрите.

Девочка написала на клочке бумажки:

$$1 = 5$$

— Какое же это равенство!? — возмутился наш художник.

— Это пока не равенство. Вы знаете, что если от двух чисел отнять по одинаковому числу, то разница между ними останется та же?

— Знаем!

— Так я отниму и от единицы и от пяти по три:

$$(1-3=-2)=(5-3=2)$$

— Но ведь минус 2 на 4 больше, чем плюс 2.

— Верно, — говорит девочка, — а теперь я возьму и возведу оба числа в квадрат:

— $2^2=+2^2$, то есть $4=4$, что и требовалось доказать! Вот, а вы говорили, что я не докажу!

Все мы сперва очень удивились, но потом подумали и увидали, что девочка в своих доказательствах допустила ошибку.

Интересно: найдете ли эту ошибку вы?

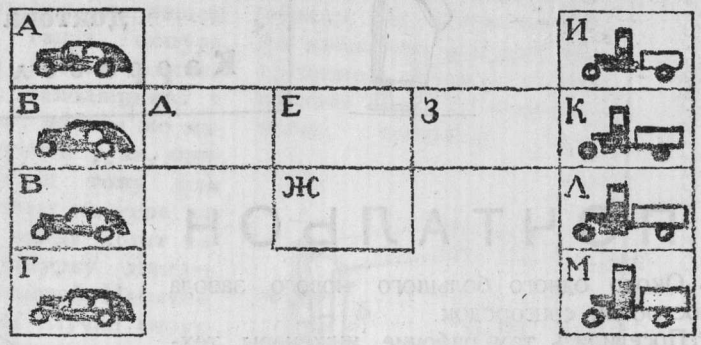
Г А Р А Ж

В гараже стоит 8 автомобилей: в левом крыле здания — легковые, в правом — грузовые.

Надо переставить легковые машины на место грузовых, а грузовые — на место легковых, причем машины должны стоять в том же порядке номеров, как стоят сейчас.

Во время передвижки в одно помещение ставить больше одной машины нельзя. Нельзя также перепрыгивать через занятые.

Для того чтобы легче было решать эту головоломку, нарисуйте на листе бумаги гараж, вырежьте 8 бумажных квадратиков, перенумеруйте их, а помещения гаража пометьте буквами (А, Б, В, Г и т. д.). Затем расставьте машины (квадратики) и, передвигая, записывайте (например: автомобиль 2, стоящий в комнате Б, вы передвинули в комнату Ж, коротко это можно записать так: 2Б—Ж).



Велосипед собственной конструкции

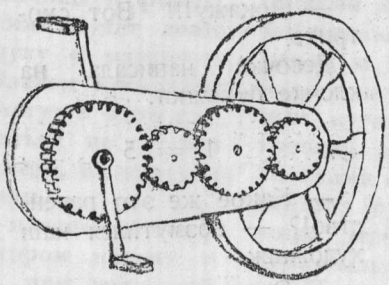
Вася Нефедов, пионер одного из подмосковных колхозов, смастерил велосипед. Из чего он его сделал, рассказывать не будем, потому что если его бабушка узнает, что колеса от ее прялок исчезли, брат узнает, что водопроводные трубы, из которых он хотел делать турник, пропали, и т. д., то неприятностей у Васи будет много.

Цепи у Васи не было (неоткуда было ее взять), и он устроил передачу из шестеренок.

Шестеренки установлены в таком порядке: первая, к которой прикреплены педали, — 32 зуба, вторая—16 зубьев, третья—24 зуба и четвертая, наглухо скрепленная с колесом, — 16 зубьев.

После этого Вася притащил велосипед на школьную площадку, чтобы испробовать его.

Высчитайте, сколько раз Васе придется повернуть педали, чтобы пересечь площадку, если ее длина — 60 метров, а диаметр колес велосипеда — полметра.



Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ

Сдано в набор 15/II 1936 г. Подписано к печати 26/II 1936 г. Изд. № 190. Формат 82 × 110 см.
8 п. л. 80 640 зн. в печ. листе

Уполномоченный Главлита № Б—19209. Зак. № 383 Тираж 70 000

Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Продолжается подписка на **1936** год на ежемесячный руководящий журнал по теории и практике детского коммунистического движения

„ВОЖАТЫЙ“,

орган ЦК ВЛКСМ.

Журнал освещает опыт и практику работы пионеротряда и звена как в городе, так и в деревне. Журнал рассчитан на вожатых, пионерработников, комсоргов и педагогов, принимающих участие в работе пионерорганизаций.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год	6 руб.
на 6 мес.	3 руб.
на 3 мес.	1 руб. 50 коп.

Цена отдельного номера 50 коп.

Подписка принимается с № 1 (январь) всеми отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными Когиз, непосредственно в главной конторе Когиз (Москва, Маросейка, 7) и всюду на почте.

ПИОНЕРЫ-ШКОЛЬНИКИ!

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СНАБОВ СОЮЗСНАБОСОАВИАХИМА И В МАГАЗИНАХ КУЛЬТТОВАРОВ СЛЕДУЮЩУЮ ДЕТСКУЮ ВОЕНИЗИРОВАННУЮ ИГРУШКУ:

1. Авиомодельный материал в посылках.
2. Конструктор бумажных летающих моделей.
3. Планеры с катапультой.
4. Мухи летающие (геликоптер).
5. Бабочки летающие.
6. Парашюты детские бумажные.
7. Танкетки заводные металлические.
8. Пулеметы Максима металлические.
9. Лодки с резиномотором.
10. Воздушные коробчатые змеи.
11. Ружье с вантузой.
12. Шахбой.
13. Проекционный фонарь со стеклянными диапозитивами и ряд других военизированных игрушек.

СОЮЗСНАБОСОАВИАХИМ

Цена 1 р. 30 к.

МГ735
П29
34

ПЕТЯ ПЕШЕХОДОВ И ТРОФИМ КАРЛОВИЧ БЕДА

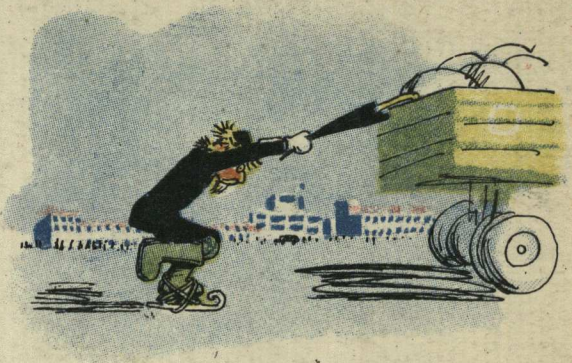
Рис. А. Каневского

Здесь нарисован Петя Пешеходов. Читатели его знают. Это очень баловной старик.

Смотрите, какой он упрямый. В прошлом номере «Пионера» он уже катался на коньке, однако, это ему так понравилось, что он ни за что не хочет слезть со своего конька.

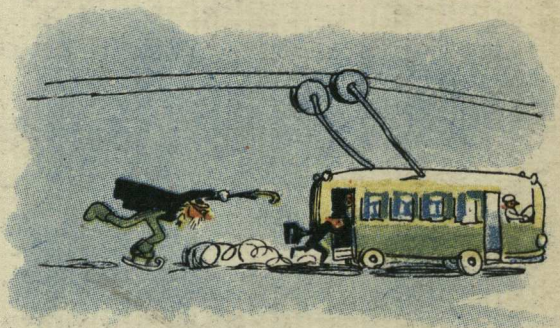
Он очень завистлив. «Вот бы мне покататься за автомобилем!»—думал он. Он очень жалел, что этому мешают его длинная борода и очки.

Тогда он вышел на улицу с зонтиком и уцепился ручкой за проходящий грузовик. При этом, смотрите, он делает очень испуганное лицо. «Пусть все думают, что не я зацепил грузовик, а грузовик—меня»,—говорит он.



Такое катанье ему очень понравилось. Тогда он придумал такой номер: «Как будто я догоняю троллейбус, чтобы вскочить в него. А сам зацеплюсь за что-нибудь».

Он был близорук, но упрям. Такие забавы хорошо не кончаются.



И действительно, он уцепился за какую-то штуку. Штука некоторое время ехала вперед, а потом вдруг перестала ехать. И Петя перестал.

— Что такое? Остановка?—спросил Петя Пешеходов.

Однако, присмотревшись поближе, он был очень удивлен и испуган. «Это ведь был троллейбус,—шептал он,—а стал портфель!»

Где же Трофим? Где же Трофим Карлович Беда, постоянный друг и наставник Пети? Вот он появился в самый подходящий момент.

— Я так и думал, что ты натворишь какую-нибудь глупость!—сказал он.—Едем скорее отсюда, нето будут большие неприятности. Вечно с тобой мне хлопоты. Довольно тебе кататься на коньках. Это уже надоело читателям «Пионера».

Ц. 1936 г.
Акт № 83
Вкладн. л.